

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т. Н. Долинина

ДРАЙВЕРЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ

Минск 2019

УДК 338:330.354
ББК 65.9(2)-1я73
Д64

*Рассмотрено и рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Белорусского государственного технологического университета.*

Р е ц е н з е н т ы :

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента, технологий бизнеса
и устойчивого развития УО «Белорусский государственный
технологический университет» *А. В. Неверов;*

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры банковского дела УО «Белорусский
государственный экономический университет»

Б. Н. Желиба;

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой менеджмента, экономики
и информационных технологий ГУО «Институт повышения
квалификации и переподготовки руководителей
и специалистов промышленности «Кадры индустрии»

С. В. Шевченко

Долинина, Т. Н.

Д64   Драйверы инклюзивного развития / Т. Н. Долинина. –
Минск : БГТУ, 2019. – 252 с.
ISBN 978-985-530-744-1.

В монографии рассматриваются природный, физический, человеческий и институциональный капиталы как агрегированные факторы, определяющие национальную конкурентоспособность в условиях рентной модели глобальной экономики. На базе подходов Всемирного экономического форума дана оценка качества и устойчивости социально-экономического развития Республики Беларусь. Исследованы составляющие национального богатства Республики Беларусь, особое внимание уделено человеческому и институциональному капиталу. Выявлены проблемы, препятствующие инклюзивному развитию Республики Беларусь.

Монография адресуетя работникам науки, высшего образования и управления в области экономики, а также магистрантам, аспирантам, докторантам и слушателям системы повышения квалификации.

**УДК 338:330.354
ББК 65.9(2)-1я73**

ISBN 978-985-530-744-1

© УО «Белорусский государственный
технологический университет», 2019
© Долинина Т. Н., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	4
КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ	9
1.1. Рентная модель глобальной экономики.....	9
1.2. Факторы национальной конкурентоспособности	22
1.3. «Неосвязаемый» капитал	35
1.4. Индикаторы инклюзивного развития.....	59
2. БЕЛАРУСЬ: НА ПУТИ К ИНКЛЮЗИВНОМУ РАЗВИТИЮ	71
2.1. Беларусь в XXI веке	71
2.2. Рост и развитие	84
2.3. Инклюзивность	98
2.4. Межпоколенческий капитал и устойчивость развития	120
3. НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	132
3.1. Альтернативные подходы к оценке национального богатства.....	132
3.2. Человеческий капитал	146
3.3. Институциональный капитал	163
3.4. Благосостояние за труд	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	227
ГЛОССАРИЙ	232
ПЕРЕЧНИ МАТЕРИАЛОВ	234
Перечень рисунков	234
Перечень таблиц	235
Перечень вставок.....	237
ЛИТЕРАТУРА	238

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Белстат – Национальный статистический комитет Республики Беларусь
БПМ – бюджет прожиточного минимума
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВБ – Всемирный банк
ВВП – валовой внутренний продукт
ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения
ВЭФ – Всемирный экономический форум
Евростат – Статистическая служба Европейского союза
ЕС – Европейский союз
МВФ – Международный валютный фонд
МЗП – минимальная заработная плата
МОТ – Международная организация труда
МПБ – минимальный потребительский бюджет
НТП – научно-технический прогресс
ООН – Организация Объединенных Наций
ОЭСР – Организации экономического сотрудничества и развития
ППС – паритет покупательной способности национальной валюты
ПРООН – Программа развития Организации Объединенных Наций
РФ – Российская Федерация
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНС – Система национальных счетов
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТНК – транснациональная корпорация
ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа
ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Русский термин

Благосостояние
Бедность
Валовой внутренний продукт
Государственный долг
Демография
Дифференциация доходов
Заработная плата
Занятость
Индикатор
Инклюзивное развитие
Институты
Институциональная среда
Институциональный капитал
Качество жизни
Конкурентоспособность
Медианный доход
Межпоколенческий капитал
Наемный работник
Национальное богатство
Парниковая интенсивность
Природный капитал
Производительность труда
Продолжительность жизни
Рента
Рынок труда
Труд
Трудовая мотивация
Уровень жизни
Устойчивое развитие
Факторы производства
Физический капитал
Человеческий капитал

Английский термин

Welfare
Poverty
Gross domestic product
State debt
Demography
Income differentiation
Wage
Employment
Indicator
Inclusive development
Institutes
Institutional environment
Institutional capital
The quality of life
Competitiveness
Median income
Intergenerational capital
Employee
National wealth
Greenhouse intensity
Natural capital
Labor productivity
Lifespan
Rent
Labor market
Work
Labor motivation
Standard of living
Sustainable development
Production factors
Physical capital
Human capital

*«Жила бы страна родная...»
Лев Ошанин*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выяснение фундаментальных факторов, определяющих конкурентоспособность Республики Беларусь, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Без понимания этого трудно рассчитывать на правильный выбор направлений изменения государственной политики, настоятельная необходимость чего давно просматривается. Решение данного вопроса и составляет цель написания этой книги.

Данная монография является логическим продолжением и развитием идей, ранее сформулированных автором. В нее вошли как уже опубликованные материалы, так и те, которые ранее не издавались, а также материалы лекций, прочитанных в Институте повышения квалификации и переподготовки Белорусского государственного технологического университета, Институте государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Институте повышения квалификации и переподготовки «Кадры индустрии» Министерства промышленности Республики Беларусь, Минском областном институте развития образования.

Методологической основой работы выступает совокупность теорий факторов производства и концепций национального богатства. Методология исследования опирается не только на критическое осмысление и обобщение теоретических подходов различных направлений экономической мысли, но и на анализ реальности. Эмпирические обоснования своих выводов и заключений автор черпал из обширного массива информации. Для выполнения исследования были привлечены статистические и аналитические материалы, в частности, использованы базы данных и публикации (информационно-аналитические доклады, статистические сборники и бюллетени, справочники, атласы, экспресс-информация, пресс-релизы) Национального статистического комитета Респуб-

---

лики Беларусь, Всемирного банка, Организации Объединенных Наций, Всемирного экономического форума и других международных организаций. Большая часть индикаторов, представленных в монографии, базируется на официальной статистике, что позволяет уйти от дискуссии по поводу методик определения используемых показателей. Использование данных по странам СНГ и Евросоюза дает читателям возможность для объективных международных сопоставлений, без которых современные исследования немислимы.

При выполнении исследования автор шел по пути сознательного отказа от излишней математизации, отдавая предпочтение теоретическим аргументам и научной рефлексии, простейшим приемам обработки данных, позволяющим сделать их более «выпуклыми». В то же время в монографии сознательно усилен публицистический компонент, который может расширить читательскую аудиторию. Учитывая длительность исследования и большой массив проанализированных данных и изученных публикаций по вопросам, затрагиваемым в книге, автору трудно было дать ссылки на все использованные источники информации, но она искренне к этому стремилась.

Материал, излагаемый в данной монографии, сгруппирован в три главы, в которых систематизированы современные знания о факторах национальной конкурентоспособности и дана их оценка применительно к Республике Беларусь.

В первой главе монографии «Инклюзивное развитие в глобальной экономике» обосновывается рентабельная мотивация экономических субъектов и на основе обобщения теорий факторов производства и концепций национального богатства вычленяются агрегированные факторы, определяющие конкурентоспособность национальных экономик. Ключевым фактором национальной конкурентоспособности признается нематериальный капитал, представляемый суммой человеческого и институционального капиталов. Рассматривается концепция панельных индикаторов Всемирного экономического форума, положенная в основу определения Индекса инклюзивного развития стран мира, выступающего интегральной оценкой конкурентоспособности национальной экономики, ее устойчивости и социальной ориентированности.

Вторая глава «Беларусь: на пути к инклюзивному развитию» посвящена оценке качества и устойчивости социально-экономического

развития Республики Беларусь на базе подходов Всемирного экономического форума. В силу недоступности отдельных показателей и невозможности воспроизведения их расчета по методологии ВЭФ автор вынужден был прибегнуть к экспертным оценкам по ряду индикаторов и позиций, используя при этом данные официальной статистики и компоративный анализ.

В третьей главе «Национальное богатство Республики Беларусь» автор обращается к исследованию составляющих национального богатства Республики Беларусь, опираясь на альтернативные подходы, в частности на методологию Системы национальных счетов и расширительную концепцию Всемирного банка. Особое внимание уделено человеческому и институциональному капиталам. Рассмотрение национального богатства Республики Беларусь позволило выявить проблемы институционального развития и институты, совершенствование которых позволит повысить конкурентоспособность национальной экономики. К числу экономических институтов, имеющих исключительное значение для национальной экономики, отнесены распределительные институты, развитие которых должно обеспечить рост трудовой и предпринимательской активности населения.

Представленную на суд читателей монографию хотелось бы считать прологом для дальнейших исследований в области инклюзивного развития Республики Беларусь. Ряд положений работы, безусловно, носит дискуссионный характер, некоторые из них высказаны в порядке гипотезы. Не претендуя на завершенность исследования, окончательное решение поставленных вопросов и имеющихся проблем, автор тем не менее надеется, что данная работа послужит определенным толчком к дальнейшей разработке теорий национальной конкурентоспособности и распределения доходов.

1. ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

1.1. Рентная модель глобальной экономики

Развитие мировой экономики в конце XX – начале XXI в. описывается рядом характерных тенденций. В первую очередь это усиление процессов глобализации, международной интеграции и интернационализации производства и потребления. Глобализация экономики идет на фоне истощения мировых запасов природно-сырьевых ресурсов, что обусловлено как постоянным ростом численности населения планеты¹, так и увеличением потребления природных ресурсов в экономически развитых странах и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Отсюда – усиление конкуренции на мировых рынках, нарастание дисбалансов в мировой торговле и движении капиталов, сопровождаемое реформатированием мировой финансовой системы, появлением новых мировых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке, формированием новых региональных интеграционных объединений стран, транснациональных компаний и межнациональных корпораций.

Локомотивом глобализации являются транснациональные корпорации, создавшие сверхмощные механизмы присвоения доходов, основанные на концентрации производства и экспорте высокотехнологичной продукции, использовании мировых финансовых центров, международных организаций и других факторов. Контролируя большую часть мирового богатства, они играют сегодня детерминирующую роль в мировой экономике, влияют на политические и социальные процессы.

---

¹ Счетчик населения Земли: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrymeters.info/ru/World>. – Дата доступа: 10.03.2018.

Глобализация – неопровержимый факт действительности, реальность, оказывающая влияние на нашу повседневную жизнь. Необратимая в своей основе² и стремительно развивающаяся с переходом на цифровую платформу³, глобализация принесла с собой различные проблемы. В мире идет постоянная борьба за сферы влияния, ресурсы⁴ и рынки, «борьба изощренная, бескомпромиссная и жестокая, в которой используются любые средства»⁵. Это становится источником многочисленных (долговых, валютных, экологических, социальных и др.) проблем для тех стран, которые теряют позиции из-за технологической или иной отсталости⁶. И если еще недавно многие экономисты говорили о глобализации как об уникальном явлении в развитии человечества, приводящем к установлению справедливых мирохозяйственных связей, то современная ситуация свидетельствует о том, что глобализация не ведет к установлению абсолютного равенства и справедливости.

Процессы глобализации привели к углублению неравенства стран по уровню экономического и социального развития. В XXI в. окончательно утвердилось разделение стран на богатые – страны «золотого миллиарда» – и бедные – развивающиеся страны. Промежуточное положение занимают страны с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы, Содружества Независимых Государств. Колоссальный разрыв в доходах – основная причина мировых дисбалансов и растущих диспропорций между развитыми и развивающимися странами. Эмпирические

---

² Афонцев, С. А. Мировая экономика в поисках новой модели роста / С. А. Афонцев // МЭиМО. – 2014. – № 2. – С. 3–12.

³ Новикова, И. В. Смена модели глобализации: от рыночной аналоговой к цифровой экономике / И. В. Новикова // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 27–28 сент. 2018 г.) / редкол.: В. В. Пузиков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 27–30.

⁴ Буховец, О. Г. Обострение борьбы за ресурсы в мире и белорусский опыт законодательства о недрах / О. Г. Буховец // Белорусский экономический журнал. – 2014. – № 3. – С. 121–132.

⁵ Мясникович, М. В. Актуальные вопросы экономической теории и практики / М. В. Мясникович // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 4.

⁶ Долговая проблема как феномен XXI века: монография / под ред. А. А. Пороховского. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

данные о нарастании социально-экономического неравенства в мировом масштабе дают пищу для размышления и стимулируют экономистов к поиску концепций, объясняющих происходящие процессы.

Механизм функционирования современного мирового хозяйства в наиболее общем виде отражает *мир-системный подход*, развиваемый Фернаном Броделем (1902–1985), Имануилом Валлерстайном (1930), Джованни Ариги (1937–2009). Отличительной чертой этого подхода является взгляд на капитализм как на иерархическую мировую систему, развивающуюся через эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (отсталые страны). Между тем цельную теорию мир-системного анализа связывают с именем американского историка экономики И. Валлерстайна⁷.

Центральным понятием теории И. Валлерстайна выступает мир-экономика как система международных связей, основанная на торговле. Согласно этой теории все страны капиталистической мир-экономики живут в одном ритме, диктуемом «длинными волнами» Кондратьева. При этом для капиталистической мир-экономики характерно «осевое разделение труда» – деление на ядро (центр), периферию и полупериферию. Страны центра, образующие ядро мирового хозяйства, играют роль ведущей силы мирохозяйственного развития. Остальные страны образуют полупериферию и периферию, т. е. являются экономически и политически зависимыми. Отсталость стран периферии объясняется целенаправленной политикой стран ядра – они навязывают подчиненным странам такую экономическую специализацию, которая сохраняет лидерство развитых стран. Несмотря на пропаганду идеологии «свободной торговли», страны ядра монополизируют свое привилегированное положение и силой защищают его, а единое, сквозное разделение труда позволяет центру присваивать прибавочную стоимость, производимую в мир-экономике в целом. Слабое развитие периферии (или стран «третьего» мира) является результатом их эксплуатации странами растущего капитализма (зона центра) через разделение труда, извлечение прибавочного продукта и создание рынка для распространения товаров технологически

---

⁷ Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

развитых стран⁸. Ключевым фактором, разграничивающим страны ядра и периферии, И. Валлерстайн называет *уровень монополизации рынка*⁹.

Помимо антагонистических взаимоотношений между ядром, периферией и полупериферией, другим стержнем эволюции капиталистической мир-экономики является борьба между странами ядра. Роль гегемона в мировой торговле последовательно играли Голландия (XVII в.), Великобритания (XIX в.) и США (XX в.). Промежутки между периодами гегемонии были заполнены экономическим и политическим противоборством сильнейших в экономическом отношении держав (англо-французские войны XVIII в., Первая и Вторая мировые войны в XX в.). По мнению И. Валлерстайна, в современную эпоху Америка утратит статус абсолютного лидера¹⁰.

Смену эпох и лидеров капитализма объясняет *теория вековых циклов накопления капитала Джованни Арриги*¹¹. Согласно этой теории каждый системный цикл накопления в своем развитии проходит три стадии. Первая стадия проходит, по сути, в рамках предыдущего цикла накопления капитала, в период его заката. Вторая стадия – материальная экспансия, когда свободный финансовый капитал устремляется в материальное производство, обеспечивающее ему высокий уровень доходности в соответствии со знаменитой формулой Карла Маркса (Д–Т–Д'). Однако усиление конкуренции постепенно приводит к падению нормы прибыли и кризисам сверхнакопления, когда капитал не находит себе прибыльного применения в материальном производстве и уходит

---

⁸ Общая картина динамики разрыва между центром и периферией по ВВП на душу населения за последние 200 лет выглядит следующим образом: в начале XX в. разрыв между центром (Западная Европа, Япония, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия) и периферией (все остальные страны мира за исключением постсоветских стран и постсоциалистических стран Европы) был двукратным, к концу XX в. он увеличился до восьмикратного [К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы / А. С. Малков [и др.] // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. – М.: Либроком, 2014. – С. 234–235].

⁹ Валлерстайн, И. Провал неолиберальной глобализации // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 91–94.

¹⁰ Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

¹¹ Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.

в финансовую сферу. Начинается третья стадия цикла – финансовая экспансия, когда деньги уже «делают» деньги (Д–Д'), которая характеризуется высокой турбулентностью экономических процессов и завершается кризисом перепроизводства, когда давление капитала на труд приводит к сдерживанию роста реальной заработной платы и произведенный товар не находит платежеспособного спроса. После того как на данном технико-экономическом уровне развития наступает предел дальнейшего роста и возникает нехватка ресурсов для удовлетворения потребностей увеличивающегося населения, мировая экономика попадает в фазу структурного кризиса, в рамках которого формируется новый технологический уклад, порождающий массовый приток мобильного капитала в сферу материального производства – материальную экспансию, т. е. вложение свободного капитала в производство новых товаров с целью получения максимальной прибыли. Далее начинает раскручиваться новый системный цикл накопления капитала в фазе «великих потрясений», поскольку на этой фазе происходит замена старого лидера мирового развития новым¹².

Происходящие раз в полвека структурные кризисы мировой экономики *теория длинных волн Н. Д. Кондратьева (1892–1938)* объясняет жизненными циклами технологических укладов. Жизненный цикл технологического уклада имеет три фазы. Первая – это зарождение и становление базовых инновационных технологий в рамках предшествующего технологического уклада. Вторая – период доминирования технологического уклада, обуславливающий структурную перестройку экономики на базе совокупности технологически сопряженных производств этого уклада. Третья фаза приходится на отмирание этого уклада, технологии которого становятся устаревшими. Начало каждого цикла характеризуется подъемом экономики, завершение – кризисами, за которыми следует этап перехода производительных сил на более высокий уровень развития.

Взаимосвязь долгосрочных циклических колебаний экономики с инновационным развитием, обоснованная Н. Д. Кондратьевым и Й. Шумпетером, получила развитие в *концепции технологических укладов Д. С. Львова и С. Ю. Глазьева*, сформулировавших в начале

---

¹² Айвазов, А. Э. Периодическая система мирового капиталистического развития / А. Э. Айвазов // Развитие и экономика. – 2012. – № 2. – С. 140–147.

1990-х гг. само понятие технологического уклада как «совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно» и выделивших пять уже реализованных укладов¹³ (рис. 1.1).

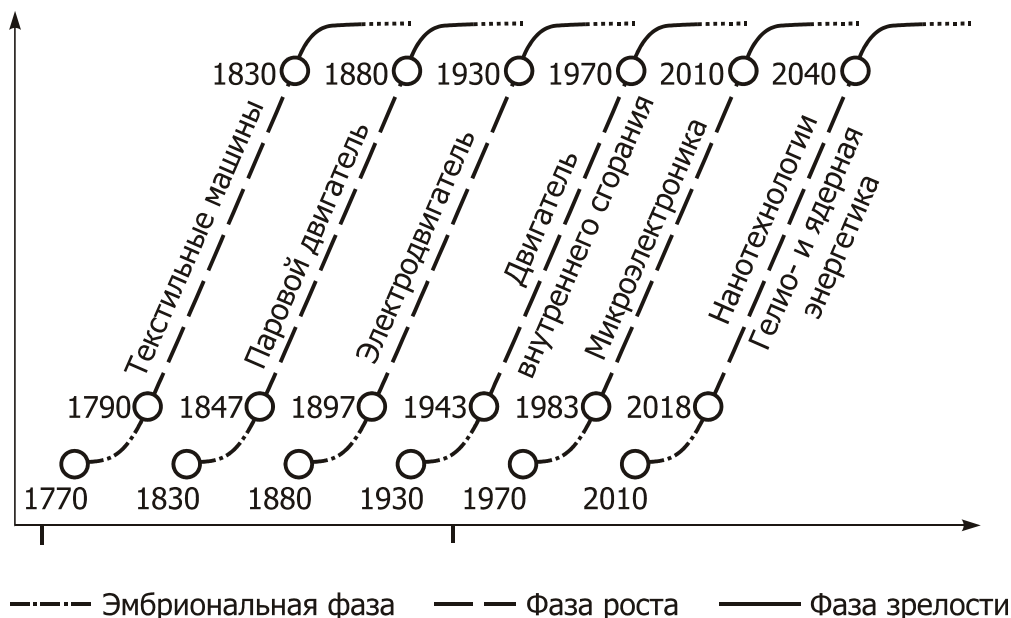

Рис. 1.1. Технологические уклады С. Ю. Глазьева¹⁴

В технико-экономическом развитии производства выделяют жизненные циклы пяти последовательно сменявших друг друга технологических укладов. Возникновение первого технологического уклада, датируемого 1770–1830-ми гг., было связано с осуществлением первой промышленной революции. Он базировался на новых технологиях в текстильной промышленности и использовании энергии воды. Второй технологический уклад (1830–1880-е гг.) был связан с созданием парового двигателя, что обусловило ускоренное строительство железных дорог, распространение парового судоходства и возникновение механического производства. Вторая промышленная революция предопределила третий технологический уклад (1880–1930-е гг.). Появление электродвигателей

¹³ Глазьев, С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2018. – Т. 54, № 3. – С. 17–30.

¹⁴ Глазьев, С. Ю. Между Вашингтоном и Пекином / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2015. – № 2. – С. 9.

привело к тому, что ключевыми стали технологии, опирающиеся на использование в промышленном производстве электрической энергии. Это обеспечило развитие тяжелого машиностроения и электротехнической промышленности на основе использования стального проката, новых открытий в области химии. Дальнейшее развитие энергетики с использованием нефти и нефтепродуктов, газа, появление новых средств связи и новых синтетических материалов определили формирование четвертого технологического уклада (1930–1970-е гг.). Его достижением стало появление массовых и серийных производств, развитие связи и транснациональных отношений. С 1970-х гг. «эпоха нефти» постепенно смещается преобладающим сегодня в развитых странах пятым технологическим укладом, который опирается на достижения в области микроэлектроники, информатики, биотехнологии, генной инженерии, использования новых видов энергии, материалов, освоения космического пространства, спутниковой связи и т. п. Его альтернативой в ближайшее десятилетие станет шестой технологический уклад, преимущество которого будет состоять в резком снижении энергоемкости и материалоемкости производства, в конструировании материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Дефицит дешевых энергетических и сырьевых ресурсов выступает ключевым условием возникновения нового технологического уклада, основной идеей которого является значительно более высокая ресурсоэффективность производства. Ожидается, что вскоре передовые страны выйдут на длинную волну его экономического роста¹⁵. Появление шестого технологического уклада объявляется новой промышленной революцией.

Ускорение темпов научно-технологического прогресса сопровождается усилением борьбы за технологическое лидерство и новые ниши на мировом рынке высокотехнологичной продукции. При этом непрерывный инновационный процесс не позволяет экономике достичь состояния равновесия – она имеет хронически неравновесный характер. Согласно концепции инновационного развития Й. Шумпетера экономическая система саморазвивается тогда, когда в ней непрерывно воспроизводятся новые комбинации факторов производства, в связи с чем в капиталистической системе

---

¹⁵ Глазьев, С. Ю. Между Вашингтоном и Пекином / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2015. – № 2. – С. 8; Неоиндустриализация как выход из кризиса // Экономист. – № 11. – 2009. – С. 47.

экономическое равновесие вообще не может быть достигнуто, потому что всегда существуют новшества, которые сдвигают систему из положения равновесия¹⁶.

Главным продуктом общественного производства является инновация, а главной наградой рыночной конкуренции становится возможность извлечения *ренды*, получаемой за счет технологического превосходства¹⁷. Современные законодательные нормы большинства стран предлагают охрану изобретений, технологий и произведений в рамках патентного или авторского права с тем, чтобы стимулировать инвесторов к инновациям, предоставив им право получения *ренды* от их реализации. Защита прав интеллектуальной собственности позволяет западным компаниям извлекать монопольные сверхприбыли, способствуя появлению «технологических» миллиардеров.

Сегодня не вызывает сомнения бесперспективность развития инновационной экономики без соответствующей промышленной базы. Исторически развитие мировой экономики следовало за ростом и изменениями в географии размещения обрабатывающей промышленности. Со времени первой промышленной революции неравномерность экономического развития заметно усилилась. Ее углубление было обусловлено разновременным подключением стран к развитию обрабатывающей промышленности, которая оказалась наиболее продуктивным сегментом материального производства. Это обернулось делением стран мира на две неравные по экономической мощности части – промышленно развитую и развивающуюся. Страны, сумевшие в XIX – начале XX в. приобщиться к промышленному развитию, оказались в авангарде мировой экономики. И сегодня, несмотря на глобализацию и сопутствующие ей изменения

---

¹⁶ Впервые в мировой науке инвестиционно-инновационный механизм как движущую силу экономической динамики раскрыл М. И. Туган-Барановский. Он является основоположником шумпетерианской линии в экономической науке, которая проходит через концепцию технологических парадигм, учение о ключевом факторе технологической парадигмы. Согласно такому подходу богатой становится та страна, которая развивает отрасли ключевого фактора текущей технологической парадигмы. Если развивать ключевой фактор предыдущей парадигмы – страна будет бедной [Макарский, И. П. М. И. Туган-Барановский: ученый, гражданин, созидатель государственности / И. П. Макарский // Экономика Украины. – 2015. – № 3 (362). – С. 91].

¹⁷ Янг, А. Э. Возрастающая отдача и экономический прогресс / А. Э. Янг // Экономическая политика. – 2014. – № 6. – С. 186–200.

в механизме развития, обрабатывающая промышленность не утратила роли основного двигателя экономического и социального прогресса – развитые страны мира сегодня всерьез озабочены проблемами неоиндустриализации, уже обозначились ее сферы¹⁸.

Необычайно плодотворной экономической *роли обрабатывающей промышленности* как важнейшего фактора современного мирового развития посвящено глубокое *исследование* норвежского ученого Э. С. Райнерта (1949)¹⁹, иллюстрирующее ее роль на обширном историческом материале. И дело не только в огромном разнообразии выпускаемой ею продукции, свидетельствующем о способности этой отрасли удовлетворять необычайно широкий спектр потребностей. Другое преимущество перед иными сферами производства заключается в создании весомой добавленной стоимости в расчете на единицу продукции. Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что преобладающая часть инноваций создается и воплощается в жизнь в рамках и на технико-экономической базе обрабатывающей промышленности, где при необходимости создается и требуемый инструментарий²⁰.

Э. С. Райнерт утверждает, что господствующее течение современной экономической мысли сознательно скрывает, что «богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли промышленности и услуг..., где был сконцентрирован научно-технический прогресс. Таким образом, они создавали *ренту* (сверхприбыль), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих – в виде высоких зарплат и на правительство – в больших налоговых поступлениях»²¹. Развитая экономика всегда высокоиндустриальна, потеря конкурентоспособности промышленности равносильна экономической катастрофе. Э. С. Райнерт резюмирует: «когда мы говорим о неравномерности экономического развития,

---

¹⁸ Губанов, С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики / С. Губанов // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 3–32.

¹⁹ Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – 384 с.

²⁰ Эльянов, А. Об основном локомотиве экономики / А. Эльянов // Общество и экономика. – 2014. – № 9. – С. 41.

²¹ Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – С. 30.

мы имеем в виду неодинаковые уровни индустриального развития, а в самом конечном счете техническую вооруженность труда»²².

В развитие предыдущих рассуждений уместно обратиться к популярной сегодня *теории поиска ренты*, появление которой связывают с именами представителей институционального направления современной экономической мысли Джеймса Бьюкена (1791–1868), Гардона Таллока (1922–2014), Роберта Толлисона (1942). Под рентой в ней понимается превышение оплаты услуг фактора производства над удерживающим доходом (минимальной суммой, необходимой для обеспечения этим фактором данного объема услуг). Возможность получения ренты побуждает владельцев ресурсов искать варианты их наиболее выгодного размещения. Достижение этой цели может быть обеспечено различными способами в зависимости от характера их воздействия на благосостояние общества. Экономисты делят активность предпринимателей на *поиск прибыли* (*profit seeking*) и *поиск ренты* (*rent seeking*). Если поиск ренты расширяет предложение товаров и услуг, то он трактуется как производительная деятельность и определяется термином «поиск прибыли». Так, усовершенствование ресурсов предпринимателем делает их более редкими или уникальными, внося вклад в рост общественного благосостояния, а возникающая в результате их применения дополнительная рента (*квазирента*) носит временный, преходящий характер. При отсутствии искусственных барьеров рыночная конкуренция неизбежно размывает ее, сводя до нормального уровня. Отсюда появляются стимулы инвестировать в создание таких барьеров для получения привилегий в виде трансфертов, льгот, лицензий и т. п., т. е. переключиться на «плохой поиск ренты», если такая возможность имеется. Эту ренту называют *политической* или *инсайдерской*. Теория гласит, что поиск прибыли имеет место тогда, когда размещение ресурсов ради получения ренты генерирует рост общественного благосостояния, а поиск ренты – когда размещение ресурсов ради той же цели генерирует потери общества в виде инвестиций, направленных на создание искусственных барьеров и ограничений и получение в этой связи трансфертов и льгот.

В этом контексте примечательно исследование М. Олсона, изучавшего различные *распределительные коалиции* (гильдии,

---

²² Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – С. 167.

картели и др.) и показавшего, что они всегда существовали в истории человечества и, будучи организованными, имели и имеют огромную власть и занимаются поиском различных привилегий. При этом экономическое неравенство в действительности больше связано с возможностями создания распределительных коалиций, чем с различиями во врожденных способностях людей. Образование таких коалиций способствует формированию чрезмерной социальной и экономической дифференциации общества и препятствует экономическому росту²³.

ГИЛЬДИЯ ЧЕКАНЩИКОВ ПО ЗОЛОТУ

«Жуткая иллюстрация имеется в рассказе Макгована о гильдии чеканщиков по золоту, изготавливавших золотые листы, которые в большом числе закупал император. По правилам этого ремесла никто не мог иметь больше одного ученика одновременно, но один из представителей профессии объяснил чиновнику, что, если бы ему позволили взять несколько учеников, работа ускорила бы. Получив разрешение, он нанял довольно много учеников. Такое увеличившее выпуск изделий и снижающее их цену поведение привело его товарищей по ремеслу в ярость. Кто-то высказал мысль, что "закусать до смерти не будет тяжким преступлением", видимо, на основании ужасной теории, что каждый отдельный укус не будет смертельным. И вскоре нарушитель был мертв благодаря изумверским усилиям 123 своих товарищей».

Источник: Олсон, М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Новое издательство, 2013. – С. 190–191.

Теория поиска ренты вывела экономическую науку на новый уровень. Она объясняет современное общественное устройство²⁴ и активно применяется для интерпретации истории, позволяя по-новому взглянуть на развитие человечества. С ее помощью современные экономисты, обращаясь к тем или иным историческим событиям, экономическим доктринам различных государств с целью

---

²³ Олсон, М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Новое издательство, 2013. – С. 227.

²⁴ Давыдов, Д. А. Грядущее рентное общество / Д. А. Давыдов, Л. Г. Фишман // Свободная мысль. – 2015. – № 5 (1653). – С. 157.

объяснения отставания или быстрого прогресса в развитии стран, кладут создание ренты в основу толкования развития цивилизации²⁵.

Поиск ренты является одним из мощнейших драйверов функционирования современной глобальной экономики. Сегодня нет сомнений в том, что рассчитывать на успех в развитии национальной экономики, изолируясь от мирового сообщества, не приходится. Невозможно игнорировать характерные для современной мировой экономики процессы – глобализацию организации и осуществления основных видов экономической деятельности, возрастающую взаимозависимость национальных хозяйственных систем, ускорение научно-технического прогресса, усиление борьбы за ресурсную и технологическую ренту и ее накопление в развитых странах с помощью механизмов фондового рынка и протекционизма в международной торговле в виде изобретаемых правительствами стран препятствий самого широкого спектра (квоты, тарифы, субсидии, запреты на ввоз отдельных категорий товаров и др.), нацеленных на корректировку товарных и финансовых потоков, стимулирование экспорта отечественных товаров и защиты отраслей экономики страны от конкуренции. «...Производительные предпочтения как основание для дохода сегодня в рыночно-капиталистической системе хозяйства сместились к рентной мотивации, а глобальная рента стала законно восприниматься как основная форма дохода. Ее доля сегодня примерно составляет около половины мирового ВВП, которая перераспределяется через разные каналы от стран производителей реального богатства и услуг к странам-законодателям “мирового порядка”. Это подрывает главное – стимулы и мотивы работников на разных уровнях социально-экономических процессов... Современная среда ... на первое место выдвигает категорию ренты: финансовой, институциональной, политической... Глобальная рента является ее конкретным видом проявления...»²⁶.

---

²⁵ Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 480 с.

²⁶ Лемещенко, П. С. Современная мир-экономика: некоторые уроки политэкономии / П. С. Лемещенко // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 27–28 сент. 2018 г.) / редкол.: В. В. Пузиков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 23.

Процессы, связанные с поиском ренты, сопровождаются углублением социально-экономического неравенства в глобальном масштабе, что является острой проблемой современности²⁷. При этом ряд наиболее развитых государств мира (Германия, Швейцария, Финляндия, Нидерланды и др.) озабочены идеей обеспечения своих граждан «базовым безусловным доходом», потенциальная возможность выплаты которого обусловлена получением и перераспределением отдельными национальными экономикой глобальной ренты, тогда как граждане большинства стран довольствуются скромными доходами либо проживают в бедности. Общественная дискуссия и социальные эксперименты по реализации этой идеи показывают, что «чисто финансово идея базового безусловного дохода может быть пригодна для малых стран, аккумулирующих доходы от существенно большего иностранного населения (например, офшоры, игорные территории, курортные страны)»²⁸.

«Глобализация экономики, внешне представляющаяся процессом интернализации производства, по сути, является процессом глобализации конкурентного механизма, посредством которого обеспечивается перераспределение созданной в мировом хозяйстве стоимости»²⁹. Существенное усиление роли и влияния современных распределительных коалиций на фоне ускорения научно-технического прогресса, обеспечивающего постоянное появление новых источников формирования ренты, приводит к закономерному выводу о повышении роли государств в национальных экономиках. Одной из главных функций государства является поддержание *национальной конкурентоспособности, под которой понимается способность страны в условиях глобальной конкуренции*

---

²⁷ Голубев, В. С. Неравенство, экономический рост, развитие (отклик на книгу «Неравенство доходов и экономический рост: стратегия выхода из кризиса») / В. С. Голубев // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2. – С. 42–51; Любимов, И. Л. Неравенство и экономический рост: вызовы для российской экономики / И. Л. Любимов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 11–22; Иванов, Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – № 4. – С. 126–143.

²⁸ Истратов, В. Поверили в сказку / В. Истратов, А. Белянов // Эксперт. – 2018. – № 35 (1086). – С. 39.

²⁹ Тарануха, Ю. Конкурентоспособность страны: зачем за нее бороться / Ю. Тарануха // Общество и экономика. – 2016. – № 5. – С. 76.

получать ренту (добавленную стоимость), обеспечивающую устойчивый рост уровня и качества жизни населения. Для реализации этой функции необходимы ясные представления о факторах национальной конкурентоспособности.

1.2. Факторы национальной конкурентоспособности

Национальная конкурентоспособность обеспечивается воспроизводственными условиями, определяемыми совокупностью имеющихся в стране факторов производства. Чем успешнее действующая комбинация факторов производства, тем интенсивнее поток рентных доходов (добавленной стоимости), получаемых национальной экономикой, в том числе за счет перераспределения в свою пользу стоимости, созданной в мировом хозяйстве.

Состав факторов производства всегда вызывал и по сей день вызывает споры у ученых различных направлений, а история экономической мысли сохранила разные подходы к их выделению и агрегированию. Экономической наукой предлагались многообразные модели объяснения факторов производства: однофакторная (капитал либо земля), двухфакторная (труд и капитал), трехфакторная (труд, земля и капитал), четырехфакторная (труд, земля, капитал, предпринимательство) и др.

Исторически первой научной школой политэкономии был *меркантилизм* (XV–XVII вв.). Ее представителей (Антуан Монкретьен (1576–1621), Томас Ман (1571–1641), Жан Батист Кольбер (1619–1683), Бернандо Даванцати (1529–1606), Антонио Серра (середина XVI – начало XVII в.) и др.) интересовал механизм образования богатства. Это было время, когда капитал торговцев и ростовщиков господствовал в сфере торговли и кредита, но уже начали возникать промышленные мануфактуры. Меркантилисты достаточно поверхностно понимали природу богатства и сосредотачивали внимание не на производстве, а на торговле и денежном обороте (движении золота и серебра). Они требовали от государства создания условий для притока денег в страну и снижения оттока за ее пределы, считая, что источником богатства является сфера обращения, а не сфера производства. Успешность экономики меркантилисты видели в развитии внешней торговли, поощряя вывоз промышленных и ремесленных изделий. Несмотря на то,

что тот же А. Монкретьен первостепенное значение придавал «естественному богатству» (хлеб, соль, вино и т. п.), поскольку не количество золота делает государство богатым, а «наличие предметов, необходимых для жизни», основным фактором, обеспечивающим обогащение страны, он признавал *капитал в денежном его виде*, формирующийся исключительно в сфере обмена, а главным действующим лицом экономической системы – *государство*. Экономическая политика, предлагаемая меркантилистами, в дальнейшем получила название *протекционизма*. В самом общем виде она сводится к ограничению импорта и поощрению экспорта, способствуя тем самым развитию промышленности и росту населения.

Физиократы (французская школа экономистов второй половины XVIII в., основоположником которой является *Франсуа Кенэ* (1694–1774)) в качестве единственного источника экономического развития признавали природную среду. Они считали, что создание и увеличение богатства осуществляется в сельском хозяйстве – поэтому особую роль играет *земля*, которая производит «чистый продукт» и дает доход, превышающий первоначальные затраты. Вместе с тем уже у физиократов появляются зачатки перехода от рассмотрения богатства как результата экономической деятельности к рассмотрению капитала (авансы (*advances*) у Ф. Кенэ) как источника экономического развития: капитал – богатство, являющееся результатом приложения труда к земле, создаваемое в сфере производства и не обязательно представляющее собой деньги.

Позднее в эпоху первоначального накопления капитала на первый план выходит преобразование природы, важнейшей задачей экономической деятельности становится создание средств производства. Внимание ученых смещается в сторону изучения процессов материального производства, в их работах прослеживается стремление к изучению процессов накопления капитала.

Французский экономист *Жан Батист Сей* (1767–1832) в «Трактате политической экономии» (1803) сформулировал *теорию факторов производства*, согласно которой в создании стоимости товаров равноправно задействованы *труд, земля и капитал*, которые и служат источниками доходов – заработной платы, ренты и процента соответственно. Доходы рассматривались им как плата за производственные услуги, оказываемые факторами производства, а величина вклада каждого из них определялась на основе соотношения спроса и предложения.

Теория Ж. Б. Сея на долгий период определила состав факторов производства в *классической экономической теории* и с начала XIX в. экономисты, в том числе Адам Смит (1723–1790), а затем и Давид Рикардо (1772–1823), рассматривали три агрегированных фактора производства – земля, труд и капитал. Под *землей*, как правило, понимали собственно землю с присущим ей плодородием и запасами минерального сырья, лес и воду со всеми их природными богатствами – словом, всю ту нерукотворную среду, в которой обитает человек. *Труд* – это все виды человеческой деятельности в общественном производстве, а *капитал* – все то, что используется в производстве, но не является ни землей, ни трудом, т. е. созданные человеком средства производства, орудия труда, сырье, материалы и т. д.

Введение в научный оборот агрегированных таким образом факторов производства служило определенной цели. Концепция факторов производства использовалась в самом «узком» месте экономической науки того времени – теории распределения доходов, а сами факторы производства были связаны с основными сословными группами европейского общества XIX в.: землевладельцами (дворянами), капиталистами (буржуа) и наемными работниками (пролетариями), а рента, процент и заработная плата рассматривались как законные доходы этих групп населения (собственников факторов производства).

Классический состав факторов производства был положен в основу популярной *теории сравнительной обеспеченности факторами производства*, разработанной Эли Хекшером (1879–1952) и Бертилем Олином (1899–1979) для объяснения международного разделения труда и внешней торговли. Шведские экономисты рассматривали издержки по производству экспортных товаров как производные, зависящие от цен на три фактора производства (земля, капитал, труд), и полагали, что неравномерность распределения факторов между странами служит основой международной специализации стран. Теорию Хекшера – Олина подверг сомнению американский экономист Василий Леонтьев (1905–1999), который обнаружил, что статистика торговли США противоречит теории шведских экономистов. Для объяснения этого парадокса было введено понятие неоднородности факторов производства, за которым, впрочем, могли скрываться любые другие неучтенные факторы.

Несколько иначе, чем вышеназванные экономические школы, к систематизации факторов производства подходил немецкий философ *Карл Маркс* (1818–1883), выделяя *рабочую силу, предметы труда, средства труда*, образующие две укрупненные группы: личный фактор производства и вещественный фактор производства. В качестве личного фактора производства рассматривается рабочая сила – совокупность физических и интеллектуальных способностей человека к труду. В качестве вещественного фактора принимаются все средства производства (предметы и средства труда) в совокупности. Личный и вещественный факторы находятся в сложном взаимодействии, эффективность которого определяется уровнем технологии и организации производства. При этом *технология* выражает порядок взаимодействия между факторами производства, определяя использование соответствующих методов обработки, изменения свойств, формы, состояния предмета труда. *Организация производства* обеспечивает рациональное сочетание и согласованное функционирование всех факторов производства.

Дискуссия по поводу состава факторов производства продолжилась в экономической науке и далее. Основатель американской школы *маржинализма Джон Бейтс Кларк* (1847–1938) изучал соотношение двух факторов производства – труда и капитала, считая землю составной частью капитала, а австрийский экономист *Ойген фон Бём-Баверк* (1851–1914) рассматривал капитал как промежуточный продукт, созданный взаимодействием других факторов производства. Имелись и другие точки зрения.

В конце XIX в. к классическому составу факторов производства (труд, земля, капитал) *неоклассическая экономическая теория* добавила четвертый фактор – *предпринимательство*, т. е. деятельность по организации функционирования трех других факторов производства в изготовлении продукции, связанную с принятием на себя риска и ответственности за экономические результаты производства. Выделение этого фактора производства было обусловлено реалиями того времени: в обществе возросла роль людей, которые, зачастую не имея в собственности традиционных факторов производства, умели угадывать, производство каких товаров необходимо рынку, и привлекать необходимые ресурсы. Доходы предпринимателей были названы прибылью. Исходное представление предпринимательской способности в качестве

фактора производства в науке связывают с именем английского экономиста *Альфреда Маршалла* (1842–1924), тогда как известно, что роль предпринимательства в экономике наиболее полно раскрыл австрийский ученый *Йозеф Шумпетер* (1883–1950)³⁰.

Дальнейшее развитие и конкретизацию теория факторов производства получила в теории *производственной функции*. Исходная модель американских ученых Чарльза Кобба (1875–1949) и Пола Дугласа (1892–1976), разработанная ими в 20-е гг. XX в. и получившая название производственной функции, показывает взаимодействие и взаимозаменяемость труда и капитала: насколько продукт обязан своим созданием тому или иному фактору, при какой их комбинации может быть достигнут максимум продукции при наименьших затратах. Поскольку один и тот же объем прироста национального продукта может быть получен в результате увеличения капиталовложений либо расширения использования труда, то на основе производственных функций может осуществляться выбор требуемой в конкретных условиях технологической комбинации факторов производства.

В многочисленных исследованиях других экономистов, в частности *Яна Тинбергена* (1903–1994), *Джеймса Мида* (1907–1995), *Роберта Солоу* (1924) и др., модель Кобба – Дугласа была модифицирована введением иных «неосязаемых» в виде прироста труда и капитала факторов, называемых по-разному: «научно-технический прогресс», «уровень развития технологий», «показатель технических изменений», «квалификация работников», «изменение в эффективности производства» и даже «мера нашего неведения»³¹.

Тем самым во второй половине XX в. развитие общества поставило перед экономической наукой вопрос: насколько удобными для целей экономического анализа являются такие обобщенные факторы производства, как труд, земля, капитал, предпринимательство, и как все-таки отразить вклад технического прогресса в экономический рост. Стало очевидно, что традиционных факторов производства недостаточно для полного и адекватного отражения

---

³⁰ Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

³¹ «Мера нашего неведения», или «остаток Абрамовитца» – по имени американского экономиста М. Абрамовитца, исследовавшего этот тип производственной функции в середине 1950-х гг.

экономических процессов и требуется уточнение их состава. К примеру, если предпринимательский ресурс рассматривать применительно к микроуровню, то очевидна его неразрывность с фактором производства «труд», если же переходить к макроуровню, то имеет смысл придать ему расширенную трактовку и включить в него не только функцию комбинирования факторов производства, но и другие функции, определяющие эффективность общественного воспроизводства (законодательство, государственное регулирование, экономическая политика, инновационная система, бизнес-ассоциации, культура и традиции ведения бизнеса и др.).

В этой связи с середины XX в. в рамках институционального направления экономической науки формируется новый взгляд на факторы производства, которые необходимо рассматривать без отрыва от институциональной среды, определяемой Дугласом Нортом (1920–2015) как «набор фундаментальных политических, социальных и правовых установок, образующих основу производства, обмена и распределения». Появились концепции, предлагающие включить в состав факторов производства технологии, знания, информацию, организационную культуру, социальную ответственность и другие компоненты. Научное сообщество заговорило о человеческом, интеллектуальном, инновационном, информационном, когнитивном, организационном, социальном, политическом и других видах капитала, получивших отражение в современных концепциях и моделях экономического роста.

Впервые человеческий капитал фигурировал как самостоятельный фактор экономического роста в расширенной модели Роберта Солоу по версии Грегори Мэнкью, Дэвида Ромера и Дэвида Уэйла, где капитал разделен на физический и человеческий, а квалификация работников и качество физического капитала рассматриваются как взаимно дополняющие друг друга. При этом доказывалось, что доля вклада человеческого капитала в экономический рост изменяется в диапазоне от $1/3$ до $1/2$.

Позже в «Эндогенной теории роста» Дэвида Ромера и Роберта Лукаса человеческий капитал был рассмотрен как источник экономического роста, стимулирующий технологическое развитие и рост производительности труда. Инвестиции в образование способствуют накоплению человеческого капитала и таким образом улучшают способность экономики производить новые идеи и дают ей преимущества в новых производствах.

Между тем одним из важнейших продвижений в развитии теории факторов производства следует признать появление и активное обсуждение в конце XX в. разного рода концепций национального богатства, отражающих естественное усложнение источников и механизмов современного экономического роста.

В основе любой национальной экономики лежит воспроизводство национального богатства. Национальное богатство в широком смысле слова представляет собой все то, чем обладает нация. Под ним, как правило, понимается совокупность активов страны, обеспечивающих возможность производства товаров, оказания услуг и жизнедеятельность людей. Национальное богатство состоит из экономических объектов, существенным признаком которых является возможность получения их собственниками экономической выгоды. В то же время оно выступает итогом процесса воспроизводства за всю историю развития страны. Таким образом, будучи совокупностью национальных активов, национальное богатство одновременно является и результатом, и основой экономического развития. Потенциал национального богатства (объем, структура, эффективность использования, воспроизводимость, накопление) определяет меру устойчивости и качества экономического и социального развития страны.

Вопрос исчисления национального богатства впервые был поднят английским экономистом Вильямом Петти (1623–1687) в 1664 г., считавшим, что богатство страны состоит из земель, домов, кораблей, товаров, домашней обстановки, драгоценных металлов и денег. В то же время его современник Антонио Серра (середина XVI – начало XVII в.) утверждал, что истинным источником национального благосостояния является не только наличие «золотых копей», или сырья, но и развитое искусство, свобода в коммерции и торговле, ремесленничестве и промышленном производстве, мудром правительстве: другими словами, он настаивал на *главенстве политического порядка и выверенных законов* как фактора благосостояния народа и государства в целом.

С тех пор представления о составе и структуре национального богатства претерпели значительные изменения, отражающие прогресс общества. Эволюция взглядов на национальное богатство и его воспроизводственную роль шла сообразно появлению новых представлений об источниках и механизмах экономического

роста, его целях и приоритетах. Так, если еще в XIX в. категория национального богатства представлялась в подавляющей части материальными активами, имеющими рыночную цену, то уже в XX в. его понимание в экономической науке существенно изменилось.

Очевидно, что в основе любой системы исчисления национального богатства должна лежать неявная производственная функция, отражающая комбинацию агрегированных факторов производства. При этом экономисты имеют право на любое обоснованное обобщение факторов производства, полезное в теоретических и прикладных целях. Сегодня, признавая теорию факторов производства Ж. Б. Сея конца XVIII – начала XIX в., мы предпочитаем использовать не его термины (труд, земля, капитал). Так, понимание «капитала» сегодня существенно расширилось и на смену традиционным категориям «земля» и «труд» пришли новые – «природный капитал» и «человеческий капитал».

Понятие «*природный капитал*» возникает во второй половине XX в. и активно разрабатывается в конце 1980–1990-х гг. в работах Джея Форрестера (1918–2016), Германа Дейли (1938), Роберта Костанза (1950), Дэнниса Медоуза (1942), Дж. Бартоломью и других ученых. По Г. Дейли, природный капитал представляет собой запас (stock), который является источником потока природных (в том числе экологических) услуг и реальных природных ресурсов. Этот устойчивый поток он называет «природным доходом», а то, что его обеспечивает – «природным капиталом». Если провести аналогию природного капитала с капиталом в традиционном понимании (для производства товаров и услуг), то он представляет собой запасы/активы природной среды, дающие поток ценных товаров и услуг в будущем. Таким образом, природный капитал был определен как совокупность «природных активов», предоставляющих человечеству ресурсы и экологические услуги. А в 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио де Жанейро была сформулирована концепция, согласно которой природный капитал охватывает дары природы человечеству: физические ресурсы и то, что мы предпочитаем называть «окружающей средой». С тех пор в современной трактовке национального богатства в качестве его неотъемлемой части рассматривается природный капитал как условие непрерывности и элемент воспроизводственного процесса.

В настоящее время процесс накопления разнообразных компонентов национального богатства позволяет оценивать Система национальных счетов (СНС). Разработка этой системы макроэкономических показателей осуществлялась Статистической комиссией ООН с 50-х гг. прошлого века, а ее совершенствование продолжается до сих пор. В СНС выделена подсистема «экономических активов», образующих «национальный капитал» как совокупность накапливаемых в стране товаров и услуг. Концепция национального капитала неоднократно уточнялась и совершенствовалась по мере внедрения принципов национального счетоводства в практику национальных статистических органов, а также по мере обобщения их опыта специалистами ООН.

В 1993 г. Статистическая комиссия ООН одобрила ныне действующие международные рекомендации национального счетоводства – «СНС-93», где особым разделом выделяются экономические активы, совокупность которых образует *собственный капитал страны* – ее национальное богатство. Современная статистика национального богатства строится как статистика накопленного материального богатства и природных ресурсов и использует методы прямого счета, опирающиеся на данные инвентаризаций, бухгалтерскую и статистическую отчетность.

В конце XX – начале XXI в. оформилась альтернативная расширительная концепция национального богатства, разрабатываемая специалистами Всемирного банка. Согласно этой концепции оценка национального богатства разных стран базируется на том, что ресурсы страны стоят столько, сколько дохода они могут принести, т. е. суть метода состоит в том, чтобы произвести стоимостную оценку страны по ее экономическому потенциалу. Стоимость страны как макроэкономического комплекса в этом случае определяется как сумма экономических потенциалов отраслей национальной экономики.

В основе концепции Всемирного банка лежит понимание совокупного национального богатства как суммы *природного* (natural), *произведенного* (produced) и *нематериального* (intangible) капитала. Методология оценки национального богатства в соответствии с этой концепцией была разработана с целью анализа структуры национального богатства, роли отдельных его элементов в экономически развитых и развивающихся странах. Принципы и методология комплексной оценки национального

богатства подробно раскрыты в фундаментальной работе Всемирного банка³².

Согласно методологии Всемирного банка национальное богатство страны определяется доходным методом, исходя из объема валового национального дохода. Природный капитал (природные ресурсы) включает энергетические ресурсы (нефть, природный газ, антрацит, бурый уголь), минеральные ресурсы (бокситы, медь, золото, железная руда, никель, фосфаты, серебро, олово, цинк), ресурсы деловой древесины (леса промышленного назначения) и ресурсы лесов непромышленного назначения (пашня, пастбища и охраняемые территории). К физическому (произведенному) капиталу относятся машины, оборудование, здания и сооружения, а также городские земли, а к нематериальному капиталу – все активы, не вошедшие в предыдущие элементы, определяемые по остаточному принципу, т. е. как разница между национальным богатством и суммой физического и природного капитала. В дальнейших исследованиях в качестве системообразующих элементов, формирующих «неосязаемый» или нематериальный капитал, стали рассматриваться «человеческий капитал» и «институциональный капитал»³³.

Развитие экономической теории характеризуется тем, что она постоянно обогащается новыми понятиями и категориями. Отдельные термины и понятия, которые имели в прошлом под собой вполне объективную основу, в наши дни теряют свое первоначальное смысловое значение. Появляется новая терминология, отражающая эволюцию человеческого общества. Введение в научный оборот новых категорий и понятий оправдано в тех случаях,

---

³² Estimating National Wealth: Methodology and Results [Электронный ресурс] / A. Kunte [et al.]; Wash. World Bank. – 1998. – 44 p. – Режим доступа: https://millenniumindicators.un.org/unsd/envAccounting/ceea/archive/Framework/Kunte_etal_1998.PDF. – Дата доступа: 01.03.2017.

³³ Hamilton, K. Sustaining Economic Welfare: Estimating Changes in Wealth Per Capita [Электронный ресурс] / K. Hamilton. – 2000. – 28 p. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/ru/575961468739146017/pdf/multi-page.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2017; Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Дж. Диксон [и др.]. – М.: Весь Мир, 2003. – 128 с.; The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – 221 p. – Режим доступа: <https://siteresources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/ChangingWealthNations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2017.

когда действующий аппарат неспособен адекватно описать новые явления в экономической жизни общества.

С тех пор как нематериальный капитал стал рассматриваться в качестве важнейшей составляющей национального богатства, отмеченное в полной мере относится к категориям «человеческий капитал» и «институциональный капитал». И несмотря на продолжающуюся дискуссию по поводу трактовки категории «человеческий капитал», сегодня понятно, что под ним понимается эволюционировавший фактор производства, изначально обозначаемый в экономической науке термином «труд». Что же касается категории «институциональный капитал», то она пока более загадочна. Общеизвестно, что эффективному формированию, накоплению, воспроизводству и использованию всех видов капитала содействует система институтов, исследование которых сегодня является одним из наиболее разрабатываемых направлений воспроизводства капитала и национального богатства, сопутствующая же ей категория «институциональный капитал» находится в стадии концептуальной разработки.

В 2011 г. Всемирным банком были опубликованы результаты исследования национального богатства и его составляющих в 2005 г. по 152 странам мира. Накопленное богатство этих стран было оценено в 674 трлн. долл. США, а в расчете на душу населения – от 103 до 120 тыс. долл. США. Структура богатства, накопленного охваченными исследованием странами, была такова: природный капитал – 5%, произведенный капитал – 18%, неосязаемый (нематериальный) капитал – 77%³⁴ (рис. 1.2).

Экспериментальный характер разработок не позволяет говорить об их достаточной надежности в силу объективных трудностей, возникших при применении методологии Всемирного банка: отсутствие полной информации о запасах природных ресурсов, разница мировых цен, неодинаковый уровень развития стран и др. Вместе с тем они позволили произвести межстрановые сравнения и установить, что нематериальный капитал является преобладающей формой богатства в мире. Мировое богатство распределено между странами крайне неравномерно. Объемы произведенного,

---

³⁴ The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – 221 p. – Режим доступа: <https://siteresources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/ChangingWealthNations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2017.

природного и неосязаемого капитала в национальном богатстве развитых и развивающихся стран серьезно разнятся. Существенно различается и структура национального богатства: в наиболее развитых странах мира удельный вес неосязаемого капитала особенно велик, в то время как природный капитал может не достигать и 3% от общего объема национального богатства.

Рис. 1.2. Пирамида различных форм капитала в мировом богатстве по исследованию Всемирного банка

Признаваемая сегодня новаторской, методология оценки национального богатства создавалась специалистами Всемирного банка в рамках работы по определению индикаторов устойчивого развития. При этом принцип устойчивого развития был сформулирован как «управление капиталом в интересах сохранения и приумножения человеческих возможностей». В русле такого подхода национальное богатство рассматривается как капитал, охватывающий различные активы. От рационального управления портфелем таких активов зависит эффективность национальной экономики и благосостояние населения. Перенос корпоративных представлений об управлении активами на государство и национальную экономику в целом согласуется с тенденциями глобализации и развития открытых экономик. Возникает реальная основа для проведения эффективной экономической политики государства нового типа – «государства-корпорации» (тезис о том, что государственная политика сродни политике управления корпорацией, пользуется популярностью с начала 1990-х гг.).

В этом контексте одним из направлений современных разработок в области национального богатства является выделение нескольких уровней при исследовании его формирования и использования. По аналогии с совокупным национальным капиталом (национальным богатством) в виде комбинации перечисленных факторов производства могут быть охарактеризованы совокупный региональный капитал и совокупный корпоративный капитал, находящиеся в тесном взаимодействии и взаимопереплетении между собой в системе общественного производства страны. При этом если национальное богатство определяет конкурентоспособность национальной экономики, то совокупный региональный капитал и совокупный корпоративный капитал детерминируют соответственно конкурентоспособность региона и субъекта хозяйствования. Последнюю логично определить как способность организации в условиях глобальной конкуренции получать добавленную стоимость в постоянно увеличивающемся объеме, достаточном для ее устойчивого функционирования.

Таким образом, национальное богатство представляет собой результат постоянно возобновляющегося процесса формирования, накопления и использования материальных и нематериальных активов для удовлетворения текущих потребностей общества и создания условий для последующего долговременного его развития. Современному обществу, стремящемуся к устойчивому экономическому росту, в полной мере соответствует системная концепция национального богатства, которая наряду с традиционными материальными благами включает нематериальные расширенные природно-ресурсные и социально-институциональные характеристики. Объединяя разноплановые элементы, национальное богатство не только является их агрегированной суммой, но представляет собой целостную воспроизводственную систему со всей совокупностью сосуществующих в ней технологических укладов. Эффективность этой системы определяется ее способностью генерировать добавленную стоимость.

В системе факторов производства (природный, физический, человеческий и институциональный капитал) отсутствует деление на главные и второстепенные. Производство возможно лишь при участии всего набора факторов, которые действуют взаимосвязано, дополняя друг друга. Отсутствие одного из них ведет к разрушению системы и делает невозможным воспроизводственный

процесс. Вместе с тем в структуре национального богатства наиболее активная роль принадлежит человеческому капиталу, способному оказывать воздействие на динамику воспроизводственной системы общества посредством формирования ее институциональных характеристик.

1.3. «Неосязаемый» капитал

Многочисленные исследования, проведенные авторитетными международными экономическими организациями (ОЭСР, Всемирным банком, МВФ), различными исследовательскими центрами и отдельными учеными, подтверждают зависимость между экономическим ростом и изменениями структуры и качества элементов национального капитала. При этом очевидно, что для полноценного анализа национальной конкурентоспособности чрезвычайно важно принимать во внимание нематериальные факторы производства – человеческий и институциональный капиталы.

Современные исследователи считают человеческий капитал важнейшей движущей силой экономического роста. Сегодня не оспаривается тот факт, что человек – главный созидатель, а качество человеческого капитала является ведущим конкурентным преимуществом как отдельной компании, так и национальной экономики. Достижение качественно нового состояния экономики и общества, решение всего многосложного комплекса связанных с этим задач возможно только на базе раскрытия богатейших возможностей производительного и духовного плана, заложенных в человеке. При этом человек рассматривается не только как средство, но и как цель экономического прогресса, а экономика – не только как сфера производства товаров, но и как сфера производства и развития человека.

Нобелевский лауреат Амартия Сен утверждает: «Роль человека как инструмента перемен намного важнее его роли в экономическом производстве, поскольку способствует социальному и политическому развитию. Возможности человека прямо влияют на благосостояние и свободу индивидуумов и, опосредованно, на социальные перемены и на экономическое производство»³⁵.

---

³⁵ Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 324.

Человеческий капитал, накапливаясь в экономике, обеспечивает условия для создания, эффективного использования и приумножения всех других форм капитала.

Категория «человеческий капитал» не одно десятилетие беспокоит зарубежных ученых (Т. Шульц, Г. Беккер, Э. Денисон, Р. Солоу, Дж. Кендрик, С. Кузнец, И. Фишер, Р. Лукас и др.), российских (В. В. Дресвянников, С. А. Дятлов, Р. И. Капелюшников, Е. З. Карпенко, В. В. Кафидов, Ю. А. Корчагин, В. А. Мау, В. Н. Парафина, В. Т. Смирнов и др.) и отечественных исследователей (Н. В. Агабекова, Н. И. Базылев, М. Н. Базылева, В. В. Богатырева, С. А. Кристиневич, И. В. Корнеевец, А. М. Омелянюк и др.)³⁶, тем не менее дискуссия по поводу ее содержания далека от завершения³⁷. Сегодня нет сомнений в том, что под «человеческий капиталом» понимается эволюционировавший фактор производства, ранее обозначаемый в экономической науке термином «труд», но отсутствие единства в трактовках и подходах к его оценке вынуждает исследователей снова и снова обращаться к исследованию этого феномена.

Исследования собственно человеческого капитала начались в 60-е годы XX в., постепенно продвигаясь от индивидуального уровня отдельного работника и корпоративного уровня до национального.

Теорию индивидуального человеческого капитала создали *Теодор Шульц* (1902–1998), *Саймон Кузнец* (1901–1985) и *Гэри Беккер* (1930–2014). Т. Шульц внес огромный вклад в становление

---

³⁶ Агабекова, Н. В. Методология экономико-статистической оценки эффективности жизнедеятельности человека: монография / Н. В. Агабекова. – Минск: БГАТУ, 2015. – 326 с.; Базылева, М. Н. Человеческий капитал и трудовые отношения: монография / М. Н. Базылева, Н. И. Базылев. – Минск: Мисанта, 2011. – 303 с.; Богатырева, В. В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике: теория, методология, моделирование: монография / В. В. Богатырева. – Новополоцк: ПГУ, 2013. – 400 с.; Кристиневич, С. А. Институциональные условия воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике: монография / С. А. Кристиневич, А. М. Омелянюк. – Брест: БрГТУ, 2008. – 151 с.; Корнеевец, И. В. Человеческий капитал: проблемы формирования, накопления и использования: монография / И. В. Корнеевец. – Минск: БГЭУ, 2008. – 223 с. и др.

³⁷ Руднев, В. Д. Апологетическая сущность теории «человеческий (интеллектуальный) капитал» / В. Д. Руднев // Социально-экономические проблемы повышения эффективности и управления интеллектуальным капиталом: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19 нояб. 2008 г.). – М.: Дашков и К, 2009. – С. 73.

и популяризацию теории человеческого капитала на начальном этапе ее развития. Он одним из первых ввел понятие человеческого капитала как фактора производства. Т. Шульц полагал, что человеческий капитал обладает необходимыми признаками производительного характера, способен накапливаться и воспроизводиться. Основными результатами инвестиций в человека он считал накопление способностей людей к труду, их эффективную созидательную деятельность в обществе, поддержание здоровья и т. д.

Г. Беккер первым перенес понятие человеческого капитала на микроэкономический уровень (уровень организации). По Г. Беккеру, человеческий капитал – это совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, эффективное использование которых способствует увеличению дохода и иных благ. В качестве инвестиций в работников он предложил рассматривать затраты на образование и обучение. Г. Беккер оценил экономический эффект от образования прежде всего для самого работника. Дополнительный доход от высшего образования он определил как разницу между доходами лиц, окончивших колледж, и работников со средним общим образованием. В качестве издержек образования рассматривались как прямые затраты на его получение, так и альтернативные издержки – упущенный доход за время обучения. Отдачу от образования Г. Беккер оценил в 12–14% в среднегодовом исчислении, рассчитав ее как отношение разницы в доходах к издержкам на получение образования.

Особый вклад Г. Беккер внес в теорию фирмы и теорию конкуренции. Он ввел различия между общими и специальными инвестициями в человеческий капитал, выделив особое значение специального обучения, специальных знаний и навыков. Г. Беккер доказал, что специальная подготовка формирует конкурентные преимущества фирмы, характерные и значимые особенности ее продукции и поведения на рынках, поэтому в специальной подготовке, прежде всего, заинтересованы сами организации, которые и финансируют ее. При этом он рассматривал работника как комбинацию единицы простого труда и известного количества воплощенного в нем человеческого капитала, а его заработную плату – как сочетание рыночной цены его простого труда и дохода от вложенных в человека инвестиций.

Кроме того, в рамках теории человеческого капитала Г. Беккер исследовал структуру распределения личных доходов, возрастную

их динамику, неравенство в оплате мужского и женского труда и на обширном статистическом материале предоставил доказательства того, что образование является фундаментом увеличения доходов и наемных работников, и работодателей, и государства в целом. В результате политики и предприниматели стали рассматривать вложения в образование как перспективные капиталовложения, приносящие доход.

С. Кузнец выделил уровень накопленного национального человеческого капитала. Он утверждал, что существует некое его пороговое значение, без достижения которого переход к следующему технологическому укладу невозможен. Высокий уровень и качество накопленного человеческого капитала необходимы для ускоренного осуществления институциональных реформ, трансформации государства, технологического обновления производств, рыночных преобразований и т. д. Для страны с догоняющей экономикой именно человеческий капитал обеспечивает ее выход на стабильный рост валового внутреннего продукта, повышение уровня и качества жизни населения.

Человеческий капитал исследователи пытаются измерять различными способами. Общеизвестны два основных подхода к оценке человеческого капитала: затратный и доходный (рентный). При этом доминирует затратный метод, согласно которому стоимость человеческого капитала определяется накоплением инвестиций в развитие человека как будущего работника. Развивается этот подход в направлении расширения состава затрат на человеческий капитал. И если первоначально человеческий капитал оценивался исходя из инвестиций, повышающих способность человека к труду (специальное образование, формирование и развитие профессиональных навыков), то в дальнейшем это понятие существенно расширилось. Позднее в расчеты объема человеческого капитала, сделанные экспертами Всемирного банка при оценках национального богатства стран мира, были включены потребительские расходы – затраты семей на питание, одежду, жилище, образование, здравоохранение, культуру, расходы государства на эти цели, а также затраты на науку и информационное обслуживание. Далее в оценку человеческого капитала предлагалось включить инвестиции в составляющие, обеспечивающие безопасность людей, рост эффективности институционального обслуживания и повышение качества жизни населения и др. Современные

исследования доказывают, что базовой составляющей человеческого капитала является ментальность народа: традиции и культура населения, в том числе отношение к труду, семье, законопослушность, на которые определяющим образом исторически влияли религия, наличие свобод и условия жизни. Но чем ее измерить?

Доходный подход основан на оценке получаемых работниками доходов, которые выражают отдачу на средства, вложенные в человека, в частности в его образовательный и квалификационный уровень. В русле этого подхода автору близка следующая научная позиция: «человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход»³⁸. В качестве непосредственно наблюдаемого индикатора стоимости человеческого капитала работника выступает заработная плата, получаемая им за выполнение трудовых функций и являющаяся косвенной характеристикой доходов использующего его экономического субъекта. Между тем именно этот подход более всего нуждается в развитии. В русле упомянутой научной позиции ниже будет представлено авторское понимание человеческого капитала, опирающееся на генетический, социокультурный и экономический подходы (рис. 1.3).

Генетический подход опирается на *генетическую теорию наследственности*, фундаментальными понятиями которой являются ген, геном, генотип, фенотип, популяция, генофонд³⁹. Эти понятия применительно к человечеству мы и рассмотрим в поисках определения человеческого капитала.

Ген – участок структуры молекулы ДНК, являющийся носителем мельчайшей единицы наследственной информации, ответственной за формирование какого-либо внешнего или внутреннего признака особи (цвет волос, строение внутреннего органа и др.).

Геном человека – совокупность уникальных генов, характерных для человеческого организма как вида живых организмов.

---

³⁸ Фишер, С. Экономическая теория / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М.: ЮНИТИ, 2002. – С. 288.

³⁹ Термины «ген», «генотип», «фенотип» ввел датский генетик В. Л. Иогансен в монографии «Элементы точного учения наследственности» (1909); термин и концепцию генофонда впервые сформулировал советский генетик А. С. Серебровский в 1928 г.

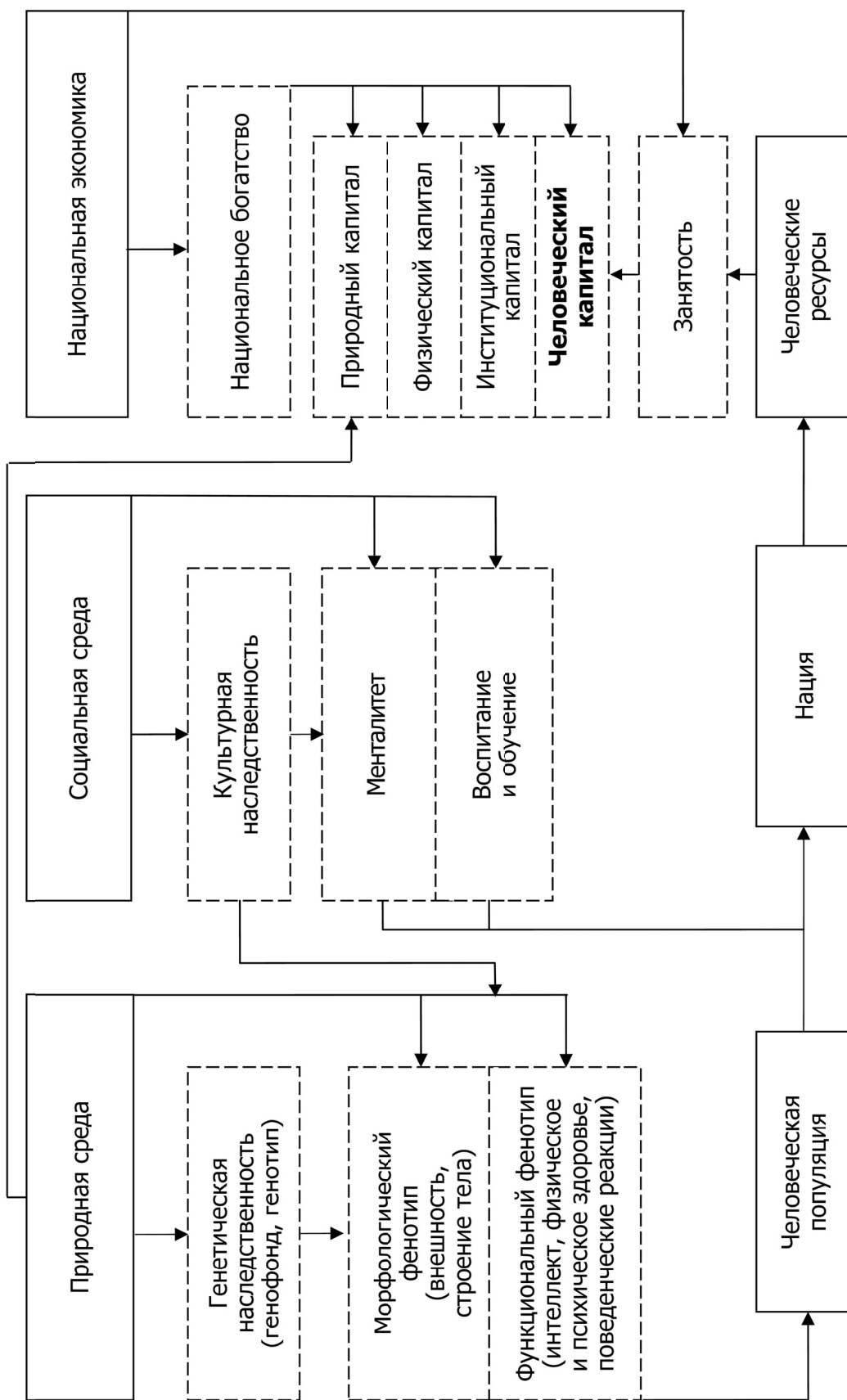

Рис. 1.3. Концепция формирования национального человеческого капитала

Генотип – частная реализация генома человека, характерная для отдельной особи. Генотип человека определяет наследуемые им признаки (цвет кожи, разрез глаз, морфология тела, строение внутренних органов и др.).

Фенотип – это совокупность биологических свойств и признаков организма, сформировавшихся в ходе его индивидуального развития. Он представляет собой результат взаимодействия генотипа с внешней средой (к примеру, генетически определенного обмена веществ и доступности качественной еды). У каждого человека все клинически определяемые признаки – рост, масса тела, цвет глаз, форма волос, группа крови и т. д. – являются фенотипическими. Фенотип определяется наложением внешней среды (питанием, образованием, воспитанием, социальным окружением) на генетически наследуемые признаки. При этом особи с разными генотипами могут иметь одинаковый фенотип, а особи с одинаковым генотипом могут в различных условиях отличаться друг от друга.

Популяция – совокупность особей одного вида, способная к более-менее устойчивому самовоспроизводству, относительно обособленная (географически или репродуктивно) от других групп, с представителями которых (при половой репродукции) потенциально возможен генетический обмен. С точки зрения популяционной генетики популяция – это группа особей, в пределах которой вероятность скрещивания во много раз превосходит вероятность скрещивания с представителями других подобных групп. В этом контексте *человеческая популяция* – относительно изолированная совокупность индивидов, характеризующихся общностью происхождения (эволюции и истории), места обитания (ареала) и образующих целостную генетическую систему. К человеческим популяциям относятся расы, нации, национальности, племена и т. д. Совокупность всех генных вариаций определенной популяции (совокупность генов, входящих в генотипы всех организмов популяции) составляет ее *генофонд*. «Применительно к человечеству можно сказать, что чем больше численность популяции, разнообразнее условия ее проживания, многообразнее ее этнический состав, тем богаче ее генофонд»⁴⁰. Советский генетик А. С. Серебровский писал: «совокупность всех генов данного вида ... я назвал генофондом,

---

⁴⁰ Ильин, В. Н. Негуманитарная социология. Новый взгляд / В. Н. Ильин. – М.: URSS, 2017. – С. 251.

чтобы подчеркнуть мысль о том, что в лице генофонда мы имеем такое же национальное богатство, как и в лице запасов нефти, запасов золота, угля, скрытых в наших недрах»⁴¹.

Согласно генетической теории наследственности генофонд обладает высокой степенью устойчивости и не может вырождаться самопроизвольно. Обеднения генофонда многочисленной популяции за короткий исторический период можно добиться только путем ее массового геноцида с целью сокращения численности до некоторого критического уровня. При малой численности популяции увеличивается вероятность доминирования тех «дремлющих» рецессивных генов или генов-мутантов, которые не определяли характерные признаки популяции. Какова нижняя черта, за которой грозит вырождение, выяснить сложно, однако при численности популяции в несколько миллионов особей необратимое обеднение генофонда ей не грозит.

Итак, в терминах генетики нация представляет собой человеческую популяцию, характеризующуюся морфологическими (внешность, строение внутренних органов, тела и др.) и функциональными (интеллект, физическое и психическое здоровье, поведенческие реакции и др.) параметрами, являющимися результатом взаимодействия наследуемых признаков генотипа с внешней средой.

Каждый человек представляет собой прежде всего индивидуальность, созданную на генетическом уровне, а затем уже – личность, сформированную социальной средой. В этой связи целесообразно обращение к *социокультурному подходу*, который состоит в рассмотрении общества с позиций единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Согласно этому подходу человек является биосоциокультурным существом, осознающим, что его действия – это компонент взаимодействия с другими субъектами.

С позиций социокультурного подхода *нацией* называется исторически сложившаяся устойчивая социальная общность людей, длительное время объединенных общей территорией, языком, экономическими связями. На этой основе возникают общность духовной жизни нации, формирующей ее менталитет. *Национальный менталитет* – совокупность умственных, эмоциональных, культур-

---

⁴¹ Серебровский, А. С. Генетические основы селекции / А. С. Серебровский // Племенное дело в крестьянском хозяйстве. По трудам I Всероссийского съезда по племенному делу. – М.: Книгосоюз, 1928. – С. 15–32.

ных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих нации. Нация как человеческая популяция отличается от всех других популяций исключительной способностью *культурной наследственности*. «Человек же не может быть человеком без особого воспитания, содержание которого не предусмотрено геномом, а передается из поколения в поколение в виде “традиции”... Понятно, почему человека называют ... культурным существом: вне культуры он просто не существует»⁴².

Воспитание и обучение – основные способы формирования человеческой личности. Они обеспечивают развитие способностей человека. Способности выражают свойства организма, которые проявляются в процессе его функционирования. В самом общем виде их делят на природные и социальные. Первые связывают с врожденными задатками, вторые – с приобретенными человеком свойствами. Врожденные задатки – особенности человеческого организма, обусловленные протеканием его психофизиологических процессов. Социальные способности – это формирующиеся на основе задатков свойства личности, отвечающие требованиям человеческой деятельности. Приобретаются они в процессе воспитания и обучения.

Различают общие и специальные социальные способности. Общие способности обслуживают наиболее важные требования со стороны многих видов человеческой деятельности и успешного общения с людьми (например, точность движений, качество речи, высокий интеллект необходимы во многих видах деятельности). Общие способности – индивидуально-психологические особенности человека, отличающие его от других, определяющие успешность его деятельности, не сводимые к знаниям, умениям и навыкам, но обуславливающие легкость и быстроту обучения новым способам и приемам деятельности, а также совокупность потенциальных (наследственных, врожденных) психодинамических характеристик человека, определяющих его готовность к деятельности. Общие способности человека проявляются в общей работоспособности человека, непосредственных и опосредованных типах активности, непрямых и производных типах саморегуляции

---

⁴² Фет, А. И. Заблуждения капитализма или пагубная самонадеянность профессора Хайека [Электронный ресурс] / А. И. Фет // Библиотека электронной литературы: сайт. – Режим доступа: <http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%A4/fet-abram-iljich/zabluzhdeniya-kapitalizma-ili-pagubnaya-samonadeyannostj-professora-hajeka>. – Дата доступа: 10.10.2018.

психической деятельности. Другими словами, предпосылками осуществления любой человеческой деятельности являются общая работоспособность, активность и саморегуляция. Специальные способности – качественно своеобразное сочетание способностей, создающее возможность успеха в конкретной деятельности. Они обеспечивают требования отдельных видов деятельности за счет специальных качеств личности, относящихся, например, к математике, музыке, спорту и др. Анатомио-физиологической основой развития общих и специальных социальных способностей выступают функциональные органы человека – прижизненно складывающиеся нервно-мышечные системы, обеспечивающие функционирование и усовершенствование соответствующих способностей.

Итак, человек как биосоциальное существо представляет собой результат сложного взаимодействия механизмов генетической и культурной наследственности, воспитания и обучения. При этом основное содержание воспитания и обучения – развитие психофизиологических и социальных способностей человека. В процессе воспитания и обучения люди получают знания, позволяющие им принимать участие в различных видах экономической деятельности. Разделение и специализация труда делают необходимым не только общее, но и специальное образование. Если общее образование формирует способности человека, необходимые в любом деле, то специальное подготавливает его к конкретному виду деятельности. В конечном итоге способности человека, или его *человеческий потенциал*, определяют следующие компоненты: психофизиологическое состояние, система индивидуальных ценностей, образовательный уровень. Психофизиологическое состояние – главный компонент, делающий человека уникальным явлением природы. Оно определяется наследственностью (генетической информацией), состоянием здоровья, обусловленным социальной и природной средой, образом жизни. Система индивидуальных ценностей формируется социальной средой в процессе воспитания личности, прежде всего семьей, государственной идеологией, общественными предпочтениями. Образование определяется индивидуальной системой ценностей, собственными возможностями и материальными ресурсами⁴³. Здесь уместно вспомнить один из философских выводов Ф. Ницше: человек не является завер-

---

⁴³ Иванов, В. В. Инновационная парадигма XXI века / В. В. Иванов. – М.: Наука, 2015. – С. 65.

шенным проектом; человек есть открытый потенциал, он не закончен и не может быть завершен; человек всегда больше того, что реализовал, и не тождественен тому, что он воплотил в жизнь.

В основе развития человеческого общества лежит система общественного воспроизводства – национальная экономика, обеспечивающая постоянное возобновление процесса создания материальных и иных благ для удовлетворения человеческих потребностей путем исходного преобразования природных ресурсов, осуществляемого с участием человека.

Общность людей, являющихся носителями человеческого потенциала, понимается как *человеческие ресурсы*. Ресурсы в экономике – это все то, что потенциально может быть использовано в процессе производства товаров и услуг. Ресурсы, которые реально вовлечены в процесс производства, принято называть факторами производства. Включение человека в систему общественного воспроизводства определяет его занятость в производстве товаров и услуг (в качестве наемного работника либо предпринимателя). Занятость предполагает выполнение человеком определенных трудовых функций, реализация которых связана с наличием у него соответствующих способностей (человеческого потенциала). *Человеческий капитал* является стоимостным выражением функциональной значимости способностей работника для конкретной производственной системы (комбинации природного, физического, институционального и человеческого капиталов), исходя из объема генерируемой ею ренты (добавленной стоимости). Он выступает как капитализированная стоимость способностей людей, определяемая не только их человеческим потенциалом, но и условиями для их реализации⁴⁴.

Индивидуальный человеческий капитал отражает востребованность обществом человеческого потенциала работника с позиций его функциональной значимости для конкретной производственной системы. Мерой индивидуального человеческого капитала является заработная плата работника, производная от производительности его труда, выраженной в единицах добавленной стоимости. Корпоративный человеческий капитал является синергетической суммой индивидуальных человеческих капиталов.

---

⁴⁴ Лемешевский, И. М. Национальная экономика Беларуси / И. М. Лемешевский, И. П. Деревяго. – Минск: БГТУ, 2012. – 188 с.

Его мера – средний уровень заработной платы работников, производный от уровня производительности труда в организации. Аналогичным образом может быть определен и национальный человеческий капитал, оцениваемый показателем средней по стране заработной платы – производной величиной от достигнутого национальной экономикой уровня производительности труда. При этом следует иметь в виду, что зависимость между производительностью труда и заработной платой не является линейной, а опосредуется параметрами, характеризующими всю совокупность задействованных факторов производства и их использование.

Мы пока не знаем, как измерить точно человеческий капитал, но знаем, как его можно увеличить. Человеческий капитал наемного работника является не постоянным, а производным от эффективности функционирования производственной системы в целом, что обуславливает дальнейшее обращение к рассмотрению институционального капитала как компонента производственной системы, в значительной мере определяющей результаты ее функционирования.

Несмотря на то, что понятие *«институциональный капитал»* активно используется в научных дискуссиях, до сих пор в литературе не существует его определения. Многообразие проявлений и функций институционального капитала, междисциплинарное происхождение этого понятия затрудняют поиск адекватного его определения и, как следствие, методов измерения и подходов к оценке его отдачи. В осмыслении феномена институционального капитала стоит оттолкнуться от исходного термина «институт».

Современные экономисты, признавая фактор материальных детерминант развития, огромное внимание уделяют институтам⁴⁵.

---

⁴⁵ Как упоминалось раньше, еще меркантилист А. Серра утверждал, что истинным источником национального благосостояния, кроме наличия «золотых копей», или сырья, является развитое искусство, свобода в коммерции и торговле, ремесленничестве, промышленном производстве, мудром правительстве: другими словами, он настаивал на главенстве политического порядка и выверенных законов как фактора благосостояния народа и государства в целом.

Анализ таких феноменов, как экономический реванш послевоенных Германии и Японии, чудо азиатских драконов (Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), скандинавский социализм, многолетнее преуспевание США и развитых стран Европы, дает картину условий и факторов эффективности экономического развития. Их опыт показывает, что основные различия между национальными хозяйственными системами задаются вовсе не ресурсной базой и численностью трудоспособного населения, а правовыми и социокультурными условиями жизнедеятельности общества.

Возможности хозяйствующих субъектов в выстраивании и реализации экономических стратегий зависят от множества условий, задаваемых внешней средой. Для характеристики этих условий с некоторых пор стало принято использовать понятие института.

Сегодня под институтами понимается довольно широкий круг социально-экономических феноменов: правила, социальные структуры, практики, механизмы управления, предписания, стимулы и др. К примеру, если Т. Веблен под институтами понимал паттерны мышления и деятельности⁴⁶, то для Д. Норта институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь иначе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми⁴⁷, а для Р. Миллса институт – это общественная форма определенной совокупности социальных ролей. Такая «полифония» дефиниций предполагает уточнение автором собственного понимания институтов в интересах выполняемого исследования.

Институтом является базовый элемент социально-хозяйственной структуры общества. Такие элементы формируют устройство, функциональные связи, формы организации и регулирования жизни социума и характеризуются высокой устойчивостью. Автору представляется, что *институты* могут быть определены как правила и нормы, регулирующие общественные отношения и человеческую активность путем определения диапазона возможного поведения индивидов, их коллективов и хозяйствующих субъектов.

Критическое осмысление теоретических наработок М. Ю. Барбашина⁴⁸ позволило автору дополнить понимание института формулировкой его ключевых признаков: регулярность (институты формируются в процессе постоянного повторения деятельности); деперсонализация (формирование стандартов по выполнению определенных действий); наблюдаемость (возможность диагностировать поведение как соответствующее или несоответствующее институту); результативность (результативность новой практики

---

⁴⁶ Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.

⁴⁷ Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 17.

⁴⁸ Барбашин, М. Ю. Социальные свойства институтов / М. Ю. Барбашин // Социологическое исследование. – 2018. – № 2. – С. 25–33.

детерминирует к ней интерес как к возможному образцу поведения, что способствует формированию института с соответствующей «целевой» нагрузкой). Стоит согласиться и со следующим уточнением М. Ю. Барбашина: если с высокой степенью уверенности можно диагностировать как результат, так и действие, институт становится технологией, или алгоритмом. Любая технология (последовательность некоторых действий) – это институт, но не любой институт является технологией⁴⁹.

Общество – это конфигурация институтов, которые при своем функционировании ограничивают свободу действий людей. В масштабах национальной экономики облик и особенности институтов задаются государством и оно само может быть представлено как рамочный институт (сверхинститут). Согласно институциональной теории государство является генератором институциональной среды, которая определяет ограничения выбора хозяйствующих субъектов, формирует структуру стимулов и преимуществ, влияет на степень рациональности поведения, способствует координации действий и снижает степень неопределенности. В теории институционализма институциональная среда – совокупность основополагающих политических, социальных и иных правил, образующих базис для производства, обмена и распределения. Другими словами, *институциональная среда* – это совокупность взаимосвязанных институтов, устойчиво воспроизводящих общественные отношения и влияющих на национальную конкурентоспособность, уровень и качество жизни населения.

На практике институты невозможно представить вне организационных форм их реализации, которые в совокупности образуют институциональную инфраструктуру. *Институциональная инфраструктура* закрепляет распределение социальных ролей членов общества в целях обеспечения функционирования институтов и координации различных общественных сфер (если нормы и правила выработаны, то должны быть не только люди, которые их выполняют, но и те, кто следит за их выполнением, поощряет правильные действия и наказывает за нарушение правил). Институциональная инфраструктура характеризуется наличием органов управления, организационных структур, коммуникаций и других

---

⁴⁹ Барбашин, М. Ю. Социальные свойства институтов / М. Ю. Барбашин // Социологическое исследование. – 2018. – № 2. – С. 29.

средств, объединенных в определенную качественную целостность на основе принципов функционального назначения и связи элементов.

Институты целесообразно классифицировать, исходя из выполняемых ими в процессе общественного развития функций. Популярно сегодня деление институтов на политические, экономические и социальные. Автор полагает, что корни этой классификации восходят к *сферному подходу*, начало которому как методологической стратегии развития общества положил Карл Маркс. Он не дал определения понятию «сфера общества», полагаясь на его очевидность, выделив четыре сферы общества: экономика («способ производства»), политика, социальная сфера и духовно-культурная жизнь. Не раскрыл К. Маркс и когерентность (взаимодействие) сфер, вместе с тем ценен основной методологический посыл этого подхода, заключающийся в том, что социальный порядок и стабильность (гомеостаз) общества обеспечивается оптимальным взаимодействием основных сфер общества.

В отечественной науке сферная парадигма получила научный статус и имманентное развитие. Об этом можно судить на примере социальной сферы, которая у нас «институализирована как выражение конституционной интенции государства, его социальной ориентации»⁵⁰. «Под социальной сферой понимается совокупность отраслей непосредственного жизнеобеспечения и расширенного воспроизводства населения, ресурсы которых организованы в соответствии с заданным функциональным профилем, и включающих такие институциональные отрасли, как здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, пенсионное обеспечение, социальная работа, туризм, физкультура и спорт, социальное страхование, санаторно-курортный комплекс и др.»⁵¹

Сферы общественной жизни представляют собой крупные, устойчивые, относительно самостоятельные подсистемы человеческой жизнедеятельности. Каждая из них охватывает определенные виды деятельности человека и соответствующий им

---

⁵⁰ Шавель, С. А. Сферный подход в теоретической социологии / С. А. Шавель // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. – 2014. – № 1. – С. 29–41.

⁵¹ Шавель, С. А. Сферный подход в теоретической социологии / С. А. Шавель // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. – 2014. – № 1. – С. 31–32.

кластер институтов. Между тем нам представляется, что традиционное выделение четырех основных сфер общественной жизни (социальная, экономическая, политическая, духовная) не отвечает мегатрендам современного общественного развития, под которыми понимаются «медленно развивающиеся крупные *социальные, экономические, политические и технологические изменения*, которые, оформившись в течение длительного времени (7–10 и более лет), оказывают значительное влияние на человека»⁵². Авторитетные специалисты предупреждают, что для развивающихся стран первоочередным является создание *условий для технологического и инновационного развития*⁵³.

Общественное развитие – многогранный процесс для его осмысления человеком. «Модному» сегодня институциональному подходу к объяснению развития общества предшествовали получившие широкое признание формационный и цивилизационный подходы. Первый делает акцент на экономических факторах, второй – на социокультурных.

Формационный подход подразумевает рассмотрение истории развития государств как прогрессивного процесса. Он исходит из предпосылки, что все государства быстрее либо медленнее развиваются по определенному сценарию, и все они рано или поздно должны прийти к одной форме общественно-политического устройства. Теоретическими сторонниками этого подхода являются К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, которые считали, что развитие общества состоит из определенных периодов – общественно-экономических формаций. Общественная формация представляет

---

⁵² Определение Джона Нейсбита по: Нехорошева, Л. Н. Глобальные вызовы в контексте четвертой промышленной революции: новые требования к национальной экономике и угроза возникновения «технологической пропасти» / Л. Н. Нехорошева // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. В 4 ч. Ч. 1 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. – С. 95.

⁵³ Нехорошева, Л. Н. Глобальные вызовы в контексте четвертой промышленной революции: новые требования к национальной экономике и угроза возникновения «технологической пропасти» / Л. Н. Нехорошева // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. В 4 ч. Ч. 1 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. – С. 107.

собой социально-экономическую систему. В ее основе – базисе – лежит экономическая подсистема, характеризующаяся способом производства материальных благ. Последний определяется взаимодействием производительных сил и производственных отношений. Производительные силы характеризуются ресурсами и средствами, которые обеспечивают процесс производства. Формы собственности на средства производства определяют производственные отношения по поводу распределения и обмена. Способ производства в большей мере зависит от уровня развития производительных сил. Таким образом, критерием классификации общественных формаций являются экономические отношения, а все остальные общественные отношения называются надстройкой (рис. 1.4).

Рис. 1.4. Структура общественно-экономической формации⁵⁴

Согласно *цивилизационному подходу* государства развиваются по-разному, а не идут по общему пути. Цивилизация – это социокультурная система, включающая социально-экономические условия жизнедеятельности общества, этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности. Данный подход характеризуется отсутствием детерминации – не существует общих закономерностей в развитии

⁵⁴ Морозов, В. А. Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций / В. А. Морозов // Экономические стратегии. – 2018. – № 5. – С. 65.

общества. При цивилизационном подходе рассматривается большое количество цивилизаций, которые слабо или вообще никак не связаны друг с другом. Все цивилизации равнозначны, и каждая из них обладает собственной уникальной историей. Между тем смысл цивилизационного подхода – построить типологию общественных систем, исходящую из определенных, качественно различающихся между собой технико-технологических базисов. Обобщенная структура цивилизации представлена на рис. 1.5.

Рис. 1.5. Классификационная структура цивилизации⁵⁵

Сопоставление структур формаций и цивилизаций указывает на первостепенность роли технологического способа производства в процессе развития общества.

ТЕХНОСФЕРА

Техносфера – искусственная среда обитания, созданная человеком. Она стала ответом человечества на все опасности окружающего мира.

---

⁵⁵ Морозов, В. А. Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций / В. А. Морозов // Экономические стратегии. – 2018. – № 5. – С. 67

Ее возникновение связано не с началом использования техники и технологий как таковых, а с началом воздействия на природные объекты и процессы, которое началось на этапе перехода человечества от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Еще австралопитеки использовали камни для раскалывания орехов, палки для сбивания плодов, острые осколки костей для разделывания пищи. Синантропы освоили термотехнологии, научившись использовать огонь для приготовления пищи и обогрева жилища. Создание искусных каменных орудий, в том числе охотничьих приспособлений, и разработка древними людьми технологии загонной охоты, требовавшей специализации и высокой квалификации участников, позволили резко увеличить количество добываемой пищи и существенно повысить численность населения.

Однако динамично растущее человечество подорвало свою кормовую базу, поскольку практически исчезли главные объекты охоты. Начавшийся голод привел к массовому вымиранию людей. Цивилизация вступила в свой первый экологический кризис, названный «верхнепалеолитическим». Человечество преодолело этот кризис посредством биотехнической революции («Первой цивилизационной революции»), заключающейся в переходе от традиционных видов деятельности древнего человека, приспособившегося к условиям окружающей среды – собирательства и охоты, к продуктивному сельскому хозяйству. Переходный период получил название «мезолит».

Биотехническая революция положила начало неолиту, достижением которого явилось создание самых совершенных каменных орудий (сверленого каменного топора и составных лезвий, набираемых из мелких острых пластинок). Изобретение инструментов и использование технологии подсечно-огневого земледелия дало возможность людям расчищать леса для получения сельскохозяйственных земель. Так человечество впервые масштабно вмешалось в природу, в это время и возникла техносфера. Переход к сельскому хозяйству позволил значительно уменьшить влияние природных факторов на процесс получения пищи, необходимой для выживания людей. Повышение продуктивности возделываемой территории позволило человечеству вновь наращивать свою численность за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых территорий.

Несмотря на проблемы, непрерывно обрушивающиеся на людей (стихийные бедствия, войны, неурожаи, голод и эпидемии), искусственная среда прогрессировала. Развитие техносферы было скачкообразным. Кроме биотехнической революции (10 тыс. лет назад) известен ряд последующих «цивилизационных революций», после которых развитие техносферы ускорялось. Н. Ф. Реймерсом выделены следующие ключевые моменты в истории развития человечества и техносферы: урбанистическая революция (7 тыс. лет назад, переход к

строительству городов, возникновение и развитие государств); промышленная революция (200 лет назад, переход к массовому промышленному производству предметов потребления, возникновение мировой индустрии); научно-техническая революция (100 лет назад, переход к использованию атомной энергии и других открытий и изобретений, возникновение новой производительной силы – научно-технического знания). Двигателем качественного устройства техносферы являлись различного рода кризисы, возникавшие в ходе развития человеческой цивилизации. Прогресс человечества сопровождался кризисными ситуациями и разрешался посредством очередной цивилизационной революции и преобразованием техносферы.

Основой создания и развития техносферы явился научно-технический прогресс – получение новых знаний и изобретение орудий труда, механизмов, машин и других видов техники. Именно знания обеспечили непрерывный прогресс человечества, несмотря на все катаклизмы, кризисы и войны. Поэтому для настоящего и будущего исключительно важна роль знания и его получения как вида деятельности людей, обеспечивающего процесс общественного развития.

Источник: Ткаченко, Ю. Л. Техносфера – главное достижение человечества / Ю. Л. Ткаченко, А. С. Керженцев // Энергия. Экономика. Техника. Технологии. – 2017. – № 8. – С. 22–28.

Технологии производства выступают базовым и постоянным фактором эволюции общества. Это важнейший детерминирующий элемент настоящего и будущего развития человечества. Именно технологические изменения порождают политические, экономические и социальные инновации и институты.

Графически сферы жизни общества представлены на рис. 1.6, где центральное место человека весьма символично – он вписан во все сферы жизни общества. Каждой сфере соответствует особый кластер институтов.

Переходя к рассмотрению кластеров институтов, упомянем научный бестселлер Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные», настаивающих на решающем значении политических институтов, закладывающих основу для экономического процветания или упадка национальных государств⁵⁶.

---

⁵⁶ Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон; пер. с англ. – М.: АСТ, 2016. – 693 с.

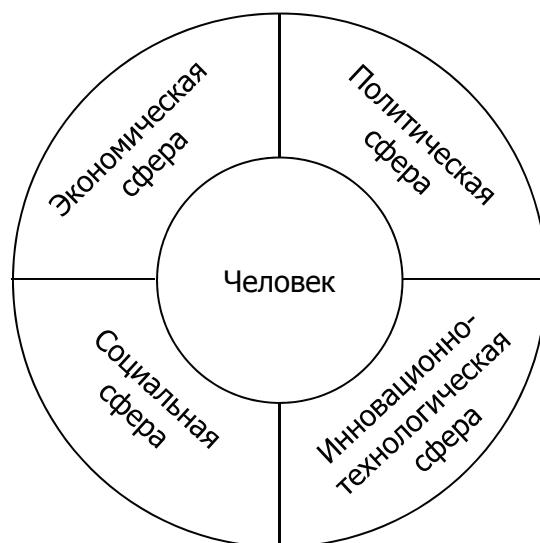

Рис. 1.6. Сферы общественной жизни

Политические институты определяют правила поведения людей в обществе, в частности, устанавливают иерархическую структуру власти, определяют правила принятия решений по формированию органов власти, формы и правила контроля за действиями власти со стороны общества. Политический процесс представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека, фиксируемую политическими институтами, касающуюся правил получения и передачи государственной власти⁵⁷. К политическим относятся институты прав и свобод личности, публичной власти, гражданского общества, правосудия, государственного, регионального и местного управления, институты гражданства и миграции, армия, идеология и др.

Экономические институты определяют права собственности и нормы взаимодействия субъектов экономических интересов, непосредственно устанавливая формы организации хозяйственной деятельности, в рамках которых экономические агенты формируют соглашения и принимают решения об использовании ресурсов. При этом они комплементарны политическим институтам, которые выступают точкой отсчета, задавая исходный системный импульс

---

⁵⁷ Балацкий, Е. В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения / Е. В. Балацкий // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 2. – С. 146.

и предопределяя конструируемые экономические институты. «Производство и распределение товаров и услуг в любом обществе организовано набором правил, среди которых санкционированное сверху распределение в государствах, фирмах и других организациях... Отдельные комбинации этих правил определяют целые общества как “капиталистические”, “традиционные”, “коммунистические”... Эти правила распределения ... влияют на человеческое развитие, сказываясь на личности, привычках, вкусах, идентичностях и ценностях... Экономические институты влияют на мотивации и ценности»⁵⁸.

Таким образом, экономические институты формируют устройство, функциональные связи, формы организации и регулирования экономической жизни социума, обеспечивая воспроизводство системы экономических отношений (производства, распределения, обмена и потребления). Они теснейшим образом связаны с экономическими интересами. Задевая интересы индивидов и коллективов в их иерархии и субординации, они задают степень эффективности использования ресурсов. К экономическим относятся институты прав собственности, управления государственной собственностью, институты по созданию рациональной рыночной среды (тарифное, таможенное, антимонопольное регулирование и др.), распределительные (финансовые) институты, включая институты фондового рынка, кредитования, страхования, налогообложения, государственно-частного партнерства, семейного предпринимательства, институты занятости (найма и увольнения, оплаты труда), коррупции и др.⁵⁹

Социальные институты направлены на решение вопросов, связанных с воспроизводством населения, сохранением здоровья людей, созданием, хранением и передачей новым поколениям ценностей культуры. Это институты здравоохранения, образования, общественной безопасности, религии, социального страхования, социальной защиты, социального обеспечения, медицинского страхования, охраны труда, социальной ответственности бизнеса, социального предпринимательства, семьи, благотворительности, традиции, культуры и др.

---

⁵⁸ Цитата Самуэля Боулз по: Алесина, А. Культура и институты / А. Алесина, П. Джулиано // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 37.

⁵⁹ Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; под общ. ред. А. Е. Дайнеко; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 279 с.

Инновационно-технологические институты формируют инновационно-технологическую платформу общества. Это технологии производства, институты технологического развития, инновационного предпринимательства, научного обслуживания, трансфера технологий, технического регулирования, стандартизации и сертификации, авторских прав⁶⁰, включая патентование, лицензирование и др.

Необходимо отметить, что распределение институтов по кластерам является достаточно условным, поскольку многие институты взаимосвязаны и определить их конкретную принадлежность к той или иной группе бывает непросто. Однако сомнения не вызывает реверсивность взаимодействия между институтами. Научно-технический прогресс влечет за собой социальный и экономический прогресс, улучшение политических условий, и наоборот. Каждая институциональная система готова отчасти меняться ради приспособления к миру современных технологий, но, правда, лишь до тех пор пока эти изменения не угрожают ее существованию как таковому. Отсюда огромная инерция институционального развития. Об этом можно судить по эволюции института прав и свобод личности. Историческая неизбежность ведет все страны к рыночной демократии⁶¹, однако происходит это с разной скоростью⁶².

Институты создаются людьми. Д. Норт указывал, что институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными. Институты или, по крайней мере, формальные правила создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил. В этой связи Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон выделяют инклюзивные и экстрактивные институты. Первые наделяются сугубо позитивными качествами, представляя локомотивом экономического развития, вторые сопряжены с консервацией неравенства и отсталости.

Под *инклюзивными* понимаются такие институты, которые разрешают и стимулируют участие больших групп населения

---

⁶⁰ Д. Норт выделяет в истории две экономические революции: первая связана с оформлением права собственности на землю; вторая – с появлением авторского права.

⁶¹ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2005. – 592 с.

⁶² Вельцель, К. Рождение свободы / К. Вельцель. – М.: ВЦИОМ, 2017. – 404 с.; «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск: Звезда, 2017. – 367 с.

в экономической активности, что в свою очередь позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки на базе свободы выбора того, где работать и что покупать. Иными словами, инклюзивные институты обеспечивают вовлечение в экономический кругооборот широких масс и, соответственно, большого объема человеческого капитала. Инклюзивные институты запускают цикл по формированию и эффективному приложению человеческого потенциала, что продуцирует инновации и новые технологии, а это в свою очередь ведет к росту эффективности производства, более активному экономическому росту и возрастанию общественного благосостояния⁶³. Поэтому в социально-ориентированных обществах институты рассматриваются не как ограничительные рамки, а как движущие силы человеческого поведения.

Экстрактивные институты ограничивают участие масс в экономическом круговороте и отводят им место эксплуатируемой социальной группы, не способной продуктивно использовать имеющийся у нее человеческий потенциал. Устойчивое функционирование инклюзивных институтов ведет общество к обогащению и процветанию, а экстрактивные институты, сковывающие творческую энергию масс, – к постоянному обнищанию.

Природа правил, составляющих существо институтов, позволяет разделить их на формальные и неформальные (система ценностей). *Формальным институтам* соответствуют формальные правила, санкции за нарушение которых носят организованный характер. Напротив, *неформальным институтам* соответствуют неформальные ограничения (общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности), наказание за отклонение от них реализуется спонтанным образом.

Формальные институты выполняют свое предназначение с помощью *институциональных инструментов*, определяющих параметры институциональной среды (правовые акты, распоряжения, правила, уставы, стандарты, технические регламенты, нормы, контракты, договоры, соглашения, фонды, инструкции, режимы, кодексы, алгоритмы, методики и т. п.). А поскольку задача институтов заключается в обеспечении наиболее экономичного согласования интересов различного уровня, то выделяются и соответствующие

---

⁶³ Балацкий, Е. В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения / Е. В. Балацкий // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 145.

этим уровням институциональные инструменты, к примеру макроэкономические и микроэкономические.

Каждый институт детерминирует определенный состав институциональных инструментов в корреспонденции с соответствующими им функциональными звеньями и элементами организационной структуры. При вычленении институциональных инструментов целесообразно упомянуть функциональный подход Р. Мертона⁶⁴, выработанный им по результатам исследования финансовых рынков и их институтов: во главу угла необходимо ставить функции, поскольку форма всегда следует за функцией, и в зависимости от этих функций постепенно идет формирование наилучшей институциональной структуры. По мнению Р. Мертона, функции более стабильны, чем институты: со временем они в меньшей степени изменяются и менее пространственно дифференцированы. Именно поэтому институциональная форма должна следовать за функцией. Автор считает, что этот подход относится и ко всем другим институтам.

Таким образом, исходные возможности современного процесса воспроизводства определяют произведенный, природный, человеческий и институциональный капиталы, в совокупности формирующие национальное богатство.

Природный и физический капиталы сами по себе пассивны, главным актором является человек, вовлеченный в систему общественного воспроизводства, определяющий стратегию ее развития, исходя из возможностей институциональной среды. Тем самым эффективность формирования, накопления и использование всех видов капитала зависит от институтов, изучение которых сегодня является одним из наиболее разрабатываемых направлений исследований воспроизводства национального богатства.

1.4. Индикаторы инклюзивного развития

Зеркалом конкурентоспособности национальной экономики является качество жизни населения. В последние годы растет поток исследований, посвященных его измерению. При этом в научном

---

⁶⁴ Merton, R. Design of Financial Systems: Toward a Synthesis of Function and Structure / R. Merton, Z. Bodie // Journal of Investment Management. – 2005. – Vol. 3, no. 1. – P. 67.

обороте активно используются схожие, на первый взгляд, понятия: «уровень жизни населения», «благополучие», «качество жизни».

Использование понятия «уровень жизни» характерно для отечественной науки. Под *уровнем жизни населения*, как правило, понимают уровень развития и степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Его ключевыми индикаторами являются доходы и расходы населения, дающие объективную оценку материальных условий жизни населения. Другими компонентами уровня жизни считаются обеспеченность населения благоустроенным жильем, развитие медицинского и культурно-бытового обслуживания. Достойный уровень жизни – это то условие, которое необходимо для развития личности и реализации ее возможностей. Он открывает человеку базовые возможности, но не определяет их использование.

В зарубежной литературе используется термин «welfare», переводимый как «благополучие» – наличие необходимых ресурсов для полноценной жизни, что близко по смыслу к понятию «уровень жизни». Широко известна теоретическая и практическая модель социального порядка, получившая название «государство благополучия» (The Welfare State). «Государство благополучия» – это общество, в котором существует система социальных гарантий населению со стороны государства и все граждане страны могут рассчитывать на получение минимального дохода и необходимых общественных услуг, т. е. осуществляется широкий комплекс программ социальной помощи непривилегированным слоям населения. «Практическое обеспечение социальных гарантий осуществляется за счет финансовых ресурсов, аккумулируемых государством в виде бюджетов всех уровней, а также в виде различного вида фондов (пенсионного и др.), величина которых зависит от величины созданной субъектами хозяйствования добавленной стоимости»⁶⁵. В Великобритании в быденном употреблении термин «welfare» используется для обозначения органов социального страхования, ответственных за поддержку уровня доходов, а в США «welfare» означает сам доход, получаемый от этих органов⁶⁶.

---

⁶⁵ Кабанов, В. Н. Критерий для оценки уровня материального благополучия населения / В. Н. Кабанов // Новая экономика. – 2016. – № 1 (67). – С. 14.

⁶⁶ Блэк, Дж. Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 840 с.

Исследования *качества жизни* населения, обусловленные интересом правительств европейских стран к гуманитарной составляющей экономического роста, начались с середины 60-х гг. прошлого века вследствие перехода общества на более высокую ступень развития. Качество жизни как научное понятие было впервые введено в научный оборот в книге «Социальные индикаторы» под редакцией Р. Бауэра, вышедшей в свет в 1966 г.⁶⁷ Это понятие гораздо шире понятия «уровень жизни». В отдельных характеристиках обе категории совпадают по содержанию (доходы и расходы населения), однако «качество жизни» формируется значительно большим количеством элементов, отражающим все экономические и социальные составляющие образа жизни населения.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ≠ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ?

«В СССР в 1960–1970-х гг. качество жизни советского населения в целом было не ниже качества жизни населения ведущих западных стран, при этом уровень жизни был примерно в два раза ниже.

Когда в бытность СССР эскимосов переселили из чумов в комфортабельные квартиры, уровень их жизни возрос, но уровень смертности резко повысился.

В ГДР после присоединения к ФРГ материальные условия жизни улучшились в 3–5 раз, однако уровни самоубийств, преступности и смертности резко возросли».

Источник: Стукаленко, Е. А. Качество жизни и его измерение: учеб. пособие / Е. А. Стукаленко, О. В. Воронкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – С. 23.

Качество жизни в самом широком смысле трактуется как совокупность всех условий, определяющих физическое, умственное и социальное благополучие человека. Оно определяется не только объективными факторами, формирующими образ жизни населения (питание, жилище, занятость, образование и т. д.), но и факторами, определяющими субъективное восприятие человеком уровня своего благополучия (счастье, удовлетворенность работой, семейным положением, жилищными условиями и т. д.). Таким образом, концепт качества жизни охватывает все взаимосвязи человека с окружающей средой, отражающие как степень удовлетворения потребностей, так и степень соответствия реальных возможностей

---

⁶⁷ Bauer, R. Social Indicators / R. Bauer. – Massachusetts: MIT Press, 1966. – P. 357.

ожиданиям. Исследование качества жизни относится к числу наиболее актуальных тем современной экономической науки, поскольку разработка и реализация национальных стратегий социально-экономического развития требуют знания социальной среды и происходящих в ней процессов. Исследователей, занимающихся этими вопросами, объединяет Международное общество исследователей качества жизни – International Society for Quality-of-Life Studies (ISQOLS).

На протяжении многих лет темпы экономического роста рассматривались экономистами и политическими лидерами как основной показатель эффективности социально-экономической политики. Исходили они из укоренившейся точки зрения, согласно которой предоставление все большего количества товаров и услуг является наилучшим способом повышения уровня жизни людей. При этом предполагалось, что экономический рост автоматически обеспечивает решение ряда проблем, таких как увеличение занятости населения, сокращение неравенства, ликвидация нищеты. Однако мировой опыт развития опроверг справедливость таких посылок. Экономический рост сам по себе не решает проблему занятости, не обеспечивает справедливое распределение ресурсов и повышение уровня жизни людей. Поэтому в мировом сообществе экономический рост уже давно рассматривается не как самоцель, а как средство достижения более гуманных целей человеческого развития. Экономический рост – это императив, обусловленный необходимостью обеспечить ресурсы для поддержания жизнедеятельности общества, но его темпы – не единственная цель.

Стандартной мерой экономического успеха государств мира сегодня считается валовой внутренний продукт. «ВВП – экономический индикатор, который не сходит со страниц СМИ и вокруг которого вращаются все дебаты об экономической политике»⁶⁸. Суммарный объем валового внутреннего продукта характеризует мощь национальной экономики, по ВВП, исчисленному на душу населения, принято судить об эффективности производства в стране.

Между тем измерение только экономического продукта для оценки развития общества оказывается недостаточным. Нельзя

---

⁶⁸ Койл, Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Высшая школа экономики Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, 2016. – С. 143.

отождествлять рост валового внутреннего продукта с повышением социального благополучия населения страны. ВВП измеряет текущее производство товаров и услуг, а не степень, в которой оно способствует широкому социально-экономическому прогрессу, сказываясь на доходах домохозяйств, возможностях трудоустройства, экономической безопасности и качестве жизни населения. ВВП позволяет оценить рост общественного производства, а не социальные результаты этого роста.

Сам «автор» ВВП Саймон Кузнец предупреждал: ВВП измеряет только экономическую активность, а не благополучие. ВВП не является мерой благосостояния нации и не задумывался в таком качестве. ВВП и благосостояние – это разные вещи, хотя между ними есть тесная связь. Напрямую не отражая уровня благосостояния, ВВП тем не менее коррелирует с факторами нашего благополучия. Взаимосвязь между уровнем ВВП и уровнем счастья, детской смертностью, средним ростом населения или продолжительностью жизни существует. Эти параметры, безусловно, сопряжены, но изменения их уровней во времени не обязательно пропорциональны⁶⁹.

О благосостоянии граждан разных государств мира судят по среднедушевому ВВП, исчисленному в долларах США с учетом паритета покупательной способности. Этот показатель пока безальтернативен для выполнения межстрановых сопоставлений уровня жизни населения как с позиций широты охвата стран, так и по разработанности и достоверности международной статистической информации, при том что у научной общественности имеются многочисленные критические замечания в отношении валового внутреннего продукта, которые в основном сводятся к следующему: ВВП является источником, из которого покрываются затраты, обусловленные последствиями производственных и иных аварий, природных катаклизмов, борьбой с преступностью, терроризмом, другими социальными патологиями (алкоголизм, наркомания), а также военные расходы и потери вследствие гражданских и международных конфликтов; ВВП не учитывает побочные издержки экономического роста и не отражает всех аспектов социального

---

⁶⁹ Койл, Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Высшая школа экономики Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, 2016. – С. 132.

развития и состояния ресурсной базы производства и потребления в долгосрочной перспективе; ВВП игнорирует изменения в качестве товаров, услуг и рост их разнообразия; ВВП не позволяет адекватно измерить стоимость услуг государственного сектора и не учитывает структуру государственных затрат; существуют проблемы с исчислением ВВП в постоянных ценах и переводом из одной валюты в другую из-за громадных различий в экономической структуре разных стран и видах расходов потребителей, и др.⁷⁰ Кроме того, реальное влияние среднедушевого дохода, измеряемого ВВП, на уровень и качество жизни населения зависит не только от его величины, но и от характера его распределения и использования. При этом проблема распределения ВВП охватывает широкий диапазон вопросов – от первичного распределения, обусловленного структурой собственности, до систем социальной защиты, характеризующих перераспределительную политику государства. Именно от распределения и перераспределения ВВП зависит конечная сумма доходов различных слоев населения, которая может быть направлена на использование.

Таким образом, ВВП не в состоянии в полной мере удовлетворять требованиям объективной оценки уровня жизни населения. Тем не менее среднедушевой ВВП, исчисленный по паритету покупательной способности, до сих пор остается основным интегральным показателем ресурсного обеспечения жизнедеятельности населения.

Что же касается качества жизни, то в научном сообществе до сих пор нет общепринятых подходов к выбору индикаторов и методов оценки качества жизни, поскольку само понятие не имеет четких границ и его трактовка постоянно расширяется. Вместе с тем само по себе появление концепции качества жизни послужило импульсом для разработки индикаторов, измеряющих социальную составляющую экономического роста, выходя за рамки среднедушевого ВВП.

---

⁷⁰ How to Measure Prosperity // *The Economist*. – 2016. April 30th. – P. 7; Минаев, С. Просроченный продукт / С. Минаев // *Коммерсант. Власть*. – 16 мая 2016 г. – С. 18–19; Вебер, А. Б. Исследование социального прогресса: глобальное измерение и вызовы для политики / А. Б. Вебер // *Век глобализации*. – 2016. – № 1–2. – С. 134–135; Койл, Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Высшая школа экономики Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, 2016. – 176 с.

Первые международные системы социальных индикаторов (показателей) были разработаны в 1970–1980-е гг. Наиболее известна *система социальных показателей ОЭСР* (ОЕСД, 1982). Для стран ОЭСР были выделены основные целевые направления социального развития, которые охватывали такие задачи, как повышение качества жизни, укрепление социального единства и достижение устойчивого развития. Оценка качества жизни предполагала использование индикаторов, характеризующих здоровье, образование, занятость и качество трудовой жизни, досуг и отдых, состояние потребительского рынка товаров и услуг, состояние окружающей среды, личную безопасность, социальные возможности и социальную активность. При выборе индикаторов основной акцент ставился на том, что общественное развитие – это многогранный процесс, для которого рост материального богатства – не единственная цель, а скорее инструмент для создания лучших условий жизни⁷¹.

Один из наиболее популярных подходов к оценке качества жизни предложен Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), опубликовавшей в 1990 г. свой первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором была сформулирована *концепция человеческого развития*: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права и самоуважение». Данная система взглядов ориентирована на повышение качества жизни человека, расширение и совершенствование его возможностей во всех областях. Концепция человеческого развития пришла на смену концепциям экономического развития, которые провозглашали экономический рост главной целью общественного прогресса и рассматривали человека только в качестве его движущей силы.

В докладе ПРООН 2010 г. концепция человеческого развития была уточнена. По мнению авторов проекта, определение развития человека как расширения возможностей человеческого выбора является недостаточным. Развитие человека предполагает сохранение

---

⁷¹ Стукаленко, Е. А. Качество жизни и его измерение: учеб. пособие / Е. А. Стукаленко, О. В. Воронкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 180 с.

позитивных результатов в течение длительного времени и противодействие процессам, которые ведут к угнетению людей и усиливают структурную несправедливость. Исходя из этого, было предложено следующее определение: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете».

Основной инструмент концепции человеческого развития, получивший широкое признание в мировой практике – *Индекс человеческого развития* (The Human Development Index), предложенный экспертами ПРООН. Исходный вариант этого интегрального индикатора был разработан пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком и впервые опубликован в 1990 г. под названием «Индекс развития человеческого потенциала». Его идея состоит в том, что общественное развитие следует оценивать не только по валовому внутреннему продукту, но также по достижениям в области здоровья и образования. Предполагалось, что этот ряд объективных параметров, имеющих непосредственное статистическое выражение, влияет на качество жизни, а следовательно, отражает его состояние. В 2010 г. после уточнения понятия человеческого развития и методологии исчисления индекса его исходное название «Индекс развития человеческого потенциала» было трансформировано в «Индекс человеческого развития» (ИЧР), который измеряет достижения стран по трем основным направлениям: здоровье и долголетие, отражаемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; доступ к образованию, характеризуемый показателями грамотности взрослого населения и охвата образованием; достойный уровень жизни, определяемый среднедушевым ВВП по ППС в долларах США.

Расчет индекса служит популяризации идеи человеческого развития, иллюстрируя при этом ограниченность показателя ВВП как индикатора социальных результатов. Так, при выполнении международных сопоставлений возникают расхождения по странам между рейтингами стран по ИЧР и ВВП на душу населения. На их основе принято оценивать, как результаты экономического роста трансформируются в качество жизни населения. Положительная разница свидетельствует об использовании экономического роста в интересах человеческого развития, и наоборот. Устройство

ИЧР приводит к тому, что наверху рейтинга оказываются не США, а Скандинавские страны, в то же время ряд стран со средним уровнем дохода, такие как Индия, опускаются ниже своего места в рейтинге душевого ВВП из-за массовой бедности и низких показателей здоровья населения. Расчет ИЧР по статистическим данным официальных источников обеспечивает его относительную объективность и верифицируемость. Тем не менее он не лишен некоторых недостатков, в частности, опирается на национальные средние показатели, которые скрывают ассиметричность распределения благ и не всегда отражают реальное положение дел в отдельных странах.

Нарождающееся экологическое движение и появление в конце 1980-х гг. *концепции устойчивого развития* способствовали появлению волны интереса к учету экологических факторов, а финансовый кризис начала XXI в., подорвав доверие к стандартным методам учета финансовых показателей, вдохнул жизнь в ряд альтернативных проектов, связанных с построением интегральных индексов и систем показателей социального развития. Было предложено немало альтернатив, обусловленных необходимостью учета экологических факторов. Самая известная из них – *Индекс устойчивого экономического благосостояния* (The Index Sustainable Economic Welfare, ISEW), разработанный в 1989 г. Германом Дэйли и Джоном Коббом. В 1990-х гг. он развился в *Индекс подлинного прогресса* (Genuine Progress Indicator, GPI), отражающий экономические, социальные и экологические аспекты общественного развития.

Согласно мнению сторонников GPI, он является «более верным» ориентиром в оценке экономического прогресса по сравнению с ВВП. Вместе с тем он недостаточно совершенен – индикатор, основанный на небольшом наборе исходных составляющих, с неизбежностью остается относительно «грубым», возможность его «тонкой настройки» ограничена из-за недоступности разного вида данных. Кроме того, многие издержки общественного развития трудно выразить в денежной форме.

В XXI в. сформулирован «новый» альтернативный подход к измерению социального прогресса, который уже завоевал популярность: это *концепция «панели показателей»*. В 2008 г. президентом Франции Н. Саркози была учреждена Комиссия по измерению эффективности экономики и социального прогресса под

руководством Джозефа Стиглица, основная задача которой – выработать критерии оценки экономического и социального прогресса. Комиссия пришла к выводу, что критерием общественного развития является не ВВП, с исчислением которого связано множество методологических проблем, а качество жизни населения. При этом не стоит соединять многочисленные показатели в одном индексе, лучше формировать систему индикаторов, определяющих социально-экономические результаты⁷².

Ряд национальных и международных служб уже взял этот подход на вооружение. Самый зрелый образец «панельного» подхода – это *Индекс лучшей жизни ОЭСР (Better Life Index)*⁷³, в наглядной форме представляющий относительный рейтинг стран по 11 аспектам благосостояния: жилищные условия, доход, работа, окружение, образование, экология, власть, состояние здоровья, удовлетворенность жизнью, безопасность и баланс работы и личной жизни. Индекс представляет собой интерактивный инструмент, позволяющий любому желающему увидеть ситуацию в различных странах и рассчитать интегральный индекс в соответствии с той важностью для каждого из 11 аспектов (на основе 1–3 показателей), которую он лично задал. Это важное продвижение в сторону общественной дискуссии об экономической политике, где будет приниматься во внимание не только краткосрочный рост экономики, но и ее устойчивость.

Прогрессивная научная общественность обосновывает и продвигает сегодня современную концепцию инклюзивного роста. Всемирный банк определяет его как высокий и устойчивый экономический рост, широко распространенный по всем секторам экономики, вовлекающий в производство товаров и услуг значительную часть трудовых ресурсов и обеспечивающий равенство возможностей в доступе к рынку и ресурсам, тем самым формирующий предпосылки для сокращения бедности. Всемирный экономический форум инклюзивный рост трактует следующим образом: экономический рост открывает широкие возможности для развития

---

⁷² Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Д. Стиглиц [и др.]; пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 216 с.

⁷³ OECD Better Life Index: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecdbetter-lifeindex.org. – Дата доступа: 10.10.2018.

человеческого потенциала, но чтобы он был реализован, необходимо обеспечить неуклонное расширение возможностей участвовать в общественном производстве, справедливое распределение этих возможностей между членами общества. В первом определении основной акцент сделан на продуктивной занятости населения, во втором – на равенстве возможностей членов общества. Тем не менее оба акцента присутствуют в каждой из трактовок инклюзивного роста, отражая его суть: обеспечение занятости и возможности заниматься производительным трудом – основное связующее звено между достижением экономического роста и созданием возможностей для развития человека. Под инклюзивностью развития, как правило, понимают создание благоприятных условий для обеспечения устойчивого инновационного экономического роста, обеспечивающего повышение качества жизни всего населения и нивелирующего социальное неравенство.

ЦИРКУЛЯР О КУХАРКИНЫХ ДЕТЯХ (Российская империя, 1887 г.)

«Циркуляр “О сокращении гимназического образования”, прозванный “циркуляром о кухаркиных детях”, – нормативный акт периода контрреформ, подписанный 18 (30) июня 1887 года российским министром просвещения И. Д. Деляновым.

Циркуляр рекомендовал директорам гимназий и прогимназий при приеме детей в учебные заведения учитывать возможности лиц, на попечении которых эти дети находятся, обеспечивать необходимые условия для такого обучения; таким образом “гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию”».

Источник: О сокращении гимназического образования // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 01.09.2018.

В 2015 г. в русле концепции панельных показателей Всемирный экономический форум разработал *Индекс инклюзивного развития* (The Inclusive Development Index) в качестве альтернативы интегральной оценке социально-экономического развития стран. Новая метрика ориентирована на отражение качества жизни людей и устойчивости экономики. По задумке ВЭФ, индекс должен

«информировать общество и помогать устойчивому и инклюзивному экономическому развитию». Индекс инклюзивного развития опирается на 11 измерений общественного прогресса в дополнение к ВВП, условно формирующих три группы индикаторов, названных создателями национальными ключевыми показателями эффективности (National Key Performance Indicator – НКПИ).

В первую группу индикаторов, отражающих *«рост и развитие»*, включены ВВП на душу населения; производительность труда; ожидаемая продолжительность здоровой жизни; занятость населения. Вторую группу индикаторов, характеризующих *«инклюзивность»* (включение всех членов общества), представляют коэффициент расслоения общества по доходам; уровень бедности; коэффициент расслоения общества по богатству; медианный доход. Третья группа индикаторов, демонстрирующих *«межпоколенческий капитал и устойчивость развития»* (т. е. устойчивое управление природными и финансовыми ресурсами), содержит скорректированные чистые сбережения (с учетом вложений в человеческий капитал и истощения ресурсов); парниковую интенсивность ВВП; государственный долг в процентах от ВВП; коэффициент демографической нагрузки. На основе этих индикаторов формируются групповые индексы, среднее арифметическое которых и является итоговым Индексом инклюзивного развития. Экономисты ВЭФ обосновывают его следующим образом: растущее неравенство и отсутствие заботы о будущих поколениях не сулят ничего хорошего, и новый индекс нужен, чтобы показать, как обманчиво может выглядеть успех, измеряемый только ВВП.

Итак, ВВП не является адекватным показателем благосостояния. При его исчислении множество важных факторов, таких как состояние здоровья людей, уровень образования и др., выносятся за скобки. Вместе с тем говорить о том, что панели показателей вытесняют рост ВВП из экономических дискуссий, пока рано⁷⁴. Создание возможностей развития и трудоустройства в отношении каждого человека возможно только за счет высоких темпов экономического роста.

---

⁷⁴ Койл, Д. ВВП: краткая история, рассказанная с пиететом / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Высшая школа экономики Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, 2016. – С. 142.

2. БЕЛАРУСЬ: НА ПУТИ К ИНКЛЮЗИВНОМУ РАЗВИТИЮ

2.1. Беларусь в XXI веке

Республика Беларусь *располагается в центре Европы* на водоразделе Балтийского и Черного морей, гранича на востоке и северо-востоке с Россией, на юге – с Украиной, на западе – с Польшей, на северо-западе – с Литвой и Латвией (рис. 2.1). Подчеркивая *выгодное геополитическое положение* страны, стоит вспомнить шведского ученого Юхана Рудольфа Чёллена (1864–1922), автора термина «геополитика», который отмечал, что владеющий центром Европы владеет ею всей.

Рис. 2.1. Республика Беларусь и сопредельные страны Европы

Страна достаточно компактна: протяженность с запада на восток – 650 км, с севера на юг – 560 км. Территория Беларуси составляет 207,6 тыс. км². Численность населения страны – 9,5 млн. человек. Беларусь занимает 13-е место по территории и 17-е место по численности населения среди европейских государств, в мире – 84-е и 92-е места соответственно⁷⁵. По этим параметрам страна существенно уступает сопредельным России, Украине и Польше, но заметно опережает Латвию и Литву. В кругу европейских государств Беларусь по территории ближе всего к Соединенному Королевству (243,6 тыс. км²) и Румынии (238,4 тыс. км²), а по численности населения сравнима с Австрией, Бельгией, Болгарией, Венгрией, Чешской Республикой, Швейцарией, располагая при этом значительно большей (в 2–7 раз) территорией⁷⁶. Плотность населения страны – 46 человек на 1 км² – близка к среднемировому показателю (47 человек на 1 км²), но значительно ниже, чем в странах Западной, Центральной и Восточной Европы.

Государственный суверенитет Беларусь получила четверть века назад – в 1990 г., впервые за свою многовековую историю став на путь самостоятельного развития. До этого она входила в состав СССР как Белорусская ССР (БССР, Белоруссия), а в 1991 г., после обретения независимости, была переименована в Республику Беларусь. В настоящее время Республика Беларусь (Беларусь) является *унитарным демократическим социальным правовым государством*⁷⁷.

БЕЛАЯ РУСЬ

(конец IX – начало XXI в.)

Беларусь, как Россия и Украина, свою государственность берет в IX в. в Киевской Руси – совокупности средневековых княжеств восточно-славянских, финно-угорских и балтийских племен, объединенных родственными связями князей из династии Рюриковичей. К середине

---

⁷⁵ Беларусь и страны мира: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 16.

⁷⁶ Беларусь и страны мира: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 11–15.

⁷⁷ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>. – Дата доступа: 26.02.2016.

XII в. Киевская Русь вступила в состояние феодальной раздробленности, и возникли относительно самостоятельные княжества в Новгороде, Пскове, Полоцке, Турове, Владимире, Суздале, Смоленске. Первым от Киева обособились Полоцкое княжество (1132 г.), которое фактически стало прообразом первого государства на белорусских землях. Вторым на территории Беларуси стало Туровское (позднее Туровско-Пинское) княжество (1162 г.).

В период монгольского нашествия, начавшегося в 1237 г., власть Киева была ослаблена и в 1299 г. киевский митрополит перенес свою резиденцию во Владимир. В этот период на территории нынешней Беларуси и Литвы создается Великое княжество Литовское (ВКЛ) и на протяжении столетий является крупным европейским государством, а в отдельные периоды простирается от Балтийского до Черного морей. ВКЛ в течение долгого периода времени соперничало с Великим княжеством Московским. ВКЛ в XVI в. было страной более «европейской», чем многие страны Западной Европы того времени. В 1588 г. был принят Статут ВКЛ, который в значительной части и сегодня мог бы утвердить Европарламент. Для сравнения – Соборное уложение Московии было принято лишь в 1649 г.

С 1385 г. в личной, а с 1569 г. в сеймовой унии с Королевством Польским ВКЛ образует федеративное государство Речь Посполитую. В период 1772–1795 гг. (три раздела Речи Посполитой) белорусские земли включаются, как Северо-Западный край, в состав Российской империи. С 1920 г. Восточная Беларусь находилась сначала в составе РСФСР, а затем вошла в СССР как Белорусская ССР. Западная Беларусь, находившаяся в составе Польши, в 1939 г. также была присоединена к БССР и СССР. 19 сентября 1991 г. образовалось суверенное государство Республика Беларусь, которое после распада СССР с 1992 г. получило независимость.

Ученые сходятся в том, что термин «Белая Русь», закрепленный в названии современного суверенного государства, имеет древние корни. В прошлом земли, относимые к Руси, удостоивались различных названий и характеристик (Червоная, Галичская, Холмская, Черная, Великая, Малая и, наконец, Белая Русь). Самым жизнестойким из них оказалось название «Белая Русь». Белорусские земли под названием «Белая Русь» впервые встречаются в 1305 г. на страницах Ипатьевской летописи. Первоначально это название относилось только к Полоцкой земле. С первой половины XVII в. оно твердо закрепилось за восточной частью Беларуси, а за всей современной территорией Беларуси термин закрепился только в XIX в. Разобщенность мнений в научном сообществе обнаруживается в части толкования определе-

---

ния «Белая»: одни исследователи связывают его с физическим признаком – цветом (речь, как правило, о цвете одежды или волос местных жителей); другие полагают, что эпитет «белая» является синонимом слов «великая», «независимая» и «свободная»; третья группа ученых склонна видеть в слове «белая» одну из сторон света. Однако нельзя исключать и синтеза подходов. Существует трактовка слова «белая» как синонима терминов «центральная» (в географическом смысле) и как «важная» «главная», «наиболее значительная земля, центр» (в политическом смысле).

Источники. Заостровцев, А. Институциональная история России / А. Заостровцев // Вопросы экономики. – 2017. – № 5. – С. 136–147; Господарик, Е. Г. ЕАЭС–2050: глобальные тренды и евразийская экономическая политика: монография / Е. Г. Господарик, М. М. Ковалев. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 152 с.; Невмержицкий, Н. И. О происхождении названия «Белая Русь» / Н. И. Невмержицкий // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: материалы VII Междунар. науч. конф. (Минск, 14 апр. 2017 г.). – Минск: БИП, 2017. – С. 31–32.

Накануне распада Советского Союза среди его республик БССР занимала 4–5-е место по накопленному потенциалу, уступая РСФСР, Украине, Эстонии, а по совокупности потенциала и эффективности его использования – 4-е место после Эстонии, Латвии и Литвы⁷⁸. Она относилась к передовым республикам с развитой промышленностью, исключительно высоким научным потенциалом.

«Во времена Советского Союза Белорусская ССР была своеобразным сборочным цехом огромной страны. В ней получили развитие многие отрасли народного хозяйства, обеспечивающие своей продукцией все союзные республики и многие зарубежные государства»⁷⁹. Однако в начальный период системной трансформации в 1990-х гг., когда страна пережила спонтанную перестройку многих государственных институтов, более всего пострадали высокотехнологичные отрасли и производства. В структуре экономики произошли негативные изменения, относящиеся прежде всего к промыш-

⁷⁸ Никитенко, П. Г. Модель развития нового уклада экономики – инновационная созидательная стратегия устойчивой жизнедеятельности Беларуси в условиях глобализации / П. Г. Никитенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2014. – № 1. – С. 120–121.

⁷⁹ Котляров, И. Евразийская интеграция в социологическом измерении / И. Котляров // Thesaurus. – 2016. – Вып. 3. – С. 16.

ленности. Заметно увеличилась доля сырьевых отраслей в общем объеме промышленного производства, уменьшилась доля машиностроения и металлообработки, а в структуре машиностроения снизился удельный вес наукоемких, технологически сложных подотраслей и производств, многие из которых ранее были ориентированы на нужды оборонной промышленности огромной страны.

Современная Беларусь – экспортоориентированное государство с развитыми промышленностью и сельским хозяйством, что обусловлено исторически сложившейся специализацией производства и наследием советской структуры экономики. К основным отраслям материального производства относятся: добыча калийной соли, машиностроение и металлообработка, химическая промышленность и нефтепереработка, агропромышленный комплекс, целлюлозно-бумажная промышленность и деревообработка и др.

После обретения независимости в стране не была произведена широкомасштабная приватизация предприятий, в структуре национальной экономики до сих пор значимую роль играют государственные предприятия, доминирующие в ключевых ее отраслях и обеспечивающие половину производимой продукции и рабочих мест. Промышленность имеет высокий уровень концентрации производства, а многие промышленные гиганты советских времен (Минский автомобильный завод, Минский тракторный завод, Белорусский автомобильный завод и др.) находятся в собственности государства и остаются символами белорусской экономики.

Беларусь имеет торговые отношения со многими странами и входит в число лидеров среди мировых экспортеров грузовых автомобилей, тракторов, дорожно-строительной и коммунальной техники, минеральных удобрений. В товарной структуре белорусского экспорта высока доля продукции нефтехимической и химической промышленности, значимо представлена продукция черной металлургии, легкой, пищевой, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, промышленности строительных материалов, агропромышленного комплекса (картофель, лен, молочные продукты).

Сырьевая ориентация экспорта (поставка минеральных удобрений, нефтепродуктов, древесины и др.) и его географическая концентрация (более 60% приходится на три страны, в том числе свыше 40% – на Россию, принимающую около 70% несырьевых экспортных позиций) обуславливают высокую уязвимость белорусской экономики и ее сильную зависимость от тенденций

развития мирохозяйственной системы в целом и макроэкономической ситуации в государствах, выступающих основными внешнеторговыми партнерами. Для поддержания национальной конкурентоспособности в условиях интенсификации глобализационных процессов определяющее значение имеет успешность интеграции белорусской экономики в мировое экономическое пространство. Препятствуют этому не только внешнеполитические и внешнеэкономические, но и внутренние факторы.

Современная Беларусь – страна, в которой сохраняются командно-административное, или «ручное», управление экономикой⁸⁰, консолидация бюджетных ресурсов, высокая занятость в государственном секторе и широкая социальная защита населения. Государственное планирование и управление переплетено с элементами рынка: директивное кредитование и перекрестный госконтроль сочетаются с деятельностью частных национальных и иностранных предприятий, либерализованным банковским сектором и в основном свободным ценообразованием⁸¹.

В отсутствие целенаправленных структурных реформ белорусская экономика меняется лишь под влиянием глобальных и региональных процессов, не связанных с трансформацией национальной системы управления. Преобразования в экономике носят эволюционный характер и не входят в открытое противоречие со сложившейся моделью управления страной⁸². В стране все еще формируется система отношений, соответствующая рыночной экономике, включая новые институты, хозяйственные роли и ценностно-мотивационные установки экономического поведения. Сложность этого процесса обусловлена медленным восприятием населением ценностей рыночной системы хозяйства, что требует адаптации преобразований к требованиям национальной культуры как совокупности ментальных ценностей общества⁸³.

---

⁸⁰ Рудый, К. В. «Ручное» управление: вызовы, противоречия, переформатирование / К. В. Рудый // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XVI Междунар. науч. конф. (Минск, 23 окт. 2015 г.). В 3 т. Т. 1 / редкол.: А. В. Червяков [и др.]. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – С. 24.

⁸¹ Рудый, К. Государственный капитализм в Беларуси / К. Рудый // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 77.

⁸² Рудый, К. Государственный капитализм в Беларуси / К. Рудый // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 78.

⁸³ Канашевич, Н. М. Культурная среда хозяйственной деятельности как фактор социального развития / Н. М. Канашевич // Thesaurus. – 2015. – Вып. 1. – С. 85.

Выбор Беларусью эволюционного пути перехода от социалистической к социально ориентированной рыночной экономике в значительной мере определили социокультурные факторы. *Государственный патернализм* как особую форму организации общества, обусловленную историческими особенностями его развития, исследователи называют определяющей чертой белорусской экономики. Патернализм как выработанный хозяйственной практикой доминирующий архетип поведения, закрепленный в ментальности и экономической культуре общества, не только оказался весьма устойчивым, но и институализировался в качестве важнейшего компонента государственной власти⁸⁴.

«Существующие в Беларуси патерналистские практики не сводятся к простому заимствованию традиций советского прошлого. В современных белорусских реалиях эти традиции обновляются, национализируются и смешиваются с элементами крестьянской народной культуры»⁸⁵. Благодаря специфике белорусской экономики одной из доминирующих тем в политике является развитие сельского хозяйства и поддержка сельского населения с его патриархальным укладом и культурой⁸⁶. Между тем именно общинность и патернализм многие ученые относят к важнейшим инерционным факторам, сдерживающим развитие всех постсоветских экономик – в условиях экономического патернализма «интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал не всегда возможно реализовать в виде цивилизационного развития, научно-технического прогресса...»⁸⁷.

Действующая модель управления экономикой пользуется поддержкой населения и расценивается как форма социального государства. Социальная ориентация экономики сопряжена с высокой налоговой нагрузкой на бизнес и консолидацией бюджетных ресурсов. Социальные ожидания граждан много лет поддерживаются за

---

⁸⁴ Канашевич, Н. М. Культурная среда хозяйственной деятельности как фактор социального развития / Н. М. Канашевич // *Thesaurus*. – 2015. – Вып. 1. – С. 85.

⁸⁵ Эрвудт, Р. Наследие советского патернализма в белорусской деревне: морализация и фольклоризация социального мира / Р. Эрвудт, А. Курило // *Мир России*. – 2016. – № 4. – С. 47–48.

⁸⁶ Эрвудт, Р. Наследие советского патернализма в белорусской деревне: морализация и фольклоризация социального мира / Р. Эрвудт, А. Курило // *Мир России*. – 2016. – № 4. – С. 49.

⁸⁷ Левко, А. Культура, инновации и рынок: духовно-нравственные и экономические составляющие / А. Левко // *Наука и инновации*. – 2016. – № 6. – С. 66–68.

счет перекрестного субсидирования, жилищного строительства и иных механизмов, имеющих негативные побочные эффекты. При этом белорусская модель управления экономикой опирается на различные внутренние и внешние источники финансирования. Внутреннее финансирование до недавнего времени носило эмиссионно-инфляционный характер. Внешнее финансирование в основном осуществляется за счет зарубежных займов, формирующих долговой навес, приток же прямых иностранных инвестиций ограничен низкими темпами приватизации и административными издержками⁸⁸, в том числе высокой долей расходов на социальные нужды в затратах субъектов хозяйствования⁸⁹.

Республика Беларусь – достаточно молодое государство на социально-экономической карте мира, однако за небольшой по историческим меркам период оно уже неоднократно сталкивалось с экономическими кризисами. К наиболее серьезным можно отнести «кризис переходного периода» 90-х гг. XX в., а также мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г. Первый из них, обусловивший колоссальный экономический спад в 1991–1995 гг.⁹⁰, стал объективным следствием распада СССР, необходимости формирования суверенного государства в условиях разрыва хозяйственных связей и неготовности правительства, а также населения к таким кардинальным переменам. В Беларуси отсутствовала долгосрочная стратегия реформирования национальной хозяйственной системы, не были определены и отрегулированы базисные отношения собственности. Это стало одной из важнейших причин развития инфляционных тенденций, превзошедших все ожидания, что подталкивало органы государственного управления к принятию не всегда экономически обоснованных решений. Развитие

---

⁸⁸ Рудый, К. Государственный капитализм в Беларуси / К. Рудый // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 78.

⁸⁹ В чем сильные и слабые стороны Беларуси судя по рейтингам [Электронный ресурс] // *Ежедневник: сайт*. – Режим доступа: <https://ej.by/news/sociaty/2016/06/06/v-chem-silnye-i-slabye-storony-belarusi-sudya-po-reytingam.html>. – Дата доступа: 01.09.2016.

⁹⁰ Моторина, О. И. Ретроспектива социально-экономического развития Беларуси и ее место в мире / О. И. Моторина // *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. В 4 ч. Ч. 3 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; редкол.: В. И. Бельский [и др.]*. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. – С. 238–243.

инфляционных процессов сопровождалось обесценением белорусской национальной денежной единицы⁹¹. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. показал «разбалансированность национальной экономики ..., когда неблагоприятные внешние факторы вскрыли ряд ее структурных проблем, которые не в полной мере были решены на предыдущих этапах развития. Они оказались не только реальными, но и весьма болезненными для населения и народного хозяйства в целом. Например, отмечались значительные разовые девальвации национальной денежной единицы (последняя была в декабре 2014 г.) и резкое повышение потребительских цен в 2009 и 2014 гг.»⁹²

Существует мнение, что динамика инфляция объективно отражает конкурентоспособность страны, а девальвация национальной валюты характеризует качество управления ее экономикой⁹³. Инфляция – реакция экономики на кризисные явления. Инфляция относится к важнейшим параметрам макроэкономической динамики и чрезвычайно высокие ее показатели в особых комментариях не нуждаются. В Беларуси длительный период ежегодный рост цен исчислялся двузначными цифрами. С начала века потребительские цены выросли в 23 раза, в среднегодовом измерении их прирост превышал 20%. Инфляция в Беларуси была не только рекордной среди стран СНГ, но и чрезвычайно высокой в мировом масштабе⁹⁴. Курс доллара США с начала века вырос почти

---

⁹¹ Тарасов, В. И. Макроэкономическая и монетарная политика Республики Беларусь на кризисных этапах развития экономики / В. И. Тарасов // Экономика, моделирование, прогнозирование: сб. науч. тр. / редкол.: М. К. Кравченко [и др.]; НИЭИ М-ва экономики Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Вып. 9. – С. 21–29.

⁹² Тарасов, В. И. Макроэкономическая и монетарная политика Республики Беларусь на кризисных этапах развития экономики / В. И. Тарасов // Экономика, моделирование, прогнозирование: сб. науч. тр. / редкол.: М. К. Кравченко [и др.]; НИЭИ М-ва экономики Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Вып. 9. – С. 22.

⁹³ Байзаков, С. Б. Инфляция определяет уровень конкурентоспособности, а девальвация – качество экономического управления / С. Б. Байзаков, А. Р. Ойнаров // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы 16-й Междунар. науч. конф. (Минск, 23 окт. 2015 г.). В 3 т. Т. 1 / редкол.: А. В. Червяков [и др.]. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – С. 61–63.

⁹⁴ Беларусь лидирует на территории бывшего СССР по росту цен в январе – мае 2016 года [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости: сайт. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2016/06/26/ic_news_113_477287/. – Дата доступа: 30.06.2016.

в 30 раз, т. е. белорусский рубль ежегодно обесценивался в среднем на 22%. Все это указывает на наличие экономических проблем хронического характера (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Динамика потребительских цен и курса доллара США
в Республике Беларусь**

Показатель	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2017	2001– 2017
Индекс потребительских цен, раз	3,05	1,64	3,86	1,16	23,00
Индекс курса доллара США, раз	2,69	1,38	5,33	1,21	29,44

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Национальная валюта появилась у Беларуси в 1992 г. Белорусские рубли в народе называли «зайчиками» из-за рисунков животных на расчетных билетах (зайцы, бобры, белки, лоси, волки, медведи, зубры). Уже в 1994 г. от этих денег отняли один ноль – это была первая деноминация, вторая прошла в 2000 г., когда от белорусского рубля «отрезали» три нуля, в 2016 г. – третья, в результате которой он «избавился» сразу от четырех нулей. Каждая деноминация сопровождалась негативными ожиданиями населения и социальным стрессом.

Основным приоритетом социально-экономического развития Республики Беларусь является устойчивый рост уровня и качества жизни населения на основе повышения конкурентоспособности национальной экономики. В текущем столетии Беларусь добилась значительного прогресса как в росте общего благосостояния, так и в улучшении качества жизни, что проявилось в замедлении темпов снижения численности населения, увеличении продолжительности жизни, снижении уровня малообеспеченности населения, улучшении структуры потребления домохозяйств, повышении эффективности функционирования здравоохранения, образования, расширения жилищного строительства и др.⁹⁵ До недавнего времени

⁹⁵ Морова, А. П. Генезис и законодательное обеспечение социальной политики в Республике Беларусь / А. П. Морова // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 155.

Беларусь по показателям социальной сферы относилась к числу лидеров на постсоветском пространстве, однако в последние годы позиции лидера она утрачивает⁹⁶. Стратегическая задача, стоящая перед государством – приближение Республики Беларусь по уровню и качеству жизни населения к передовым странам мира. По оценкам Всемирного банка среднедушевой ВВП с учетом ППС в современной Беларуси составляет лишь треть от уровня этого показателя в благополучной Германии. Для того чтобы достичь текущих условий жизни немецкого населения, Беларуси при нынешних параметрах экономического роста (2,5–3,0% прироста в год) потребуются четыре десятилетия. Очевидно, что стране надо искать новые источники и возможности роста⁹⁷.

На повестке дня стоит вопрос поиска модели социально-экономического развития Беларуси, которая позволит повысить конкурентоспособность страны, добиться экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения на этой основе. Прогрессивные экономисты утверждают, что в основе такой модели должна лежать концепция инклюзивного роста и развития.

В докладе ВЭФ «Отчет об инклюзивном росте и развитии» (The Inclusive Growth and Development Report 2018) представлены рейтинги стран по Индексу инклюзивного развития (The Inclusive Development Index; IDI), характеризующему уровень экономического развития стран с учетом социальной ориентированности. Из-за разных подходов к определению уровня бедности ВЭФ составляет два рейтинга – для 29 развитых стран и 74 развивающихся стран (стран с формирующимся рынком). В первом лидируют Норвегия, Исландия, Люксембург, Швейцария, Дания, во втором – Литва, Венгрия, Азербайджан, Латвия, Польша. Беларусь в этом докладе не представлена, о степени инклюзивности ее развития можно судить лишь косвенно на основе обращения к оценкам параметров сопредельных государств (табл. 2.2).

---

⁹⁶ Токарев, А. Знаки качества / А. Токарев // Коммерсант. Власть. – 2016. – 31 марта 2014. – С. 26–31; Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 15.

⁹⁷ Доклад Г. Андроновой-Винселет [Электронный ресурс] // Видеоматериалы конференции KEF-2018 «Беларусь в дивном новом мире». – Режим доступа: <http://kef.by/forum/kef-2018/video2018/>. – Дата доступа: 09.11.2018.

Таблица 2.2

Фрагмент панели показателей инклюзивного развития ВЭФ (2018 г.)

Страна	Показатель	Страны, входящие в Европейский союз														
		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		
		ВВП на душу населения, долл. США (2010 г.)	Производительность труда, долл. США	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Занятость, %	Коэффициент Джини по доходам, %	Уровень бедности, %	Коэффициент Джини по богатству, %	Медианный доход, долл. США	Скорректированные чистые сбережения, % от ВВП	Парниковая интенсивность, кг на 1 долл. США ВВП	Государственный долг, % от ВВП	Коэффициент демографической нагрузки	Рейтинг среди стран с формирующейся рыночной экономикой		
Литва	Уровень	Значение	15 873	60 195	66,1	53,9	34,2	2,7	51,6	18,2	63,7	40,0	50,5	1		
	Изменение, %	Квинтиль	1	1	2	4	2	2	1	1	3	3	2			
Латвия	Уровень	Значение	4,1	2,4	1,3	3,6	0,4	-0,7	-14,9	2,2	0,8	0,2	2,5	4		
	Изменение, %	Квинтиль	1(ad)	2(sad)	3(st)	1(ad)	4(srec)	4(srec)	1(ad)	1(ad)	4(srec)	1(ad)	5(rec)			
Польша	Уровень	Значение	14 715	51 112	67,1	54,5	36,3	0,9	53,6	25,2	49,6	34,3	53,3	5		
	Изменение, %	Квинтиль	1	1	1	4	2	1	1	1	2	2	3			
		Уровень	Значение	3,7	2,2	2,1	3,6	-0,3	-12,4	10,8	-13,7	-2,4	3,9	4		
		Изменение, %	Квинтиль	2(sad)	2(sad)	2(sad)	1(ad)	3(st)	1(ad)	1(ad)	2(sad)	1(ad)	5(rec)			
		Уровень	Значение	15 049	55 716	68,7	53,2	32,1	0,3	71,7	20,5	54,2	44,9	5		
		Изменение, %	Квинтиль	1	1	1	4	1	3	1	4	4	1			
		Уровень	Значение	2,6	1,6	1,5	2,5	0,6	-2,0	1,4	-16,9	0,5	3,6	5		
		Изменение, %	Квинтиль	3(st)	3(st)	3(st)	1(ad)	5(rec)	3(st)	2(sad)	1(ad)	1(ad)	5(rec)			

Окончание табл. 2.2

		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
		Страны, входящие в СНГ													
Россия	Уровень	Значение	11 099	45 832	63,4	59,7	43,9	0,3	82,6	17,1	9,3	213,5	17,0	45,1	
		Квинтиль	1	1	3	3	4	1	5	1	3	5	1	1	
Россия	Изменение, %	Значение	0,0	0,0	2,4	-0,3	0,7	0,0	-10,5	-0,1	-3,2	-13,8	5,3	5,0	19
		Квинтиль	5(rec)	5(rec)	2(sad)	4(srec)	5(rec)	5(rec)	1(ad)	5(rec)	4(srec)	2(sad)	2(sad)	5(rec)	
Украина	Уровень	Значение	2 906	15 845	64,1	53,9	26,3	0,5	90,1	10,2	1,0	347,0	81,2	45,8	
		Квинтиль	3	4	3	4	1	1	5	2	4	5	5	2	
Украина	Изменение, %	Значение	-1,4	-3,2	1,9	0,0	-0,6	0,3	0,1	-0,6	-0,7	-37,2	43,7	2,6	49
		Квинтиль	5(rec)	5(rec)	2(sad)	3(st)	3(st)	5(rec)	3(st)	5(rec)	3(st)	1(ad)	5(rec)	5(rec)	

Условные обозначения: 1(ad) – 1-й «зеленый» квинтиль (advancing); 2(sad) – 2-й «светло-зеленый» квинтиль (slowly advancing); 3(st) – 3-й «желтый» квинтиль (stable); 4(srec) – 4-й «оранжевый» квинтиль (slowly receding); 5(rec) – 5-й «красный» квинтиль (receding).

Составлено автором по источнику: The Inclusive Development Index [Электронный ресурс] // World economic forum: сайт. – Режим доступа: http://reports.weforum.org/the-inclusive-development-index-2018/tables/?doing_wp_cron=1540561448.7393341064453125000000. – Дата доступа: 10.10.2018.

Литва, Латвия и Польша относятся к лидерам рейтинга развивающихся стран, занимая 1, 4 и 5-е места соответственно, Россия имеет 19-ю позицию, Украина – 49-ю. При этом ситуация в Латвии характеризуется как опережение (*advancing*), в Литве и Польше – медленное опережение (*slowly advancing*), в России она стабильна без видимого роста (*stable*), в Украине обозначается как отставание (*receding*).

Методология ВЭФ опирается на использование уровневых показателей и их относительных изменений (для отражения пятилетних трендов в развитии оцениваемых явлений) и распределение стран по квинтилям (от лучшего 1-го «зеленого» квинтиля до худшего 5-го «красного» квинтиля) в зависимости от значений этих показателей. И если в цветной зелено-желто-красной таблице, представляющей панель 12 индикаторов инклюзивного развития, в отношении Литвы, Латвии и Польши преобладают позитивно окрашенные зеленые и светло-зеленые клетки, отражающие опережение (*advancing*) и медленное опережение (*slowly advancing*), то часть таблицы, касающаяся России и Украины, пестрит печальным «осенним» желто-оранжево-красным колоритом, характеризующим отсутствие положительной динамики (*stable*), медленное отставание (*slowly receding*) и отставание (*receding*), что в целом вряд ли ассоциируется с инклюзивным развитием. Понимание того, что Беларусь находится где-то между Россией и Украиной, вызывает тревогу в отношении настоящего и будущего страны. Поэтому для оценки качества социально-экономического развития Республики Беларусь автор попытался сформировать панель индикаторов инклюзивного развития, придерживаясь при этом методологии ВЭФ настолько, насколько это оказалось возможным с учетом доступности информации.

2.2. Рост и развитие

В первую группу параметров, отражающих «рост и развитие» в концепции панельных индикаторов для исчисления Индекса инклюзивного развития ВЭФ, включены валовой внутренний продукт на душу населения, производительность труда, ожидаемая продолжительность здоровой жизни и занятость населения, к рассмотрению которых мы и обратимся, опираясь на данные статистики.

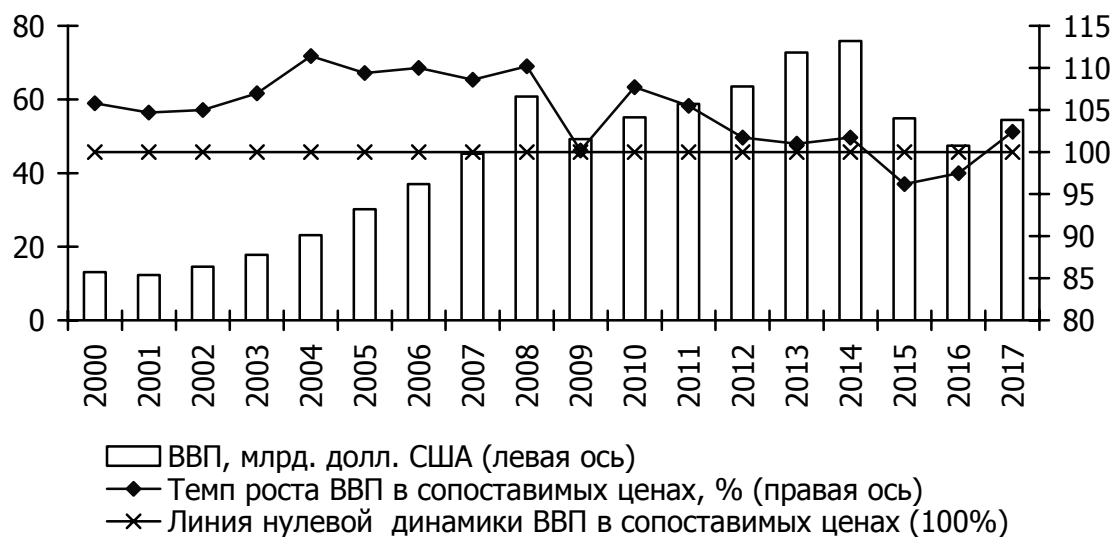
Длительное время рост ВВП был главной целью правительства Республики Беларусь. Такая политика диктовалась потребностью восстановления производственной базы страны, подорванной распадом СССР, и необходимостью обеспечения роста благосостояния граждан. Статистика свидетельствует о том, что после колоссального экономического спада в 1991–1995 гг., вызванного дезинтеграцией СССР, и последующего восстановительного роста в 1996–2000 гг. экономика Беларуси на протяжении ряда лет демонстрировала впечатляющую динамику – в 2001–2008 гг. ежегодный прирост ВВП составлял от 4,7 до 11,4%. Согласно расхожему мнению эти годы были лучшими для суверенной Беларуси благодаря росту мировых цен на нефть и нефтепродукты. Достаточно успешный период развития белорусской экономики завершился с наступлением мирового экономического кризиса, обусловившего резкое торможение роста ВВП. Если в 1995–2007 гг. Беларусь относилась к лидерам по показателям экономического роста среди европейских стран с формирующимся рынком, то в 2010–2017 гг. она вышла из лидеров в отстающие, «став чуть ли не самой медленной растущей страной региона»⁹⁸. Начиная с 2009 г. на фоне неблагоприятных мировых трендов Беларусь реализует инерционный сценарий замедления экономической динамики, иллюстрируемый нисходящим трендом, в котором в последние годы усматриваются попытки удержать рост ВВП в положительной зоне (рис. 2.2).

В условиях разразившейся инфляции и девальвации национальной валюты были усилены меры по социальной защите населения. Чтобы не допустить значительного падения ВВП и сохранить социальную направленность развития, Беларусь пошла по пути повышения внутреннего спроса со стороны домашних хозяйств и государства. Суть макроэкономической политики вплоть до 2015 г. заключалась в том, что осуществлялось искусственное стимулирование потребительских и инвестиционных расходов через повышение зарплат, социальных выплат и директивное кредитование, а также поддержание фиксированного курса национальной валюты. В этот период с кризисными явлениями справиться не удалось, и среднегодовые темпы экономического роста значитель-

---

⁹⁸ Доклад д-ра Жака Алана Миньяна [Электронный ресурс] // Видеоматериалы конференции KEF-2018 «Беларусь в дивном новом мире». – Режим доступа: <http://kef.by/forum/kef-2018/video2018/>. – Дата доступа: 09.11.2018.

но упали. Связано это было не только с внешними факторами, но и с серьезными внутриэкономическими проблемами финансового, структурного и качественно-фундаментального характера.

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Рис. 2.2. Динамика ВВП в Республике Беларусь

В 2015 г. произошел радикальный разворот макроэкономической политики: рост заработной платы впервые был увязан с ростом производительности труда, введены существенные ограничения по масштабам директивного кредитования государственных предприятий, Национальный банк начал проводить более жесткую денежно-кредитную политику, осуществлен переход на плавающий курс рубля. Меж тем очевидно, что обеспечение экономического роста в Беларуси становится все более проблематичным. Если с начала века ВВП в сопоставимых ценах увеличился в 2,2 раза, то в 2015–2016 гг. впервые за последние 20 лет наблюдалось падение ВВП на значимые 6,2%, которое было прервано в 2017 г., обеспечившем 2,5% его роста (табл. 2.3).

Динамика валового внутреннего продукта на душу населения за этот период практически повторяла динамику ВВП, будучи незначительно скорректированной на изменение численности населения. Если за 2000–2010 гг. среднедушевой ВВП по ППС в Республике Беларусь возрос почти вдвое – с 24,6% от среднего уровня ЕС до 47,1%, сигнализируя о росте уровня жизни населения, то за

последующие годы он мало изменился, достигнув 51% от среднего уровня по ЕС в 2014 г. и продемонстрировав тенденцию к снижению в последние годы.

Таблица 2.3

**Среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта
в Республике Беларусь (в сопоставимых ценах, %)**

Показатель	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016	2017
Валовой внутренний про- дукт	-8,2	6,3	7,5	7,3	1,1	-2,5	2,4
Валовой внутренний про- дукт на душу населения	-8,2	6,8	8,2	7,6	1,1	-2,6	2,5

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

При этом авторитетные экономисты утверждают: «в целом, несмотря на то, что в уровне благосостояния за последние десятилетия разрыв с лидерами мирового сообщества уменьшился по многим социально-экономическим параметрам, в уровне экономической эффективности историческое отставание сохранилось, более того, налицо риски его нарастания»⁹⁹.

За последние пять лет ВВП на душу населения сократился в сопоставимых ценах на 1,3% (среднегодовое снижение 0,3%), в долларах США – с 6,7 до 5,7 тыс., т. е. на 14,9% (среднегодовое снижение 3,2%). ВЭФ в своих оценках опирается на среднедушевой ВВП в долларах США по ППС. Последний в Беларуси вырос с 17,8 тыс. долл. в 2012 г. до 18,8 тыс. долл. в 2017 г., т. е. на 5,6%, продемонстрировав 1,1%-й среднегодовой прирост (табл. 2.4).

По меркам ВЭФ по уровню ВВП на душу населения в 2017 г. страна не попадает в 1-й квинтиль (20%) развивающихся стран, где находятся все сопредельные страны за исключением Украины (3-й квинтиль), но теоретически могла бы войти во 2-й квинтиль рейтинга государств этой группы. Динамика среднедушевого ВВП в долларах США по ППС положительная, но она оценивается как недостаточная для удержания имеющейся позиции – по темпам изменения

⁹⁹ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 22–23.

ВВП на душу населения Беларусь могла бы претендовать на попадание только в «оранжевый» 4-й квинтиль рейтинга развивающихся стран, оцениваемый как «медленное отставание» (slowly receding), вместе с Россией и Украиной, в то время как Литва, Латвия и Польша находятся в 1, 2 и 3-м квинтилях соответственно.

Таблица 2.4

Динамика валового внутреннего продукта в Республике Беларусь

Год	ВВП в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	ВВП на душу населения		ВВП на душу населения по ППС	
		тыс. долл. США	% к предыдущему году	тыс. долл. США	% к предыдущему году
2011	105,5	6,4	–	17,2	–
2012	101,7	6,7	104,7	17,8	103,5
2013	101,0	7,9	117,9	18,2	102,2
2014	101,7	8,3	105,1	18,8	103,3
2015	96,2	5,8	69,9	18,2	96,8
2016	97,5	5,0	86,2	18,0	98,9
2017	102,4	5,7	114,0	18,8	104,4

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

ВВП на душу населения – функция производительности труда, представляемой в масштабе страны валовым внутренним продуктом в расчете на одного занятого, и уровня занятости населения. Динамика занятости населения¹⁰⁰ в Беларуси формируется разнонаправленными тенденциями, определяемыми демографическими изменениями численности трудоспособного населения, ситуацией в экономике, политикой государства. Начиная с 1990-х гг., спрос на труд в стране сокращается быстрее, чем снижается численность населения. Если на конец 2017 г. по сравнению с 1990 г. численность населения сократилась с 10,2 до 9,5 млн. человек, или на 6,85%, то численность занятых уменьшилась гораздо существеннее – с 5,2 до 4,4 млн. человек, или на 15,5%. За последние 5 лет (2013–2017 гг.) численность занятых в экономике сократилась на 258 тыс. человек, или на 5,6%, при незначительном приросте численности населения – на 0,3% (рис. 2.3).

¹⁰⁰ К населению, занятому в экономике, относятся лица, работающие по найму за вознаграждение, а также не по найму для получения прибыли или дохода, в том числе лица, выполняющие работу в организации, учредителем которой является член домашнего хозяйства или родственник.

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Рис. 2.3. Динамика численности и уровня занятости населения в Республике Беларусь

Отсутствие до недавнего времени проблемы занятости в Беларуси не свидетельствовало о наличии условий для полной реализации потенциала работников, т. е. о существовании достаточного числа рабочих мест высокого качества с достойной оплатой труда. «На практике понятие безработицы в полной мере применимо лишь к промышленно развитым странам, где рабочие, поддерживаемые системой страхования, могут себе позволить некоторое время оставаться безработными. В более бедных регионах многие не располагают такой возможностью и вынуждены работать в любом случае, каким бы непродуктивным ни был труд и как бы низко он не оплачивался»¹⁰¹. «Основная проблема развивающихся стран заключается не столько в безработице, сколько в нехватке эффективных и хорошо оплачиваемых рабочих мест»¹⁰².

¹⁰¹ Морова, А. Качество экономического роста и его социальная составляющая / А. Морова, И. Михайлова-Станюта // Наука и инновации. – 2009. – № 4 (74). – С. 57–59.

¹⁰² Морова, А. П. Социальная составляющая экономического роста: теоретико-методологические аспекты / А. П. Морова // Экономический рост в условиях трансформации: материалы Междунар. науч. семинара (Витебск, 23 окт. 2008 г.). – Витебск: ВГТУ, 2008. – С. 247.

Проблема неэффективной занятости является острой для Беларуси. Продолжительный период кадровая политика в стране была направлена на сохранение персонала, недопущение массового высвобождения работников путем перевода их в режим неполного рабочего времени и предоставления административных отпусков. В результате для сферы занятости в стране был типичен высокий уровень вовлеченности трудовых ресурсов с низким эффектом фактического их использования. Несмотря на широко-масштабную модернизацию промышленных производств, в Беларуси не произошло санации неэффективных рабочих мест, занятость в промышленности сохранилась практически на том же уровне (около 24%), что стало следствием проводимой большинством организаций политики по сохранению персонала¹⁰³.

Политика сохранения неэффективной занятости до поры до времени устраивала все группы интересов. Сформировался своего рода консенсус: власть такой ценой поддерживала политическую стабильность, бизнес перекладывал издержки на государство, которое финансировало искусственную занятость, а население полагало, что нужно потерпеть, и неконкурентоспособные предприятия вновь заработают. Неэффективность такой политики стала очевидной уже в 2010 г., когда проблема непродуктивной занятости встала «во весь рост» и Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь были разработаны «Методические рекомендации по проведению кадровой диагностики организаций с целью выявления потенциально избыточной численности персонала», обновленные в 2016 г.¹⁰⁴ При этом кризис на рынке труда оказался отложенным, поскольку «пузырь» скрытой безработицы (неполное рабочее время, нахождение в административных отпусках) сдувался постепенно.

С конца 2014 г. проблема безработицы встала в ряд проблем первостепенной значимости в экономике Беларуси, что в значительной степени было связано со сжатием российского

---

¹⁰³ Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; под общ. ред. А. Е. Дайнеко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская думка, 2015. – С. 96.

¹⁰⁴ Методические рекомендации по проведению кадровой диагностики организаций с целью выявления потенциально избыточной численности персонала, утвержденные Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15.12.2016 № 72 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Metodrekomen_datsii-UTVERZhDENNYE.pdf. – Дата доступа: 10.10.2018.

рынка труда, а эксперты заговорили о «фактически лишнем миллионе белорусов на рынке труда»¹⁰⁵. Стало очевидным нарастание вынужденной неполной занятости, молодежной безработицы и безработицы среди лиц предпенсионного возраста.

Кроме того, по мировым меркам в Беларуси сохраняется низкий уровень трудовой мобильности внутри страны. Если средний гражданин в США в течение жизни более десяти раз меняет место жительства и работы, в Западной Европе – несколько раз, то в Беларуси – немногим более 1 раза. Недостаточная мобильность рабочей силы внутри страны является фактором, сдерживающим развитие экономики. Такое положение способствует ее стагнации, свидетельствует о неэластичности рынка труда, сигнализирует о вялых инновациях и неспособности к диверсификации производства и труда¹⁰⁶.

В 2017 г. в белорусской экономике было занято 45,8% населения страны, или 75,8% ее трудовых ресурсов¹⁰⁷. Свыше миллиона лиц трудоспособного возраста не были задействованы в экономике, и сами перспективы их трудоустройства туманны. В мерках ВЭФ *по уровню занятости* населения Беларусь вошла бы в последний 5-й квинтиль, тогда как Литва, Латвия, Польша и Украина находятся в 4-м квинтиле, Россия – в 3-м. При этом *по темпу изменения занятости* Беларусь со среднегодовым снижением в 1,15% также попала бы в худший «красный» 5-й квинтиль, означающий «отставание» (receding), в то время как Литва, Латвия и Польша находятся в 1-м квинтиле, Украина – в 3-м, Россия – в 4-м.

Характеризуя занятость населения в Беларуси, подчеркнем, что 96% занятых в экономике – наемные работники¹⁰⁸ (94% мужчин и 97% женщин), что выше, чем в странах СНГ и многих других

---

¹⁰⁵ Очковтирательство № 78. Белорусские власти пытаются делать убыточное эффективным [Электронный ресурс] // Myfin.by – финансовый портал. – Режим доступа: <http://myfin.by/stati/view/5881-ochkovtiratelstvo--78-belorusskie-vlasti-pytayutsya-delat-ubytochnoe-effektivnym>. – Дата доступа: 06.03.2016.

¹⁰⁶ Седлов, А. Рынок труда стран СНГ в контексте глобализации / А. Седлов // Общество и экономика. – 2015. – № 8–9. – С. 109.

¹⁰⁷ Рассчитано по: Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 18.

¹⁰⁸ Работающие по найму (наемные работники) – это лица, работающие по трудовому договору (контракту), гражданско-правовому договору или устному соглашению за вознаграждение (заработную плату, комиссионные и тому подобное) или оплату в натуральном выражении. К наемным работникам также относятся лица, избранные, назначенные или утвержденные на оплачиваемую должность, военнотрудовые, служители религиозных культов.

государствах мира. При этом 40% работников заняты в государственном секторе, еще около 24% – на частных предприятиях со смешанной формой собственности, т. е. с участием государства (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Распределение численности занятого населения по формам собственности в Республике Беларусь (%)

Год	Занято в экономике, всего	По формам собственности					
		Государственная	Частная, всего	Частная собственность			
				негосударственных юридических лиц	смешанная без иностранного участия	смешанная с иностранным участием	иностранная
1995	100,0	59,8	40,1	–	–	0,5	0,1
2000	100,0	57,2	42,4	–	11,1	1,4	0,4
2005	100,0	51,8	46,9	18,5	14,8	2,5	1,3
2010	100,0	44,7	53,6	18,3	19,2	3,9	1,7
2011	100,0	43,8	54,1	17,6	19,2	5,3	2,1
2012	100,0	42,6	55,0	17,9	19,1	6,0	2,4
2013	100,0	40,6	56,0	18,3	18,7	6,7	2,9
2014	100,0	39,0	57,8	18,5	18,8	6,9	3,2
2015	100,0	39,3	57,3	17,7	18,6	6,7	3,4
2016	100,0	40,2	56,2	17,0	18,3	6,4	3,6
2017	100,0	40,1	56,0	17,2	17,6	6,3	3,9

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Ситуация на рынке труда Беларуси характеризуется сохранением невысокого уровня регистрируемой безработицы (табл. 2.6)¹⁰⁹. Скромный ее уровень обусловлен, с одной стороны, реализацией органами государственного управления мероприятий по обеспечению занятости населения, гибкостью применяемых форм занятости, позволяющих предприятиям избегать массовых увольнений, с другой, небольшим размером пособия по безработице – средний размер пособия по безработице составляет около 15% среднедушевого

¹⁰⁹ К безработным относятся трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка или трудового дохода, зарегистрированные в государственной службе занятости населения по месту жительства с целью поиска подходящей работы, ищущие работу и готовые приступить к ней [Указ Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан»].

бюджета прожиточного минимума¹¹⁰, а также невысоким уровнем доверия службам занятости и необходимостью участия в общественных работах, предполагающих физический труд низкой квалификации.

Таблица 2.6

Показатели безработицы в Республике Беларусь

Год	Численность зарегистрированных безработных (на конец года), тыс. чел.	Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года), %	Численность безработных (по методологии МОТ), тыс. чел.	Уровень фактической безработицы, %
2000	95,8	2,1	–	–
2005	67,9	1,5	–	–
2010	33,1	0,7	–	–
2011	28,2	0,6	–	–
2012	24,9	0,5	–	5,1
2013	20,9	0,5	–	–
2014	24,2	0,5	266,9	5,1
2015	43,3	1,0	272,8	5,2
2016	35,3	0,8	301,8	5,8
2017	22,9	0,5	293,4	5,6

Источник: Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь: аналитическое обозрение. Январь – июнь 2012 г. – Минск: Нац. банк. Респ. Беларусь, 2012. – 420 с.; Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

В соответствии с методологией МОТ, используемой для измерения безработицы европейскими странами¹¹¹, уровень фактической безработицы определяется по данным обследований рабочей силы. С 2012 г. Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь на постоянной основе проводятся обследования населения по вопросам занятости в соответствии с рекомендациями МОТ. По их итогам уровень безработицы в стране в 2012 г.

¹¹⁰ Пилуй, М. П. Рынок труда Беларуси в рамках Союзного государства / М. П. Пилуй // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2014. – № 10. – С. 60.

¹¹¹ К безработным относятся лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, которые в течение отчетного периода удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы, искали работу и были готовы приступить к работе в течение двух недель.

составлял 5,1%, в 2016 и 2017 г. возрос до 5,8 и 5,6% соответственно, превысив естественный уровень безработицы (3–5% от численности рабочей силы).

Рост безработицы стал следствием оптимизации численности занятых и расходов организаций в условиях неблагоприятной рыночной конъюнктуры, обусловившей рост числа убыточных организаций. Если в 2010 г. по данным статистики в Республике Беларусь каждое двадцатое предприятие было убыточным, то в 2017 г. – каждое шестое, а в промышленности и строительстве – каждое четвертое. При этом каждый шестой работник выполняет работу ниже имеющейся у него квалификации.

Проблемой белорусского рынка труда является наличие значительного числа вакансий и безработных одновременно, что свидетельствует о дисбалансе спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационному составу, препятствующем рациональному использованию трудового потенциала страны. Дисбаланс спроса на труд и его предложения ведет к структурной безработице, которая может носить длительные и устойчивые формы.

Анализ конъюнктуры рынка труда показывает, что наблюдается избыток предложения по должностям служащих, преобладает спрос на рабочие профессии, существует острая нехватка специалистов по ряду позиций. Наиболее востребованными кадрами на рынке труда являются врачи и медсестры, специалисты строительного и сельскохозяйственного профиля, квалифицированные рабочие практически всех массовых профессий. Среди служащих отмечается дефицит инженеров, технологов, программистов, спросом пользуются специалисты сельскохозяйственного производства.

Причинами дисбаланса на рынке труда являются несоответствие объемов и структуры входящих и выходящих потоков рабочей силы и неспособность рыночного механизма в краткосрочном периоде реагировать на изменяющиеся требования к квалификации кадров, отсутствие действенного и эффективного государственного регулирования подготовки требуемого количества работников необходимой квалификации в национальной системе образования. Белорусские исследователи указывают на несбалансированность подготовки специалистов с динамикой спроса экономики на работников определенных профессий и квалификаций, неполную

востребованность высшего образования в этой связи¹¹². К примеру, в последнее двадцатилетие учреждения высшего образования страны были нацелены на подготовку кадров для транзакционных секторов экономики, а инженерные специальности оставались на «обочине» образования. При нарушении процессов воспроизводства кадров необходимой квалификации и их ротации по должностям происходят деформации в трудовой мотивации и деятельности работников, лишенных возможности влиять на деструктивные процессы.

Все перечисленные выше процессы красноречиво отражает динамика производительности труда. За последние пять лет производительность труда в сопоставимых ценах подросла на 4,5% (среднегодовое увеличение 0,9%), в долларовом выражении сократилась с 13,8 до 12,5 тыс. долл. США, т. е. на 9,4% (среднегодовое снижение 2,0%, что близко к оценкам Всемирного банка¹¹³). В подходе ВЭФ используется производительность труда, исчисленная в долларах США по ППС. Последняя в Беларуси увеличилась с 36,4 до 40,9 тыс. долл., т. е. на 12,4%, продемонстрировав 2,3%-й среднегодовой прирост (табл. 2.7).

В метриках ВЭФ в 2017 г. *по уровню производительности труда* Беларусь теоретически вошла бы во 2-й квинтиль группы развивающихся стран, тогда как все другие сопредельные страны находятся в 1-м квинтиле за исключением Украины (4-й квинтиль). Что касается среднегодового темпа прироста производительности труда, то по этому параметру Литва и Латвия находятся во 2-м квинтиле, Польша – в 3-м, Россия и Украина – в нижнем 5-м квинтиле. Исходя из ВВП по ППС в расчете на одного занятого Беларусь могла бы быть отнесена ко 2-му квинтилю рейтинга развивающихся стран, но учитывая противоречивость различных измерений динамики производительности труда, значительную условность ее показателей, исчисляемых на основе ВВП по ППС, а также процессы высвобождения излишней численности работников в последние годы, «автоматически» улучшающие показатели производительности труда, и исследования Всемирного банка,

---

¹¹² Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; под общ. ред. А. Е. Дайнеко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская думка, 2015. – С. 48.

¹¹³ Доклад д-ра Жака Алана Миньяна // Видеоматериалы конференции KEF-2018 «Беларусь в дивном новом мире» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kef.by/forum/kef-2018/video2018/>. – Дата доступа: 09.11.2018.

показывающие, что прирост капиталовооруженности труда не сопровождается ростом его производительности, такая оценка представляется завышенной и автор определил бы страну в «оранжевый» 4-й квинтиль группы развивающихся стран, демонстрирующий медленное отставание (*slowly receding*).

Таблица 2.7

Динамика производительности труда в Республике Беларусь

Год	В сопоставимых ценах, % к предыдущему году	В сопоставимых ценах, % к 2000 г.	В тысячах долларов США	В тысячах долларов США по ППС
2000	–	–	3,2	–
2005	107,3	144,4	6,8	–
2010	107,2	194,0	11,8	–
2011	105,7	205,1	13,7	34,7
2012	103,5	212,3	13,8	36,4
2013	101,7	215,9	16,0	37,6
2014	102,3	220,9	16,7	39,1
2015	97,4	215,2	12,2	38,5
2016	99,5	214,1	10,8	38,8
2017	103,6	221,8	12,5	40,9

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Одним из естественных показателей, отражающих достижения страны в социальной сфере, является ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения. Недоступность этого показателя подводит к необходимости рассмотрения динамики более грубого показателя – ожидаемой продолжительности жизни при рождении (табл. 2.8).

Падение ожидаемой продолжительности жизни в 1990-е гг. сменилось ее ростом лишь через пятнадцать лет, начиная с 2006 г. при том, что уровень 1990 г. был превышен лишь в 2012 г. В 2017 г. значение этого показателя прогнозировалось на уровне 74,4 лет (69,3 лет – у мужчин и 79,2 лет – у женщин). Очевидно, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин в среднем на 10 лет ниже, чем у женщин. В наиболее развитых странах мира рассматриваемый показатель давно «перевалил» за 80 лет, а различия в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами не превышают 4–6 лет.

Таблица 2.8

**Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении
в Республике Беларусь, лет**

Год	Все население	Мужчины	Женщины
1990	71,1	66,3	75,6
1995	68,6	62,9	74,3
2000	69,0	63,4	74,5
2005	68,8	62,9	75,1
2010	70,4	64,6	76,5
2011	70,6	64,7	76,7
2012	72,2	66,6	77,6
2013	72,6	67,3	77,9
2014	73,2	67,8	78,4
2015	73,9	68,6	78,9
2016	74,1	68,9	79,0
2017	74,4	69,3	79,2

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Что касается ожидаемой продолжительности здоровой жизни, то средства массовой информации упоминали ее увеличение с 60,2 лет в 2010 г. до 65,2 лет в 2015 г., что на ту пору было выше, чем в среднем по миру (63,1 года), но лет на пять меньше, чем в Европе¹¹⁴. Отталкиваясь от этой цифры, Беларусь в метрике ВЭФ по *ожидаемой продолжительности здоровой жизни* можно отнести ко 2-му квинтилю развивающихся стран на фоне Латвии и Польши, относимых к 1-му квинтилю, Литвы – ко 2-му, России и Украины – к 3-му. Осторожные оценки *динамики ожидаемой продолжительности здоровой жизни* позволяют присоединить Беларусь к Литве и Польше в «желтом» 3-м квинтиле, означающем относительную стабильность позиции страны (stable), тогда как Латвия, Россия и Украина находятся во 2-м квинтиле.

Подытожим рассмотрение индикаторов блока «рост и развитие» в табл. 2.9, демонстрирующей в некоторой степени условное (исходя из статистических данных и авторских экспертных оценок) отнесение

¹¹⁴ Беларусь отстает от Европы на пять лет здоровой жизни [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости: сайт. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20161116/1479317176-belarus-otstaet-ot-evropy-na-pyat-let-zdorovoy-zhizni>. – Дата доступа: 26.09.2018.

Республики Беларусь по каждому из показателей к тому или иному квинтилю развивающихся стран в рейтинге Всемирного экономического форума по Индексу инклюзивного развития.

Таблица 2.9

Индикаторы блока «рост и развитие» в Республики Беларусь

Индикатор	Номер квинтиля, к которому относится индикатор: от 1 (лучший) до 5 (худший)	
	Уровень индикатора	Динамика индикатора
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	2	3 (stable)
ВВП на душу населения	2	4 (slowly receding)
Производительность труда	2	4 (slowly receding)
Занятость населения	5	5 (receding)

Источник: составлено автором на основе экспертной оценки.

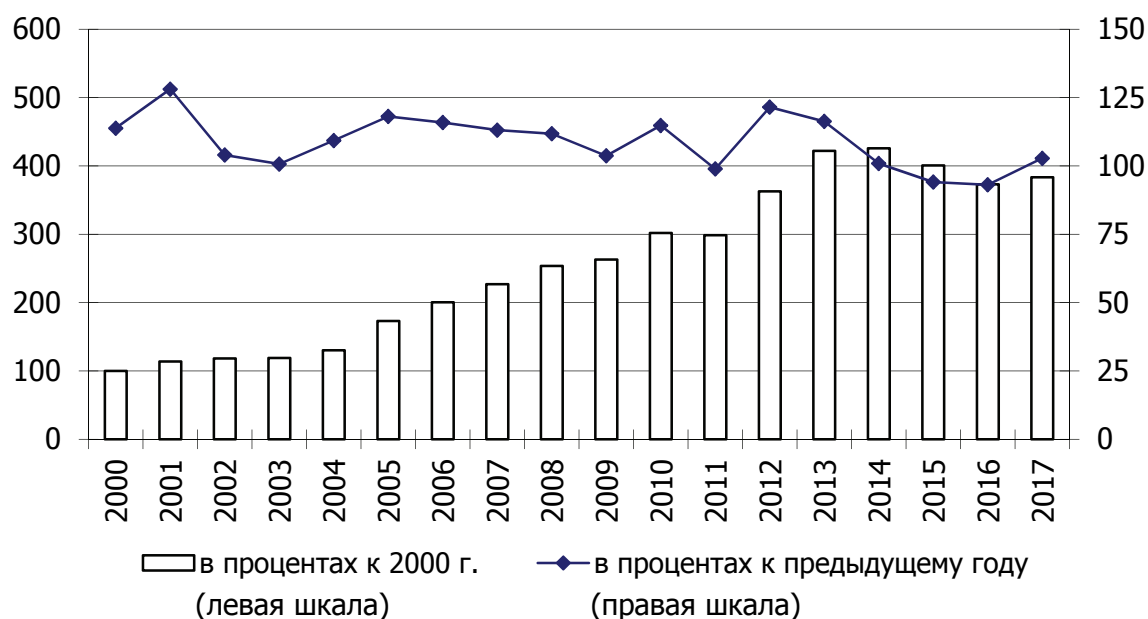
Индикаторы, характеризующие «рост и развитие», и их динамика указывают на то, что современная Беларусь должна приложить значительные усилия для того, чтобы сохранить свои позиции (в основном соответствующие 2-му квинтилю рейтинга инклюзивного развития среди развивающихся стран). На это указывают показатели динамики, которые хуже уровней показателей. В стране сокращается занятость населения, последняя во многих случаях неэффективна и создает невысокий уровень ВВП на душу населения, обуславливающий медленное улучшение уровня жизни населения и слабое изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении и предстоящей здоровой жизни. Динамика рассмотренных индикаторов не подтверждает инклюзивности роста и развития в Беларуси, важнейшим признаком которой является обеспечение занятости населения и возможности заниматься производительным трудом.

2.3. Инклюзивность

Популярный сегодня термин «инклюзивность» означает способность социально-экономической системы максимально учитывать интересы всех членов общества. В группе индикаторов, характеризующих собственно «инклюзивность» в концепции панельных

показателей ВЭФ, представлены коэффициенты расслоения общества по доходам и по богатству, уровень бедности, медианный доход.

Базовой характеристикой уровня жизни населения являются его располагаемые денежные доходы¹¹⁵. В 2017 г. в сравнении с 2000 г. в сопоставимых ценах они возросли в 3,8 раза, но в сравнении с 2012 г. – лишь на 5,7%, т. е. в последние пять они прирастали в среднем на 1,1% в год. При этом в 2015–2016 гг. наблюдалось сокращение располагаемых денежных доходов населения (рис. 2.4).

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Рис. 2.4. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения в Республике Беларусь

Объем и динамика располагаемых денежных доходов населения во многом определяют размер медианного среднедушевого денежного дохода и его изменение. Медианный доход – это уровень дохода, делящий население на две равные части: половина населения имеет среднедушевой доход, не превышающий медианный, а другая половина – доход не меньше медианного. По расчетам автора медианный доход белорусов, исчисленный на основе распределения

¹¹⁵ Располагаемые денежные доходы населения – часть денежных доходов, которая остается в распоряжении населения для использования на потребление и сбережение после уплаты налогов, сборов и взносов.

среднедушевых располагаемых ресурсов, в 2012 г. составлял 6,5 долл. США, или 16,8 долл. США по ППС в день, а в 2017 г. – 6,0 долл. США, или 19,8 долл. США по ППС, т. е. за пять лет он снизился на 0,5 долл. США в текущих ценах (0,1 долл. в среднегодовом исчислении), но вырос на 3 долл. США по ППС (0,5 долл. США в среднегодовом исчислении). По *уровню медианного дохода* Беларусь могла бы претендовать на отнесение к *1-му квинтилю* рейтинга развивающихся стран ВЭФ вместе с Литвой, Латвией, Польшей, Россией, в то время как Украина находится во 2-м. По *динамике медианного дохода* Литва и Латвия находятся в 1-м квинтиле, Польша – во 2-м, Россия и Украина – в 5-м, а Беларусь могла бы претендовать на попадание в «оранжевый» *4-й квинтиль*, означающий медленное отставание (*slowly receding*). Однако различия в динамике медианного дохода в долларах США с учетом и без учета ППС, а также снижение относительного уровня цен в стране, фиксируемого ППС, оставляют сомнения в корректности этих выводов.

Денежные доходы населения формируются за счет различных источников. Они включают заработную плату, доходы от предпринимательской и иной деятельности, социальные трансферты (пенсии, пособия, стипендии и др.), доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и др.) и прочие доходы. Для подавляющего большинства занятого населения основным источником дохода является заработная плата, для многих других категорий населения – «привязанные» к ней пенсии и пособия. На долю заработной платы и социальных выплат (трансфертов) населению в 2000–2017 гг. приходилось 79–87% денежных доходов населения, непосредственно на оплату труда – 60–65% (табл. 2.10).

Очевидно, что в основе дифференциации доходов населения в первую очередь лежат различия в оплате труда, поскольку пенсионные выплаты тяготеют к уравнительности, а доходы от предпринимательской деятельности и собственности доступны ограниченным группам населения. Несмотря на предпринимаемые меры по улучшению в стране делового климата, наблюдается снижение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности, их доля в денежных доходах населения сократилась с 12,7% в 2010 г. до 8,2% в 2017 г. Сокращение этих доходов – негативная тенденция, поскольку предпринимательство – наиболее активная форма проявления стремлений граждан к повышению своей самостоятельности и материальной независимости от государства и работодателей.

Таблица 2.10

Структура денежных доходов населения в Республике Беларусь, %

Год	Денежные доходы – всего	В том числе				
		оплата труда	доход от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	трансферты населению	доходы от собственности	прочие доходы
2010	100,0	63,1	12,7	20,4	2,5	1,3
2011	100,0	65,4	10,6	20,0	2,5	1,5
2012	100,0	63,9	10,5	20,7	3,8	1,1
2013	100,0	64,1	10,3	21,8	3,8	0,8
2014	100,0	62,5	8,5	21,1	4,4	3,5
2015	100,0	61,7	8,2	22,8	4,4	2,9
2016	100,0	62,0	8,0	24,2	3,3	2,5
2017	100,0	63,0	8,2	23,7	2,6	2,5

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

В мире давно идет дискуссия по вопросам неравенства, актуализированная в последние годы. Выдвигается множество аргументов за и против увеличения неравенства. Отечественные экономисты долго оставались в стороне от нее – в советские времена тема неравенства была «неудобной»¹¹⁶, но сегодня ее игнорировать уже невозможно.

Существование неравенства в обществе неизбежно, оно необходимо для формирования стимулов экономического и социального развития. Но каковы пределы этого неравенства – вопрос спорный. Оптимальную степень дифференциации доходов населения установить непросто¹¹⁷. По различным оценкам, границей социальной стабильности и приемлемой степени расслоения общества является ситуация, когда: 1) разрыв в уровнях доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения не пре-

¹¹⁶ Глуценко, К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства / К. П. Глуценко // Вопросы статистики. – 2016. – № 2. – С. 71–80.

¹¹⁷ Варвус, С. А. В поисках оптимального уровня дифференциации доходов населения России / С. А. Варвус // Мир новой экономики. – 2016. – № 2. – С. 95–102; Шевяков, А. Ю. Социально-экономическое неравенство: состояние и пути преодоления [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии): сайт. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/ajushevjakov-sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-sostojanie-i-puti-preodolenija>. – Дата доступа: 10.10.2018.

вышает 10 раз; 2) беднейшие 40% населения получают не менее 12–13% совокупного дохода; 3) коэффициент Джини не превышает критического значения, равного 0,4¹¹⁸.

«Беларусь во многих отношениях представляет собой своеобразный и уникальный феномен среди европейских стран вообще и европейских постсоциалистических стран в частности. Развитие белорусской экономики и социальной сферы в постсоветский период отличалось от соседних стран и мировых тенденций в очень многих измерениях»¹¹⁹. Государственная политика на рынке труда, направленная на сохранение максимальной занятости, продолжительный период позволяла избежать проблемы абсолютной бедности и высокого неравенства. На протяжении последних двух с лишним десятков лет неравенство доходов в белорусском обществе принципиально не менялось, оставаясь примерно на одинаковом уровне (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Показатели дифференциации доходов населения в Республике Беларусь

Год	Коэффициент Джини	Соотношение доходов	
		20% наиболее и 20% наименее обеспеченного населения	10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения
1995	0,261	3,8	5,5
2000	0,270	4,0	5,8
2005	0,256	3,7	5,4
2010	0,265	3,9	5,6
2011	0,284	4,0	6,0
2012	0,285	4,0	5,9
2013	0,283	4,0	5,9
2014	0,275	4,0	6,0
2015	0,276	4,1	6,1
2016	0,279	4,2	6,3
2017	0,270	4,0	5,9

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

¹¹⁸ Богданов, И. Я. Бедность как образ жизни в современной России: монография / И. Я. Богданов. – М.: Норма, 2015. – С. 182.

¹¹⁹ Алампиев, О. А. Особенности экономической дифференциации и традиционный эгалитаризм: вызовы модернизации для белорусского общества / О. А. Алампиев // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 95.

Стабильным остается соотношение доходов 20% наиболее и 20% наименее обеспеченного населения, которое колебалось в диапазоне от 3,8 в 1995 г. до 4,2 в 2016 г. При этом на 60% наименее обеспеченных страны приходится около 40% располагаемых денежных ресурсов населения, а беднейшие 40% получают более 20% от них. Соотношение величины доходов, приходящихся на долю 10% наиболее состоятельного и 10% наименее обеспеченного населения, являющееся одним из важнейших параметров экономической безопасности страны, также много лет изменяется в не-большом диапазоне (5,4–6,3 раз).

Синтетическим показателем, позволяющим сравнивать страны по степени дифференциации доходов, является индекс концентрации ресурсов, известный как коэффициент Джини. Коэффициент Джини характеризует степень отклонения фактического распределения доходов квинтильных (20%-х) групп населения от равномерного. Теоретически нулевое значение коэффициента Джини указывает на абсолютное равенство в распределении доходов, а при его величине, равной 1,0 (100%), речь идет об абсолютном неравенстве. Практически чем ближе коэффициент Джини к 1,0, тем выше неравномерность распределения доходов в обществе, и наоборот¹²⁰.

Для оценки степени дифференциации доходов в мировой практике используются рекомендации ООН и ОЭСР. ООН рекомендует осуществлять ее на основе следующей градации значений коэффициента Джини: 0,41–0,42 – критический уровень; 0,35–0,37 – пороговый уровень; 0,25–0,26 – оптимальный уровень. ОЭСР в зависимости от значения индекса Джини классифицирует страны по степени неравенства в распределении доходов в следующей последовательности: с очень низкой степенью неравенства – 0,20–0,22; с низкой степенью неравенства – 0,24–0,26; со средней степенью неравенства – 0,29–0,31; с высокой степенью неравенства – 0,33–0,35¹²¹. Всемирный банк в качестве

---

¹²⁰ Громыко, Г. Л. Об использовании коэффициента Джини в экономико-статистических исследованиях / Г. Л. Громыко, И. Н. Матюхина // Вопросы статистики. – 2015. – № 9. – С. 56–65; Громыко, Г. Л. Еще раз о коэффициенте Джини как показателе концентрации / Г. Л. Громыко, И. Н. Матюхина // Вопросы статистики. – 2016. – № 6. – С. 23–27.

¹²¹ Махкамова, Ш. О методологии и практике оценки уровня жизни населения / Ш. Махкамова // Общество и экономика. – 2014. – № 2–3. – С. 228–240.

критического рассматривает значение индекса Джини, равное 0,4¹²².

В Беларуси коэффициент Джини близок к оптимальному, он варьирует в относительно узком диапазоне и в последние пять лет демонстрирует тенденцию к снижению, сократившись с 0,285 в 2012 г. до 0,270 в 2017 г. В метриках ВЭФ по степени *дифференциации доходов населения* Беларусь была бы отнесена к *1-му квинтилю* развивающихся стран, в котором размещены Польша и Украина (Литва и Латвия определены во 2-м, Россия – в 4-м). В части *динамики дифференциации доходов* Латвия и Украина находятся в нейтральном 3-м квинтиле, Литва – в 4-м, Польша и Россия – в худшем 5-м квинтиле. Беларусь со среднегодовым уменьшением дифференциации в 0,3 процентных пункта вполне могла бы присоединиться к *3-му квинтилю* (stable).

Примечательно, что в Беларуси значения коэффициента Джини ниже, чем во многих постсоциалистических странах, фактически соответствуя показателям наиболее благополучных в экономическом и социальном плане стран Европы. Логично было бы заключить, что Беларусь с достаточно развитой социальной сферой и невысокой социально-экономической дифференциацией доходов имеет ряд преимуществ, которые при их верном использовании могут выступать в качестве факторов инклюзивного развития. Однако подобный вывод основывается на допущении об одинаковой природе этой дифференциации, ввиду чего ее эффект в разных странах должен быть схожим.

Невысокий уровень социально-экономического расслоения населения, рассматриваемый в качестве условия успешного экономического и социального развития современного общества, означает, прежде всего, равенство возможностей и шансов для достижения индивидуального жизненного успеха. По-видимому, это действительно так для общества со сравнительно длительным и успешным опытом развития в условиях рыночной экономики. Однако вовсе не обязательно, что это работает также в обществах с меньшим опытом развития в условиях рынка¹²³. Кроме того,

---

¹²² Богданов, И. Я. Бедность как образ жизни в современной России: монография / И. Я. Богданов. – М.: Норма, 2015. – С. 182.

¹²³ Алампиев, О. А. Особенности экономической дифференциации и традиционный эгалитаризм: вызовы модернизации для белорусского общества / О. А. Алампиев // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 96.

коэффициент Джини может быть одинаковым в разных по форме распределениях (когда в стране много бедных либо наоборот – много состоятельных), что объясняет близость позиций по этому индикатору стран с различным уровнем развития. Необходимо брать в расчет и то, что официальная статистика не учитывает теневых доходов, которые в постсоветских государствах выше, чем в странах Западной и Северной Европы, а соответственно реальный коэффициент Джини, возможно, является несколько большим. Более того, само по себе сравнение коэффициента Джини по странам довольно условно, поскольку размер страны также влияет на уровень неравенства: чем больше территория, население и ВВП, тем больше неравенство¹²⁴.

Чрезвычайно важным является то, что дифференциация доходов населения отражает социальные различия по категориям населения, которые неизбежны и зависят от роли каждой категории в системе общественного производстве и образа жизни. Она формирует *экономическую стратификацию* общества, *стимулы трудовой и предпринимательской деятельности*. Последние могут быть недостаточными при незначительной разнице в доходах или, наоборот, отсутствовать при значительной их дифференциации, когда человеку очевидно, что несмотря на любые усилия, он не может получить столь высоких доходов, как иные индивиды, при том же объеме усилий.

Социологические исследования свидетельствуют, что в Республике Беларусь «нижний слой со среднедушевым доходом до бюджета прожиточного минимума (5%) обладает низким деятельным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. Средний слой с доходом от 1 до 2 БПМ (30%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статусов. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой выше среднего с доходом от 2 до 4 БПМ (51%) сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего

---

¹²⁴ Богомолов, Е. В. Дифференциация доходов как причина революции / Е. В. Богомолов // Вопросы экономических наук. – 2018. – № 2. – С. 10.

звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, поиск путей выживания... В рамках данной стратификации верхним слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий контингент (14%), обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, входящие в него, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы модернизации общества»¹²⁵.

Таким образом, треть населения Беларуси, находясь в режиме простого воспроизводства человеческих ресурсов, обладает традиционным (консервативным) мышлением и вынужденным типом экономического поведения. Базовым слоем, формирующим социальную платформу общества, выступает слой со среднедушевым доходом в диапазоне от 2 до 4 БПМ. Он выполняет «функцию стабилизации общества: в плане материальных ресурсов – по “уровню равенства в бедности”, а в аспекте нематериальных ресурсов – на основе сохранения традиционных ценностей в экономической и социальной сферах»¹²⁶. Абсолютное большинство населения неактивно и ориентировано лишь на приспособление к меняющимся условиям для того, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход¹²⁷. «Динамика в направлении уменьшения нижнего слоя, некоторого уменьшения среднего и увеличения слоя выше среднего не меняет принципиальной ситуации: доля населения, не имеющего прямого влияния на ход модернизационных процессов, достигала в 2014 г. в Беларуси 86%»¹²⁸.

---

¹²⁵ Соколова, Г. Н. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз / Г. Н. Соколова // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 39.

¹²⁶ Соколова, Г. Н. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз / Г. Н. Соколова // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 37.

¹²⁷ Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. – Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2015. – С. 85–87.

¹²⁸ Соколова, Г. Н. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз / Г. Н. Соколова // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 39.

В рассуждениях о дифференциации доходов чрезвычайно необходимо учитывать уровень минимальных доходов населения: бедность в Беларуси и Швейцарии различна. Уровень доходов наименее обеспеченных граждан не менее важен, чем величина разрыва в доходах. Именно он определяет социальное здоровье нации: «дети, выросшие в бедности, лишаются двух лет образования и в итоге работают на 450 часов в год меньше, а общий риск заболеть у них втрое выше, чем у тех, кто вырос в обеспеченной семье»¹²⁹.

Бедность – это особая культура, особый образ жизни, сформированный и передающийся из поколения в поколение в виде определенных норм поведения, стереотипов восприятия и психологии личности. «Культура бедности – культура выживания и пассивности; горизонт жизни – сегодняшний день. Бедный человек не способен вписываться в современную экономику и в современные интернациональные формы сотрудничества, у него ограниченные ресурсы для обучения, он заиклен на удовлетворении потребностей первой очереди. Бедность тормозит все – развитие предпринимательства, инноваций и социальной сферы, а также политическую жизнь. Общество маргинализируется и не воспринимает ценности, присущие ... развитым странам Европы»¹³⁰.

Как социально-экономическое явление бедность в той или иной мере характерна для любого общества, ее сокращение давно стало критерием эффективности социально-экономической политики любого государства. Бедность существуют во всех странах мира, вопрос лишь в ее масштабах, в степени пораженности общества этим недугом, а также в системе координат для ее оценки и критериев отнесения людей и семей (домохозяйств) к категории пребывающих в бедности.

Будучи многогранным явлением, бедность имеет множество определений, каждому из которых соответствуют свои измерители. В наименее развитых странах бедность рассматривается, прежде всего, как нехватка или отсутствие жизненно важных ресурсов (пищи, чистой питьевой воды, жилья, одежды), обеспечивающих физиологическое выживание, а нематериальные характеристики бедности при всей своей важности пока остаются на втором плане.

---

¹²⁹ Брегман, Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир / Р. Брегман. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – С. 72.

¹³⁰ Онищенко, В. Ф. Социальные предпосылки экономического развития Украины / В. Ф. Онищенко // Экономика Украины. – 2017. – № 9 (662). – С. 20.

В богатых странах бедность во многом имеет условный характер и речь идет скорее о неравенстве в распределении доходов, серьезных отклонениях от преобладающих в стране жизненных стандартов, ограничениях в выборе жизненных возможностей. Между этими крайними вариантами расположен широкий спектр всевозможных комбинаций подходов к пониманию и оценке бедности.

В международных оценках бедности доминирует позиция Всемирного банка, базирующаяся на использовании нескольких критериев дохода. Всемирный банк оценивает бедность в мире на основе стандартов наименее развитых государств¹³¹. При этом по отношению к разным группам стран рассматриваются различные критерии выделения беднейших слоев населения («линии бедности»): для стран переходного типа порогом бедности считается доход в 4 долл. США по ППС, а для развитых экономик – 11 долл. США по ППС¹³².

Социальная политика белорусского государства долгое время была направлена преимущественно на защиту тех, кто не в состоянии работать, а социально ориентированная экономика реально обеспечивала процесс улучшения материального положения малообеспеченных слоев населения, происходило это как за счет повышения доходов населения, так и за счет их перераспределения. Статистика свидетельствует о том, что по меркам Всемирного банка в 2012 г. в Беларуси в разряд бедных попадало 0,1% населения, а в 2017 г. отсутствовало население, живущее менее чем на 4 долл. в день, т. е. бедность в стране побеждена (табл. 2.12).

Таблица 2.12

Доля населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже 4 долл. США (по ППС) в день в Республике Беларусь

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
0,0	0,4	0,3	0,1	0,0	0,1	–	0,0

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

¹³¹ Алиев, Т. Бедность в Казахстане / Т. Алиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 12. – С. 106.

¹³² Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества // Статистика СНГ: стат. бюл. – 2015. – № 1 (544). – С. 122–123.

У Всемирного экономического форума другие подходы к оценке бедности: для стран с развитой экономикой используется концепция относительной бедности, о которой пойдет речь ниже, для стран с развивающейся экономикой она характеризуется долей населения, живущего менее чем на 3,2 долл. США в день по международным ценам 2011 г. В таком случае по расчетам, выполненным с небольшой погрешностью в текущих долларах США, в 2012 г. в Беларуси в разряд бедных попадало 6,1% населения, а в 2017 г. доля населения, живущего менее чем на 3,2 долл. в день, составляла уже около 6,5%. В этой оценке по *уровню бедности* Беларусь вошла бы во *2-й квинтиль* рейтинга ВЭФ для развивающихся стран, где находится и Литва, а все другие сопредельные страны отнесены к 1-му квинтилю. Полагаем, что по *динамике уровня бедности* Беларусь, допустившую ее расширение, следовало бы отнести в «красный» *5-й квинтиль*, означающие отставание (*receding*). В этом же квинтиле находятся Польша, Россия и Украина. В Латвии и Литве ситуация чуть лучше – они размещены ВЭФ в 3-й и 4-й квинтили соответственно.

Между тем статистика бедности по странам мира основана на национальных оценках ее уровня. В Беларуси, как и в большинстве стран СНГ, для определения числа лиц, нуждающихся в социальной поддержке, традиционно применяется концепция абсолютной бедности. Абсолютная бедность означает существование на уровне ниже социального минимума, т. е. в условиях острого дефицита средств, необходимых для физического выживания человека. В практическом плане в русле концепции абсолютной бедности к малообеспеченному населению относятся лица со среднедушевыми доходами ниже установленной границы (черты бедности). Ее уровень фактически определяет остроту проблемы и настоятельность ее решения. В качестве черты бедности зачастую рассматривается прожиточный минимум, рассчитываемый на основе соответствующей потребительской корзины с учетом реального потребления товаров и услуг.

Концепция абсолютной бедности применяется для оценки уровня бедности в слаборазвитых и экономически отсталых странах. Вместе с тем она нашла достаточно широкое применение в переходных и даже в некоторых развитых странах, например в США, где граница бедности соответствует трем минимальным потребительским корзинам¹³³.

---

¹³³ Алиев, Т. Бедность в Казахстане / Т. Алиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 12. – С. 105.

В СССР в дореформенный период, а затем и в Беларуси до 1992 г. критерием определения малообеспеченности семей служил минимальный потребительский бюджет (МПБ), получивший название социального или восстановительного. Он обеспечивал не только физическое (биологическое), но и социальное воспроизводство человека¹³⁴, позволяя осуществить расширенное воспроизводство простой рабочей силы¹³⁵. Социально-экономический кризис, разразившийся в начале 1990-х гг., заставил правительство Беларуси принять иной стандарт потребления, поскольку реальные денежные душевые доходы населения резко снизились (в 1995 г. почти вдвое по сравнению с 1990 г.), и за чертой бедности оказалось большинство населения страны. В 1992 г. для оценки уровня малообеспеченности населения и выработки адекватных мер социальной политики в качестве минимального стандарта потребления был введен бюджет прожиточного минимума (БПМ), определяемый расчетным путем – в размере 60% от МПБ. Предполагалось, что БПМ соответствует стоимости минимального набора материальных благ и услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человека и сохранения его здоровья. БПМ очерчивал границу, определяющую возможность биологического выживания и физического воспроизводства человека, почему и получил название «физиологического».

Оценка абсолютной бедности осуществляется в Беларуси с 1995 г. Законом «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» от 6 января 1999 г. была утверждена новая методика исчисления бюджета прожиточного минимума. Он стал рассчитываться исходя из корзины продовольственных и непродовольственных товаров, услуг в среднем на душу населения, а также по основным социально-демографическим группам населения (для населения в трудоспособном возрасте, пенсионеров, детей различных возрастов) и использоваться государством как социальный норматив в целях анализа и прогнозирования уровня жизни населения, оказания социальной помощи малообеспеченным гражданам (семьям), обоснования минимальных социально-трудовых гарантий (минимальной

---

¹³⁴ Богданов, И. Я. Бедность как образ жизни в современной России: монография / И. Я. Богданов. – М.: Норма, 2015. – С. 73.

¹³⁵ Римашевская, Н. М. Реформирование социальной политики в России / Н. М. Римашевская // Белорусский экономический журнал. – 2003. – № 1. – С. 107.

заработной платы, минимального размера пенсий, норматива индексации доходов населения). БПМ до сих пор выступает границей для отнесения к категории малообеспеченных граждан.

Статистическое изучение уровня жизни населения в Беларуси базируется на материалах выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, которое позволяет анализировать процессы распределения и социальной дифференциации населения по уровню материального достатка, а также получать информацию об условиях жизни различных групп населения. Распределение населения по уровню благосостояния проводится в Беларуси с использованием показателя «располагаемые ресурсы»¹³⁶. В то же время Всемирный банк для измерения бедности использует показатели не доходов, а потребления, а большинство стран СНГ опирается на показатели, характеризующие расходы или потребление населения.

В 2017 г. располагаемые ресурсы 5,9% населения Беларуси не достигали величины бюджета прожиточного минимума, что на фоне 41,9% малообеспеченного населения в 2000 г. выглядит достаточно оптимистично. Положительная динамика сокращения бедности до 2014 г. была обусловлена не только экономическим ростом, но и реализацией социальных программ, направленных на повышение уровня жизни населения, снижение неравенства, усиление социальной защиты населения. Вместе с тем согласно официальной статистике в последние три года уровень малообеспеченности демонстрирует негативную динамику, заслуживающую по меркам ВЭФ отнесения в «красный» 5-й *квинтиль* (табл. 2.13). Очевидно, что национальные оценки уровня бедности мало отличаются от оценок ВЭФ.

Примечательно, что в Беларуси доля малообеспеченных среди лиц трудоспособного возраста выше, чем среди лиц пенсионного возраста, т. е. в стране помимо традиционной социальной бедности, затрагивающей многодетные и неполные семьи, пенсионеров, инвалидов и другие уязвимые категории граждан, существует

---

¹³⁶ Располагаемые ресурсы – денежные средства домашних хозяйств, стоимость потребленных продуктов питания, произведенных в личном подсобном хозяйстве, за минусом материальных затрат на их производство, и стоимость полученных в натуральной форме льгот и выплат [Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – С. 67].

экономическая бедность, когда трудоспособные граждане получают за свой труд столь низкий заработок, что не могут обеспечить себе и своим семьям социально приемлемый уровень жизни. В Беларуси (как впрочем и в других странах СНГ) сформировалась уникальная категория «новых бедных» из числа неэффективно занятого населения.

Таблица 2.13

Доля населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже БПМ в Республике Беларусь (в процентах от численности населения соответствующей группы)

Год	Население, всего	Молодежь от 16 до 30 лет	Женщины от 31 до 54 лет	Мужчины от 31 до 59 лет	Женщины старше 55 лет	Мужчины старше 60 лет
2000	41,9	44,6	36,9	39,2	34,6	33,9
2005	12,7	14,4	11,2	11,1	7,0	6,3
2010	5,2	5,6	4,8	4,5	1,8	1,1
2011	7,3	7,4	6,5	6,9	4,1	2,9
2012	6,3	7,3	5,8	5,4	2,9	2,8
2013	5,5	6,3	5,2	5,0	2,4	2,1
2014	4,8	5,9	4,7	4,2	1,9	1,2
2015	5,1	6,0	5,1	4,7	1,8	1,1
2016	5,7	7,0	5,7	5,3	1,8	1,6
2017	5,9	–	–	–	–	–

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 117.

Кроме того, выход значительной доли населения за официальную черту бедности еще не означает его автоматического перехода в средний класс. Они остаются в слое малообеспеченных людей – тех, чей доход составляет не более двух прожиточных минимумов и кто вновь скатывается в бедность при любом изменении своего экономического положения – будь то рождение ребенка в семье или всплеск инфляции в стране. Чтобы определить группу риска, обычно используют пороговое значение, равное двум размерам бюджета прожиточного минимума¹³⁷. В 2017 г. 52% населения имели уровень среднедушевых располагаемых ресурсов, не превышающий двух, а 82% – трех бюджетов прожиточного минимума, что указывает на невысокие доходы населения.

¹³⁷ Алиев, Т. Бедность в Казахстане / Т. Алиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59, № 12. – С. 111.

Бедность представляет собой динамическую концепцию, которая изменяется с течением времени и от общества к обществу. Многообразие толкований бедности ведет к разным подходам ее оценки. В развитых странах мира для оценки уровня малообеспеченности используется концепция относительной бедности. Относительная бедность является сравнительной категорией. Она определяется как разрыв между социальными стандартами и материальной способностью придерживаться их. Соответственно бедными являются граждане, уровень жизни которых существенно отклоняется от сложившихся в данной стране стандартов, если средства, которыми они располагают, не позволяют им вести образ жизни, принятый в обществе, в котором они живут. Некоторые семьи вполне способны выжить физически, но страдают в моральном плане, поэтому ключевым критерием отнесения к бедному населению является недостаточный относительно среднего достигнутого в данном обществе уровень потребления (дохода), выводящий его за рамки сложившегося в обществе образа жизни. Однако и здесь существуют разные подходы. По методике ОЭСР бедными считаются граждане с доходами менее 60% медианного дохода по стране, Европейское статистическое агентство за точку отсчета берет долю населения с доходами менее 50% среднедушевого дохода по стране¹³⁸.

В статистике Республики Беларусь наряду с абсолютной дополнительно отражается и относительная бедность, которая характеризуется удельным весом домашних хозяйств с уровнем среднедушевых располагаемых доходов ниже 60% от медианы среднедушевых располагаемых ресурсов в среднем по республике с учетом шкалы эквивалентности (совокупность весовых коэффициентов для пересчета общего числа членов домохозяйства в число эквивалентных потребителей с учетом совместного проживания). Уровень относительной малообеспеченности в Беларуси в 2010–2016 гг. составлял 12–14% (табл. 2.14). Использование показателя относительной бедности для целей выявления численности малообеспеченных в отечественной практике привело бы к расширению контингента граждан, нуждающихся в государственной социальной помощи, и потребовало бы существенных дополнительных средств. Вместе с тем понимание масштабов относительной бедности необходимо при выработке социальной политики.

---

¹³⁸ Богданов, И. Я. Бедность как образ жизни в современной России: монография / И. Я. Богданов. – М.: Норма, 2015. – С. 180.

Таблица 2.14

Относительная и субъективная малообеспеченность населения в Республике Беларусь (в процентах к общей численности населения)

Год	Уровень малообеспеченности		
	абсолютной	относительной	субъективной
2010	5,2	11,7	16,6
2011	7,3	13,6	20,3
2012	6,3	14,2	14,3
2013	5,5	13,6	13,8
2014	4,8	11,9	15,6
2015	5,1	12,2	14,5
2016	5,7	11,5	15,7

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – С. 95–96.

С концепцией относительной бедности согласуется депривационный подход, в соответствии с которым человек или семья считаются бедными, если они испытывают определенные лишения (депривации). При данном подходе бедность определяется не только недостаточным доходом или низким потреблением товаров и услуг первой необходимости, но и некачественным питанием, недоступностью услуг образования и здравоохранения, отсутствием нормальных жилищных условий и т. д. Такой подход применяется преимущественно развитыми странами. В целях совершенствования оценки бедности депривационный подход используется и в Беларуси. Наибольшие материальные депривации у населения страны, как правило, связаны с приобретением верхней одежды в холодное время года, оплатой посещения ребенком кружков или секций, организованных школой или детским садом культурных мероприятий.¹³⁹

Категоризация бедности может осуществляться как с объективной, так и с субъективной позиций. Объективный подход – его отражают концепции абсолютной и относительной бедности – означает, что разделение индивидуумов на бедных и небедных осуществляется на базе формальных критериев, т. е. нормативов благосостояния, которые легко поддаются измерению. В мировой науке

¹³⁹ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – С. 95–96.

широко используется концепция субъективной бедности, разработанная в Лейденском университете (Нидерланды). Субъективный подход базируется на оценках собственного положения людьми по личным социально-психологическим ощущениям, которые руководствуются выбранными ими стандартами, не связанными с каким-либо абсолютным стандартом или средним показателем по стране. Этот подход малоэффективен в случае, когда необходимо выявить число нуждающихся, но может быть полезным, если стоит задача определить степень социальной удовлетворенности населения. Уровень, профиль и структура субъективной бедности являются важными индикаторами для понимания отдельных аспектов бедности, без учета которых государственная политика и социальные программы будут недостаточно эффективными.

В Беларуси субъективная бедность оценивается по результатам выборочного обследования домашних хозяйств и характеризуется удельным весом домохозяйств, указавших на неудовлетворительный уровень своих денежных доходов. В 2010–2017 гг. ее уровень колебался в диапазоне от 14 до 20% (см. табл. 2.14). Следует отметить близость оценок относительной и субъективной бедности в более стабильные периоды функционирования белорусской экономики (к примеру, в 2012–2013 гг.), тогда как в кризисные периоды они существенно различаются. В целом же разница в оценках бедности на основе различных индикаторов достигает двух-трехкратной величины, а то обстоятельство, что бедность при ее измерении по европейским стандартам касается почти 12% населения страны, свидетельствует об остроте этой проблемы: бедность в Беларуси – это проблема более миллиона человек. Согласно рекомендациям ООН критически допустимый уровень малообеспеченности для поддержания стабильной социальной ситуации не должен превышать 10%¹⁴⁰.

Учитывая существование различий в оценках уровня бедности разными способами, стоит обратиться к более объективному показателю уровня доходов населения, каковым является удельный вес расходов на питание в структуре потребления домашних хозяйств. Это признанный социальный индикатор материального благополучия

---

¹⁴⁰ Морова, А. П. Генезис и законодательное обеспечение социальной политики в Республике Беларусь / А. П. Морова // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 156.

населения, он определяет структуру остальной части семейного бюджета и возможные расходы по тем статьям, которые типичны для более высокого уровня жизни.

В середине 1980-х гг. на питание приходилась треть расходов белорусов, в 2000 г. их доля составляла 60% в потребительских расходах домашних хозяйств. С тех пор в Беларуси расходы на питание значительно сократилась – почти на треть, однако за последние пять лет они снизились лишь на 2,3 процентных пункта. Неумолимая статистика указывает на значительную долю расходов на питание в потребительском бюджете населения – более 40% в сравнении с 30% в России, 25% в Польше, 20% в Чехии, 12% в Норвегии. При этом доля этих расходов выше в сельских домохозяйствах, чем городских, несмотря на возможное поступление продуктов из подсобного хозяйства (табл. 2.15).

Таблица 2.15

**Доля расходов населения на питание в Республике Беларусь
(в процентах к потребительским расходам домашних хозяйств)**

Год	Всего по республике	Города и поселки городского типа	Сельские населенные пункты
2000	59,6	–	–
2005	44,6	–	–
2010	39,0	38,6	40,5
2011	41,3	–	–
2012	43,0	42,8	43,7
2013	39,9	39,6	41,0
2014	41,6	41,4	42,4
2015	41,9	41,7	42,9
2016	41,5	41,2	43,0
2017	40,7	–	–

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 123.

По мировым меркам если затраты населения на питание не превышают 30% потребительских расходов, возможным считается расширенное воспроизводство человеческих ресурсов, при доле затрат от 30 до 70% речь идет лишь о простом воспроизводстве, если доля затрат свыше 70% – имеет место деградация населения. При этом если домохозяйства тратят на продукты питания более 1/3 своих расходов, их относят к малообеспеченным, если же на питание расходуется более половины потребительского бюджета,

то это уже свидетельствует о крайней нищете¹⁴¹. В 2015 г. доля домашних хозяйств Беларуси, направляющих на питание до 30% своих потребительских расходов, составляла 19,1%, от 30 до 50% – 47,2%, свыше 50% – 33,7%, свыше 70% – 3,9%¹⁴².

В этом контексте уместно взглянуть на объем, качество и калорийность потребленных продуктов питания. В рамках выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни выявлено, что энергетическая ценность рациона питания населения в Беларуси сохраняется ниже порогового значения в 3000 ккал, требуемого для поддержания нормальной жизнедеятельности человека (табл. 2.16).

Таблица 2.16

**Калорийность потребленных в домашних хозяйствах
продуктов питания в Республике Беларусь
(в среднем на члена домашнего хозяйства в сутки, ккал)**

2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
2713	2429	2506	2564	2567	2650	2642	2623	2586

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.] – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 123.

При этом рацион питания населения остается несбалансированным по качественным параметрам, в нем сформировался дефицит потребления по ряду жизнеобеспечивающих продуктов, в частности молока и молокопродуктов, мяса и мясопродуктов, овощей и бахчевых и др.¹⁴³ «Качественная структура рациона питания улучшается незначительно и сдерживающим фактором является покупательная способность реальных денежных доходов населения, которая не позволяет увеличить потребление продуктов с высокой стоимостью»¹⁴⁴.

¹⁴¹ Ибрагимова, З. С. Бедность: вопросы методологии, анализа, оценки / З. С. Ибрагимова. – Уфа: УГАЭС, 2011. – С. 62.

¹⁴² О питании населения в странах Содружества // Статистика СНГ: стат. бюл. – 2015. – № 4 (547). – С. 186.

¹⁴³ Глава НАН: белорусы пьют мало молока [Электронный ресурс] // Belnovosti.by: сайт. – Режим доступа: <http://www.belnovosti.by/society/54004-glava-nan-belorusy-pyut-malo-moloka.html/>. – Дата доступа: 10.10.2018; Кондратенко, С. А. Оценка качества жизни и питания населения Республики Беларусь / С. А. Кондратенко, О. В. Стениц // Проблемы управления: сб. науч. тр. – 2015. – № 1. – С. 144–145.

¹⁴⁴ Продовольственная безопасность Республики Беларусь. Мониторинг – 2014: в контексте сбалансированности развития продуктовых рынков / В. Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2015. – С. 58.

**ПРОДУКТОВАЯ КОРЗИНА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН
(Россия, 1846 г.)**

В российском «Журнале общепользных сведений» в 1846 г. вышла статья «Как содержать дворню», в котором автор сетовал на то, что порой некоторые хозяева крепостных крестьян не могут рассчитать норму потребления продуктов своих подопечных.

Чтобы облегчить им планирование расходов, он привел приблизительную «продуктовую корзину», которая требуется для пропитания одного крепостного в доме: муки ржаной – 1 пуд (16,4 кг – Т. Д.) в месяц, круп – 1,5 пуда в месяц, картофеля – 8 пудов в год, гороха – 1 пуд в год, редьки – 1,5 пуда в год, свеклы – 1,5 пуда в год, лука – 1 пуд в год, капусты – 38–45 кочанов в год – или 6 ведер квашеной, молока и творога – 6 ведер в год, мяса по одной четверти фунта (примерно 410 г – Т. Д.) в каждый скоромный день – или 48 фунтов в год, масла коровьего – 6 пудов в год, масла постного – 6 пудов в год.

Источник: Продуктовая корзина: от крепостного права до наших дней // Знак вопроса. – 2015. – № 4. – С. 14–15.

Согласно «Докладу о состоянии питания в мире 2015», подготовленному специалистами Всемирного банка, большинству стран СНГ приходится бороться с рядом проблем, обусловленных различными формами несбалансированного питания. В Беларуси отмечается интенсивный рост доли взрослого населения с избыточным весом¹⁴⁵. В этой связи один из перспективных национальных проектов Республики Беларусь на 2015–2030 гг. – «Здоровье нации в здоровом питании» – предполагает необходимость создания у людей желания заботиться о своем здоровье. Задача государства – обеспечить физическую и экономическую возможность достижения цели.

Эффективное преодоление бедности невозможно без понимания факторов, под воздействием которых она формируется. Статистика показывает, что в Республике Беларусь главной причиной бедности является неэффективная занятость, в том числе на убыточных предприятиях¹⁴⁶, поскольку объем социальных трансфертов в макроэкономическом измерении есть функция заработной платы.

---

¹⁴⁵ Экономические последствия несбалансированного питания в странах Центральной Азии: пресс-релиз, 11 февраля 2016 [Электронный ресурс] // World Bank: сайт. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2016/02/11/global-nutrition-report-2015#gng>. – Дата доступа: 16.02.2016.

¹⁴⁶ Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества // Статистика СНГ: стат. бюл. – 2015. – № 1 (544). – С. 122–123.

Подытоживая рассмотрение индикаторов блока «инклюзивность», дополним ими табл. 2.9, отражающую индикаторы блока «рост и развитие», снизив при этом вызывавшие сомнения оценки по индикатору «медианный доход», исходя из масштабов и тенденций бедности (табл. 2.17).

Таблица 2.17

**Индикаторы блоков «рост и развитие» и «инклюзивность»
в Республики Беларусь**

Индикатор	Номер квинтиля, к которому относится индикатор: от 1 (лучший) до 5 (худший)	
	Уровень индикатора	Динамика индикатора
<i>Рост и развитие</i>		
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	2	3 (stable)
ВВП на душу населения	2	4 (slowly receding)
Производительность труда	2	4 (slowly receding)
Занятость населения	5	5 (receding)
<i>Инклюзивность</i>		
Дифференциация доходов населения	1	3 (stable)
Медианный доход	2	4 (slowly receding)
Бедность	2	5 (receding)

Источник: составлено автором на основе экспертной оценки.

При невысокой и стабильной дифференциации доходов их уровень невысок (большая доля расходов на питание), а динамика роста недостаточна. Структура денежных доходов указывает на то, что их уровень и дифференциация в основном определяются заработной платой наемных работников, многие из которых неэффективно заняты, в том числе на убыточных предприятиях. Абсолютная бедность среди населения на фоне других развивающихся стран невелика, но она растет и приближается к 6%, при этом по субъективным оценкам каждое шестое домохозяйство относит себя к бедным, а экономическая стратификация такова, что большинство населения, несмотря на социальный статус, неактивно и ориентировано лишь на приспособление к меняющимся условиям, что не позволяет сделать выводы о включенности членов общества в экономику и наличии стимулов для обеспечения инклюзивного роста. Расширение бедности не только препятствует

развитию экономики, но и наносит ущерб инвестиционной привлекательности страны.

Соединяя выводы по двум блокам индикаторов, можно резюмировать: отсутствие положительной динамики индикаторов по блоку «рост и развитие» ставит под сомнение имеющиеся достижения в части «инклюзивности» даже в краткосрочной перспективе и указывает на возможность ухудшения относительных позиций Беларуси в группе развивающихся стран.

2.4. Межпоколенческий капитал и устойчивость развития

«Жизнь, судьба и деятельность каждого поколения определены жизнью, судьбой и деятельностью предыдущих поколений. Каждое последующее поколение связано неразрывной цепью с предыдущим»¹⁴⁷. В этом контексте интерес представляет третья группа индикаторов, демонстрирующих в концепции ВЭФ «*межпоколенческий капитал и устойчивость развития*» (устойчивое управление природными и финансовыми ресурсами). Она содержит показатели скорректированных чистых сбережений (с учетом вложений в человеческий капитал и истощения ресурсов) в процентах от валового национального дохода, парниковой интенсивности ВВП (выбросы CO₂ на 1 долл. ВВП), государственного долга в процентах от ВВП, коэффициент демографической нагрузки. Из числа указанных показателей только два последних отражаются в отечественной статистике, в отношении остальных прибегнем к косвенным оценкам.

В отсутствие показателя скорректированных чистых сбережений обратимся к валовому сбережению, которое представляет собой ту часть валового располагаемого дохода страны, которая не была израсходована на конечное потребление товаров и услуг.

В последние годы наблюдалась тенденция снижения уровня валового сбережения в экономике Беларуси. В 2017 г. по сравнению с 2012 г. доля валового сбережения в ВВП сократилась с 31,2 до 28,7%, т. е. на 1,5 процентных пункта, а его объем

---

¹⁴⁷ Сорокин, П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – С. 175.

в сопоставимых ценах – на 9,2%, что эквивалентно ежегодному сокращению в среднем на 1,9% (табл. 2.18).

Таблица 2.18

Динамика валового сбережения и валового накопления основного капитала в Республике Беларусь

Год	Валовое сбережение		Валовое накопление основного капитала		Чистое кредитование (+), заимствование (-), % от валового накопления основного капитала
	% к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	% от ВВП	% к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	% от ВВП	
2009	–	26,0	–	35,5	–29,8
2010	111,5	26,8	118,0	38,8	–34,9
2011	125,6	31,9	102,4	37,7	–14,0
2012	99,5	31,2	90,2	33,4	–11,5
2013	92,0	28,5	112,4	28,5	–27,8
2014	98,3	27,5	90,9	27,5	–22,1
2015	99,7	28,5	83,0	28,5	–1,8
2016	90,3	26,4	86,6	25,4	–0,3
2017	111,5	28,7	100,8	25,0	+9,8

Рассчитано по источнику: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 215–218.

Валовое сбережение выступает основным источником финансирования операций с капиталом. Его динамика в значительной мере определяет изменение объема валового накопления основного капитала (инвестирования резидентами средств в объекты основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве). Статистика показывает, что на фоне снижения сберегаемого дохода инвестиционная активность (валовое накопление) сокращалась еще в большей степени. За последние пять лет доля валового накопления в ВВП сократилась с 33,4 до 25,0%, т. е. на 8,4 процентных пункта, а его объем в сопоставимых ценах – на 36% (в среднем на 5,9% ежегодно), формируя предпосылки для истощения основного капитала.

Несложно предположить, что динамика скорректированных чистых сбережений (с учетом вложений в человеческий капитал и истощения ресурсов) в значительной мере будет определяться динамикой валового сбережения. Отталкиваясь от предыдущих выводов, принимая во внимание статистические данные по валовому

накоплению основного капитала по России¹⁴⁸, Украине и их позиции по показателю *скорректированных чистых сбережений* и его динамике в рейтинге инклюзивного развития, автор считает, что в метриках ВЭФ Беларусь по уровню этого индикатора могла бы быть определена в *3-й квинтиль*, а по его *динамике* – в «оранжевый» *4-й квинтиль*, означающий медленное отставание (*slowly receding*).

Сокращение объемов валового накопления основного капитала в Республике Беларусь было обусловлено как сокращением валового сбережения, так и уменьшением объема заимствуемых ресурсов. Так, если в 2012 г. объем чистого заимствования составлял почти 28% от объема валового накопления основного капитала, то в 2016 г. – лишь 0,3%. При этом во взаимоотношениях с остальным миром отечественная экономика не только сохранила, но и упрочила статус дебитора.

«Практически все страны мира привлекают внешние источники финансирования в силу множества причин, связанных с недостатком собственных финансовых ресурсов для осуществления инвестиций, покрытия дефицита госбюджета, поддержания стабильного курса национальной валюты и выполнения долговых обязательств по внешним заимствованиям. Рациональное использование иностранных займов, кредитов и помощи способствует ускорению экономического развития, решению социально-экономических проблем»¹⁴⁹.

Внешний долг оказывает двойственное влияние на развитие страны: он стимулирует экономический рост за счет дополнительных инвестиций в модернизацию производства и проведение структурных реформ, но может и сдерживать его, если объем заимствований оказался чрезмерным.

Государственный долг – это результат финансовых заимствований государства, осуществляемых для покрытия дефицита бюджета, и он не может бесконечно расти, поскольку при достижении

---

¹⁴⁸ О чем говорит ВВП: хроника структурных изменений. Выпуск 3. Март 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Центра развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/data/2018/03/06/1165653617>. – Дата доступа: 10.10.2018.

¹⁴⁹ Костромичева, Э. В. Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Беларусь / Э. В. Костромичева // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 26.

определенного критического уровня инвесторы и кредиторы начинают сомневаться в платежеспособности заемщика. Для страны с высокой государственной задолженностью существует опасность попадания в замкнутый круг: с одной стороны – растущие проценты по ее погашению, с другой – сужающийся доступ к финансовому рынку, особенно если заимствования направляются не на инвестиции, а на покрытие убытков в национальной экономике и растрачиваются на поддержание уровня потребления, который страна в действительности позволить себе не может.

Стимулируя всеми силами рост ВВП, белорусское государство допустило разного рода дисбалансы, прежде всего отрицательный внешнеторговый баланс. «В целях обеспечения устойчивого развития экономики, поддержания внутреннего спроса, стабилизации валютного рынка, наращивания золотовалютных резервов, выполнения долговых обязательств страны в период с 2009 по 2017 г. были осуществлены значительные внешние заимствования, в частности займы стабилизационного фонда МВФ, АКФ и ЕврАзЭС, ЕФСР, выпуски еврооблигаций, размещение государственных облигаций на российском рынке, двусторонние займы у России, Китая, Всемирного банка»¹⁵⁰ (табл. 2.19).

В результате финансовых заимствований государственный долг с начала 2013 г. до начала 2018 г. по данным отечественной статистики возрос с 24,8% от ВВП до 39,3% (табл. 2.20), вплотную приблизившись к критической черте по общей сумме долга (40–42%)¹⁵¹ и превысив 25%-е пороговое значение экономической безопасности по внешнему долгу. По меркам ВЭФ Беларусь с такими показателями *государственного долга* теоретически могла бы попасть во 2-й *квинтиль* рейтинга развивающихся стран, где Россия находится в 1-м квинтиле, Латвия – во 2-м, Литва – в 3-м, Польша – в 4-м, Украина – в 5-м. По *динамике государственного долга* Литва, Латвия, Польша входят в 1-й квинтиль, Россия – во 2-й квинтиль, Украина – в 5-й, Беларусь могла бы находиться в «желтом» 3-м *квинтиле*.

---

¹⁵⁰ Костромичева, Э. В. Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Беларусь / Э. В. Костромичева // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 27.

¹⁵¹ Костромичева, Э. В. Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Беларусь / Э. В. Костромичева // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 29.

Таблица 2.19

Кредитная история Республики Беларусь за 2009–2017 гг.

Страна (организация) – кредитор	Тип кредита и направления его использования	Дата зачисления средств	Сумма кредита, млн. долл. США	Условия кредитования
Международный валютный фонд	Кредит stand-by в целях повышения устойчивости в период глобального кризиса и осуществления экономических реформ (5 траншей)	Январь 2009 г.	780	До 2 лет, по ставке LIBOR + 0,75%
		Июль 2009 г.	680	
		Октябрь 2009 г.	700	
		Декабрь 2009 г.	690	
		Март 2010 г.	670	
Всемирный банк	Займ на цели развития (устранение социальных условий кризиса, структурные реформы)	Декабрь 2009 г.	200	На 16 лет, 6 лет – льготный период, ставка ниже рыночной
Иностранные инвесторы	Еврооблигации Республики Беларусь (Люксембургская биржа)	Июль 2010 г.	600	На 5 лет, погашение в 2015 г., ставка 8,75%
		Август 2010 г.	400	
		Январь 2011 г.	800	На 7 лет, погашение в 2018 г., ставка 8,95%
Российская Федерация, банки России	Государственные облигации Республики Беларусь	Декабрь 2010 г.	7 млрд. <i>росс. руб.</i>	На 2 года, ставка 8,7%
Антикризисный фонд ЕврАзЭС	Кредит на финансирование стабилизационной программы Правительства Республики Беларусь (5 траншей)	Июнь 2011 г.	800	На 10 лет, включая 3-летний льготный период, под плавающую ставку (кредиты РФ на международных рынках)
		Декабрь 2011 г.	440	
		Июнь 2012 г.	440	
		Январь 2013 г.	440	
		Апрель 2013 г.	440	

Окончание табл. 2.19

Страна (организация) – кредитор	Тип кредита и направления его использования	Дата зачисления средств	Сумма кредита, млн долл. США	Условия кредитования
Экспортно-импортный банк Китая	Три кредитных соглашения для финансирования совместных проектов	Июнь 2011 г.	1000	До 15 лет под ставку 3% + комиссия 0,3% годовых
Банк ВТБ (Россия)	Бридж-кредит на пополнение ЗВР Беларуси	Июнь 2014 г.	2000	Краткосрочный кредит, погашен в 2014 г.
Правительство Российской Федерации	Финансовый кредит на цели погашения и обслуживания госдолга и пополнения ЗВР	Июль 2014 г. Сентябрь 2014 г.	450 1550	На 15 лет, 5 лет – льготный период, под плавающую ставку
Российская Федерация	На уплату процентов по кредиту РФ 2010 г.	Апрель 2015 г.	110	На 10 лет, 4 года – льготный период
Российская Федерация	На погашение платежей по кредитам АКФ ЕврАзЭС	Июль 2015 г.	760	На 10 лет, 4 года – льготный период
Евразийский фонд стабилизации и развития	Поддержка бюджета и пополнение международных резервных активов (на 2 млрд. долл., 7 траншей)	Март 2016 г. Август 2016 г. Апрель 2017 г. Июнь 2017 г.	500 300 300 300	На 10 лет, 5 лет – льготный период
Иностранные инвесторы	Еврооблигации Республики Беларусь (Банк Citi и Raiffeisen)	Июнь 2017 г.	800	На 10 лет, погашение в 2023 г., ставка 6,875%
			600	На 10 лет, погашение в 2027 г., ставка 7,625%
Российская Федерация	Финансовый кредит для рефинансирования обязательств перед Россией	Июнь 2017 г.	700	На 10 лет, по ставке LIBOR + 1,45%

Источник: Костромичева, Э. В. Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Беларусь / Э. В. Костромичева // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 27.

Однако если учесть, что МВФ оценивает государственный долг Республики Беларусь как превышающий 50% ВВП при высокой долларизации экономики и недостаточном уровне (около 50% от необходимого) золвалютных резервов страны в сравнении с другими странами региона Центральной и Восточной Европы¹⁵², а правительство Республики Беларусь намерено прибегнуть к дальнейшим внешним заимствованиям для реструктуризации и обслуживания государственного долга¹⁵³, то вышеуказанная оценка динамики кажется автору завышенной и логично снизить ее, условно переместив страну в «оранжевый» 4-й квинтиль.

Таблица 2.20

Государственный долг Республики Беларусь

Дата	Государственный долг, всего		Внешний государственный долг		Внутренний государственный долг	
	млн. руб.	% к ВВП	млрд. долл. США	% к ВВП	млн. руб.	% к ВВП
01.01.2010	–	18,8	8,4	17,0	2,5*	1,8
01.01.2011	31,7*	19,6	10,2	18,3	2,1*	1,3
01.01.2012	111,9*	27,0	12,4	21,0	17,9*	6,0
01.01.2013	128,8*	24,8	12,6	19,8	25,8*	4,9
01.01.2014	15 400,9	22,4	12 440,8	17,1	3 569,6	5,3
01.01.2015	19 745,5	22,3	12 580,2	16,6	4 838,0	5,7
01.01.2016	32 855,9	32,5	12 446,3	22,7	9 744,3	9,8
01.01.2017	36 958,0	39,4	13 645,1	28,5	10 234,2	10,9
01.01.2018	42 172,5	39,3	16 726,8	30,7	175,6	8,6

*В триллионах рублей в масштабе цен до деноминации 2016 г. (уменьшение в 10 000 раз).

Составлено по источнику: Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/. – Дата доступа: 29.09.2018.

Значимые изменения климата на планете сегодня принято связывать с парниковым эффектом (повышение температуры нижних слоев атмосферы планеты по сравнению с эффективной температурой,

¹⁵² Доклад д-ра Жака Алана Миньяна [Электронный ресурс] // Видеоматериалы конференции KEF-2018 «Беларусь в дивном новом мире». – Режим доступа: <http://kef.by/forum/kef-2018/video2018/>. – Дата доступа: 09.11.2018.

¹⁵³ Выступление министра финансов Республики Беларусь М. Ермоловича [Электронный ресурс] // Видеоматериалы конференции KEF-2018 «Беларусь в дивном новом мире». – Режим доступа: <http://kef.by/forum/kef-2018/video2018/>. – Дата доступа: 09.11.2018.

т. е. температурой теплового излучения планеты). Основными парниковыми газами, воздействующими на тепловой баланс Земли, являются водяной пар, углекислый газ, метан и озон.

В общемировом эколого-географическом пространстве Беларусь выступает как страна регионального значения. Она оказывает влияние на формирование экологической ситуации в Европе через систему перераспределения трансграничных воздушных и водных потоков. Основными парниковыми газами в Республике Беларусь являются диоксид углерода (CO₂), закись азота (N₂O) и метан (CH₄). Экономика Беларуси характеризуется высоким уровнем энергоемкости ВВП. В этой связи наибольшее количество парниковых газов выделяется в секторе «Энергетика» – около 60%, далее – в секторе «Сельское хозяйство» – более 25%. Сектор «Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство» является нетто-стоком парниковых газов в Республике Беларусь, при этом наибольший вклад в поглощение парниковых газов вносят лесные земли.

Общая эмиссия парниковых газов в эквиваленте CO₂ на 1000 долл. ВВП по ППС с учетом землепользования в Беларуси увеличилась с 345 кг в 2011 г. до 407 кг в 2016 г., или на 18%, т. е. на 12 кг (или на 3,4%) в среднегодовом исчислении, при том что исчисленная в национальной валюте углеродная эффективность за последние пять лет практически не изменилась (табл. 2.21).

Таблица 2.21

**Показатели парниковой интенсивности производства
в Республике Беларусь**

Год	Выбросы парниковых газов, млн. т CO ₂ -эквивалента		Выбросы парниковых газов на 1000 долл. ВВП по ППС, кг		Углеродная эффективность производства, руб./кг (в сопоставимых ценах 2011 г.)
	всего	с учетом землепользования	всего	с учетом землепользования	
2011	93,6	56,0	577	345	0,5
2012	94,5	62,5	563	372	0,51
2013	95,7	60,6	555	352	0,47
2014	94,9	64,8	533	364	0,52
2015	90,2	62,8	521	363	0,52
2016	91,5	69,6	536	407	0,51

Рассчитано по источнику. Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

В рейтинге развивающихся стран ВЭФ по *показателям парниковой интенсивности*, где Латвия определена во 2-м квинтиле, Литва – в 3-м, Польша – в 4-м, Россия и Украина – в 5-м, Беларусь следовало бы отнести к «красному» *5-му квинтилю*. Что касается *динамики выбросов*, то здесь Польша и Украина оказываются в 1-м квинтиле, Россия и Латвия – во 2-м, Литва – в 4-м, а Беларусь надо было бы снова отнести к *5-му квинтилю*.

По демографическим показателям можно судить о нагрузке на общество и экономику, они косвенно характеризуют финансовые расходы государства на социальную политику. При росте демографической нагрузки должны быть увеличены расходы на социальную защиту, образование, здравоохранение, выплату пенсий и т. д., что ведет к росту налогового бремени.

Характеризуя демографическую нагрузку в Республике Беларусь, следует упомянуть, что согласно методологии ООН население Беларуси признано «стареющим» с 50-х гг. XX в., когда удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше превысил порог в 7% от численности населения. Старение населения является основной тенденцией эволюции возрастной структуры населения на протяжении всего послевоенного периода. В результате старения населения существенно меняется демографическая нагрузка на трудоспособное население. При этом соотношение между нагрузкой детьми и лицами старше 60-летнего возраста меняется в пользу последних. Последствиями старения населения являются и изменения в структуре спроса на рыночные товары и услуги и экономическое поведение, что находит отражение в способности воспринимать инновации.

По данным переписи населения 2009 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше превысила 14%. Официальная статистика показывает, что она продолжает расти. Относительное увеличение численности лиц старших возрастов, с одной стороны, обусловлено повышением уровня и качества жизни, с другой стороны, связано со снижением рождаемости и высокой смертностью населения в трудоспособном возрасте. В результате отмеченных процессов коэффициент демографической нагрузки, определяемый как отношение числа иждивенцев (людей моложе 15 лет и старше 64 лет) к трудоспособному населению (в возрасте от 15 до 64 лет), возрос с 0,413 на начало 2013 г. до 0,466 на начало 2018 г. (табл. 2.22).

Таблица 2.22

**Динамика возрастной структуры населения Республики Беларусь
(на начало года)**

Год	Численность населения, тыс. чел.	Доля населения, %			Коэффициент демографической нагрузки
		в возрасте 0–14 лет	в возрасте 15–64 лет	в возрасте 65 лет и старше	
2011	9481	14,9	71,3	13,8	0,403
2012	9465	15,1	71,2	13,7	0,404
2013	9464	15,4	70,8	13,8	0,412
2014	9468	15,7	70,4	13,9	0,420
2015	9481	16,0	69,8	14,2	0,433
2016	9498	16,3	69,3	14,4	0,443
2017	9505	16,6	68,7	14,7	0,456
2018	9492	16,8	68,2	15,0	0,466

Рассчитано по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Обращаясь к метрикам ВЭФ, отметим, что *по уровню демографической нагрузки* Беларусь могла бы претендовать на попадание во 2-й квинтиль, где находится Литва и Украина, тогда как Польша и Россия оказались в 1-м квинтиле, Латвия – в 3-м. При этом *нарастание демографических угроз* определяет Беларусь в «красный» 5-й квинтиль, куда отнесены и все сопредельные страны.

Подытоживая рассмотрение индикаторов, отражающих «межпоколенческий капитал и устойчивость развития» в концепции ВЭФ, и дополняя ими индикаторы по блокам «рост и развитие» и «инклюзивность» (табл. 2.23), автор констатирует наличие экологических и демографических угроз в Беларуси, нарастание государственного долга и снижение темпов валового накопления основного капитала, что формирует нерадостную с позиций устойчивости развития картину.

Попытка сложить пасьянс из показателей качества социально-экономического развития Республики Беларусь по разным параметрам в метриках ВЭФ (табл. 2.24) приводит к получению «пирамиды угроз»: становится очевидным, что параметры собственно инклюзивности, роста и развития выглядят лучше параметров, характеризующих межпоколенческий капитал и устойчивость развития.

Таблица 2.23

**Индикаторы инклюзивного развития Республики Беларусь
(в группировке по блокам)**

Индикатор	Номер квинтиля, к которому относится индикатор: от 1 (лучший) до 5 (худший)	
	Уровень индикатора	Динамика индикатора
<i>Рост и развитие</i>		
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	2	3 (stable)
ВВП на душу населения	2	4 (slowly receding)
Производительность труда	2	4 (slowly receding)
Занятость населения	5	5 (receding)
<i>Инклюзивность</i>		
Дифференциация доходов населения	1	3 (stable)
Медианный доход	2	4 (slowly receding)
Бедность	2	5 (receding)
<i>Межпоколенческий капитал и устойчивость</i>		
Государственный долг	2	4 (slowly receding)
Демографическая нагрузка	2	5 (receding)
Валовое накопление основного капитала	3	4 (slowly receding)
Парниковая интенсивность	5	5 (receding)

Источник: составлено автором на основе экспертной оценки.

Между тем и они не демонстрируют желаемой динамики. Демографические диспропорции, низкая и неэффективная занятость населения, недостаточные темпы роста производительности труда, ВВП на душу населения, слабое накопление основного капитала, значительный уровень государственного долга и экологических угроз относятся к числу предпосылок снижения уровня, качества и ожидаемой продолжительности жизни населения.

В целом на фоне других стран с переходной экономикой Беларусь по ряду индикаторов выглядит не худшим образом, однако динамика индикаторов – отсутствие роста (stable), медленное отставание (slowly receding) или отставание (receding) – приближения к развитым странам не демонстрирует, что приводит к выводу об отсутствии инклюзивного роста и необходимости поиска его источников.

Существует мнение, что современная Беларусь оказалась в «ловушке среднего дохода», под которой понимается ситуация в экономическом развитии, когда страна, достигает определенного дохода и «застревает» на этом уровне.

Таблица 2.24

**Индикаторы инклюзивного развития Республики Беларусь
(в ранжированном виде)**

Индикатор	Блок индикаторов	Номер квинтиля, к которому относится индикатор: от 1 (лучший) до 5 (худший)	
		Уровень	Динамика
Дифференциация доходов населения	Инклюзивность	1	3 (stable)
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	Рост и развитие	2	3 (stable)
Медианный доход	Инклюзивность	2	4 (slowly receding)
Производительность труда	Рост и развитие	2	4 (slowly receding)
ВВП на душу населения	Рост и развитие	2	4 (slowly receding)
Государственный долг	Межпоколенческий капитал и устойчивость	2	4 (slowly receding)
Бедность	Инклюзивность	2	5 (receding)
Демографическая нагрузка	Межпоколенческий капитал и устойчивость	2	5 (receding)
Валовое накопление основного капитала	Межпоколенческий капитал и устойчивость	3	4 (slowly receding)
Занятость населения	Рост и развитие	5	5 (receding)
Парниковая интенсивность	Межпоколенческий капитал и устойчивость	5	5 (receding)

Источник: составлено автором на основе экспертной оценки.

Ловушка среднего дохода возникает, когда рост экономики страны замедляется и в конечном итоге останавливается после достижения среднего уровня доходов. Эта проблема обычно возникает у развивающихся стран в связи с ростом заработной платы и снижением ценовой конкурентоспособности продукции, что не позволяет им конкурировать как с развитыми экономиками с высокой квалификацией и инновациями, так и с экономиками с низкими доходами, низким уровнем заработной платы и низкими издержками производства.

Выявленные проблемы требуют поэлементной ревизии национального богатства и отечественных политических, экономических, социальных и инновационно-технологических институтов в поисках драйверов инклюзивного развития.

3. НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

3.1. Альтернативные подходы к оценке национального богатства

Под *национальным богатством* понимается совокупность активов страны, обеспечивающих возможность производства товаров и услуг для поддержания жизнедеятельности ее населения. Национальное богатство одновременно является и результатом, и основой экономического развития государства. Поэтому полная и объективная оценка национального богатства, его структуры и динамики необходимы для анализа состояния экономики и разработки экономической политики.

До недавнего времени методология исчисления национального богатства различалась по странам, что затрудняло международные сопоставления. Согласование методов оценки национального богатства на межстрановом уровне было осуществлено при разработке Системы национальных счетов 2008 г. (СНС-2008), одобренной статистической комиссией ООН в качестве международного стандарта.

Национальное богатство – один из важнейших показателей СНС-2008, используемый для оценки потенциала и уровня экономического развития страны. Определяется национальное богатство как сумма чистой стоимости капитала (чистых активов) всех ее резидентов по состоянию на начало (конец) периода. Активы делятся на три группы: нефинансовые произведенные активы (основные фонды, запасы материальных оборотных средств, ценности); нефинансовые произведенные активы (материальные, к которым относятся земля, ресурсы недр, некультивируемые биологические и водные ресурсы, а также нематериальные в виде лицензий, патентов, авторских прав и др.); финансовые

активы (монетарное золото и специальные права заимствования, наличные деньги и депозиты, ценные бумаги, ссуды, страховые технические резервы и др.).

Отечественная статистика национального богатства, опирающаяся на СНС-2008, трактует его как «совокупность накопленных нефинансовых и финансовых активов за вычетом финансовых обязательств, которыми страна располагает на данный момент времени»¹⁵⁴. Однако в настоящее время она располагает оценками лишь отдельных элементов национального богатства (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Отдельные элементы национального богатства Республики Беларусь
(без учета стоимости земли, недр, лесов и финансовых активов;
на начало года)**

Год	Всего	В том числе			Справочно: домашнее имущество
		основные средства, включая незавершенное строительство		материальные оборотные средства	
		всего	основные средства		
В триллионах рублей					
2001	93,3	88,8	86,6	4,5	1,8
2006	276,0	253,0	243,4	23,0	23,7
2011	630,7	560,6	521,7	70,1	96,5
2016	3050,1	2754,1	2425,1	296,0	436,1
2017	345,0*	312,8	269,8	32,2	50,5
2018	380,0*	342,4	293,9	37,6	56,9
В процентах					
2001	100,0	95,2	92,8	4,8	–
2006	100,0	91,7	88,2	8,3	–
2011	100,0	88,9	82,7	11,1	–
2016	100,0	90,3	79,5	9,7	–
2017	100,0	90,7	78,2	9,3	–
2018	100,0	90,1	77,3	9,9	–
В миллиардах долларов США					
2001	79,1	75,3	73,4	3,8	1,5
2006	128,3	117,6	113,1	10,7	11,0
2011	210,2	186,9	173,9	23,4	32,2
2016	132,6	148,3	130,6	15,9	23,5
2017	176,2	159,7	137,8	16,4	25,8
2018	196,7	177,2	152,1	19,5	29,5

¹⁵⁴ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 / И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 205.

Окончание табл. 3.1

Год	Всего	В том числе			Справочно: домашнее имущество
		основные средства, включая незавершенное строительство		материальные оборотные средства	
		всего	основные средства		
На душу населения, тыс. долл. США					
2001	7,9	7,6	7,4	0,38	0,15
2006	13,3	12,2	11,7	1,12	1,14
2011	22,2	19,7	18,3	2,47	3,40
2016	17,3	15,6	13,7	1,67	2,47
2017	18,5	16,8	14,5	1,73	2,71
2018	20,7	18,7	16,0	2,05	3,22

*В миллиардах рублей (с учетом деноминации – уменьшения в 10 000 раз).

Источник: рассчитано по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь.

На начало 2018 г. стоимость основных и материальных оборотных средств в составе национального богатства Беларуси оценивалась в 380 млрд. руб. Большая часть этой суммы приходилась на основные средства. Пересчет стоимости указанных элементов в долларовый эквивалент показывает, что с 2011 г. она сократилась с 210,2 до 196,7 млрд. долл. США, или с 22,2 до 20,7 тыс. долл. США в расчете на душу населения.

Более трети основных средств сосредоточено в промышленности, которая была и остается ключевой отраслью белорусской экономики (табл. 3.2). Пятая их часть представлена производственной инфраструктурой транспорта и связи. Доли стоимости основных средств сельского и лесного хозяйства и агрегированной отрасли «операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг потребителям» (включающей деятельность, связанную с вычислительной техникой, научные исследования и разработки) сопоставимы (11–13%). Однако при этом очевиден тренд к сокращению первичного сектора экономики и расширению третичного.

В последние годы в Беларуси проведена модернизация ряда промышленных предприятий, освоено производство новых видов продукции (железнодорожные электропоезда, легковые автомобили, комплексные сложносмешанные удобрения и др.). С началом строительства атомной электростанции открылся новый этап в развитии Белорусской энергетической системы, а с 2012 г. Беларусь стала космической державой, отправив на орбиту первый

национальный аппарат дистанционного зондирования Земли и заложив основу для выхода на новый технологический уровень многих отраслей экономики.

Таблица 3.2

Структура основных средств в Республике Беларусь (на начало года, %)

Год	Вид экономической деятельности					
	Производство товаров			Производство услуг		
	Всего	Сельское и лесное хозяйство	Промышленность	Всего	Транспорт и связь	Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг
2010	53,0	15,2	34,5	47,0	19,8	9,7
2011	53,4	13,4	36,7	46,6	21,7	7,1
2012	53,1	13,7	36,4	46,9	21,0	7,5
2013	52,8	13,8	35,9	47,2	20,2	8,4
2014	51,2	12,9	35,3	48,8	19,5	11,0
2015	51,6	12,2	36,6	48,4	18,4	12,2
2017	51,8	11,6	37,3	48,2	18,3	12,8*
2018	52,3	11,3	36,2	47,7	18,3	13,1*

* Операции с недвижимым имуществом, профессиональная, научная и техническая деятельность.

Составлено по источнику. Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что физический износ основных средств в стране составляет около 38%, в промышленности и на транспорте – более 40 и 50% соответственно (табл. 3.3) при еще большем моральном их износе, достигающем по экспертным оценкам 70%.

По оценкам ученых, в структуре современной промышленности Беларуси преобладают производства III и IV технологических укладов, на долю V уклада приходится незначительная их часть. Массово освоенных промышленным производством технологий VI уклада (нано-, клеточных, генной инженерии, водородной энергетики и управляемых термоядерных реакций, создания искусственного интеллекта и глобальных информационных сетей) практически нет¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Шурубович, А. В. Модернизация экономики Белоруссии: тенденции, проблемы, перспективы / А. В. Шурубович // Россия и современный мир. – 2015. – № 1 (86). – С. 125; Быков, А. Необходимо вкладывать ресурсы в экспортно-ориентированные отрасли / А. Быков // Финансы, учет и аудит. – 2016. – № 1. – С. 36–38.

Таблица 3.3

Износ основных средств в Республике Беларусь (на начало года, %)

Год	Вид экономической деятельности					
	Производство товаров			Производство услуг		
	Всего	Сельское и лесное хозяйство	Промышленность	Всего	Транспорт и связь	Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг
2010	46,8	41,8	50,2	36,7	49,6	13,3
2011	42,0	40,5	42,6	36,2	45,9	14,1
2012	41,2	39,4	41,6	36,2	46,9	13,2
2013	41,2	38,7	41,9	35,7	48,0	11,5
2014	40,7	38,8	40,8	34,1	48,5	10,7
2015	39,7	38,5	39,3	33,4	49,3	10,4
2017	39,9	–	–	33,0	–	–
2018	40,6	38,9	40,5	34,6	51,8	10,8*

* Операции с недвижимым имуществом, профессиональная, научная и техническая деятельность.

Составлено по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

При этом если бывший СССР на излете своего существования находился на пороге формирования V технологического уклада, то последующие рыночные реформы отбросили Беларусь назад (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Динамика изменения технологического уклада в отдельных странах и регионах мира в 1950–2015 гг.

Страна	1950	1975	1990	2000	2010	2015	2020 (прогноз)
США	3,3	3,8	4,2	4,4	4,5	–	4,9
Япония	2,7	3,8	4,0	4,1	4,5	–	4,7
Китай	2,2	2,4	2,8	3,2	4,0	–	4,6
Западная Европа	3,1	3,6	4,0	4,2	4,3	–	4,5
Страны Африки	1,7	2,0	2,5	2,6	2,6	–	2,6
Россия	2,8	3,4	3,9	3,6	3,6	3,6	3,6
Беларусь	2,8	3,4	3,9	3,4	3,5	3,5	3,6
Развивающиеся страны	2,1	2,6	2,8	2,9	3,1	3,2	3,3
Развитые страны	3,1	3,7	4,1	4,2	4,4	4,5	4,7
Мир в целом	2,7	3,2	3,4	3,7	3,8	–	3,9

Составлено по источникам: Байнев, В. О системных препятствиях на пути новой индустриализации Беларуси / В. Байнев, В. Винник // Экономист. – 2018. – № 5. – С. 56; Винник, В. Т. Инновационное воспроизводство промышленного капитала: проблемы и пути их решения / В. Т. Винник, В. Ф. Байнев // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 апр. 2018 г.): сб. науч. ст. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – С. 111.

В изменении технологического базиса отечественного производства с 1990 г. наблюдается отрицательная динамика, ухудшающая позиции страны на международном уровне¹⁵⁶.

Транспортная инфраструктура Беларуси представлена мощной сетью автомобильных (более 100 тыс. км) и железных дорог (5,5 тыс. км), магистральных трубопроводов, аэродромов и аэропортов. По плотности автомобильных дорог страна является лидером в СНГ. Часть дорог входит в международные трансъевропейские транспортные коридоры, которые играют важную роль в реализации транзитного потенциала страны. Беларусь занимает 3-е место в мире по насыщенности железными дорогами. Однако функционирование в стране в течение длительного времени крупных промышленных производств обосновывало жизнедеятельность других предприятий, которые были технологически скооперированы с ними либо оказывали вспомогательные услуги, в результате чего произошла консервация значительной части транспортной инфраструктуры, обслуживающей промышленность и ее подсобные объекты. Поэтому вопросы ее принципиального обновления по мере появления и развития производств новых технологических укладов будут актуализироваться, тем более что транспортная инфраструктура страны наполовину изношена, а сопутствующая ей логистическая инфраструктура развита слабо.

Вследствие удачного географического расположения в центре Европы логистический потенциал страны оценивается в 30–50 млрд. долл. США услуг в год при их фактической сумме в 1 млрд. долл. США¹⁵⁷. Скромность последней цифры объясняется тем, что в Беларуси отсутствуют высокоскоростные магистрали¹⁵⁸, слабо развита железнодорожная и авиационная инфраструктуры. В Беларуси сегодня функционирует более 30 логистических

---

¹⁵⁶ Байнев, В. Переход Беларуси к инновационной экономике: реформирование или модернизация? / В. Байнев // Наука и инновации. – 2016. – № 5. – С. 24.

¹⁵⁷ Пелих, С. А. Завершение построения институтов рыночной экономики / С. А. Пелих // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19–20 апр. 2018 г.): сб. науч. ст. / редкол.: М. Г. Жилинский (пред.) [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – С. 39.

¹⁵⁸ Лapidус, Б. Высокоскоростные магистрали – инструмент перехода к инновационному лидерству / Б. Лapidус, Д. Мачерет // Мир перемен. – 2018. – № 1. – С. 49–64.

центров, однако многие из них – просто склады, не имеющие автоматизированных систем управления и штата квалифицированных логистов. Современные логистические центры в районе аэропортов отсутствуют.

Таким образом, увеличения национального богатства за счет прироста основных средств в последние годы в стране не наблюдается. При этом на «обочине» статистической оценки остаются земля, недра, леса и другие элементы национального богатства. Отечественная статистика пока не в состоянии достоверно определить вклад природного капитала в национальное богатство ввиду сложности структуры, отсутствия должной информационной базы и трудностей стоимостной оценки. Вместе с тем при отсутствии интегральной оценки стоимости природного капитала белорусская статистика располагает отдельными данными, позволяющими составить некоторые представления об этой составляющей национального богатства.

Природный капитал охватывает совокупность природных ресурсов страны и ее природных условий. Под *природными ресурсами* понимаются элементы и свойства природы, используемые человеком для получения материальных и иных благ (земельные, минерально- и лесосырьевые, водные и невыращиваемые биологические, экологические и рекреационные ресурсы). *Природные условия* – это совокупность природных факторов, характеризующих влияние природной среды на жизнь и деятельность людей (географическое положение территории, рельеф местности, климатические условия, режим рек и озер, др.).

Географически Беларусь имеет крайне выгодное расположение в центре Европы. *Ландшафт* территории страны в основном равнинный, *климат* – мягкий и ровный, умеренно-континентальный, благоприятный для сельскохозяйственного производства. *Земли сельскохозяйственного значения* составляют 41,3% территории республики, 66% из них являются пахотными. На душу населения в Беларуси приходится 0,9 га площади сельскохозяйственных земель (столько же в Украине и Литве, в Латвии и Ирландии – 1,0 га, России – 1,3 га)¹⁵⁹.

Леса покрывают 39,9% территории страны. По ряду ключевых показателей, характеризующих лесные ресурсы (лесистость

---

¹⁵⁹ Беларусь и страны мира: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 208–209.

территории, площадь лесов и запас растущей древесины) в пересчете на одного жителя, Беларусь входит в десятку ведущих лесных государств Европы¹⁶⁰. По статистике на душу населения в стране приходится 0,85 га леса и более 173 м³ древесины.

В Беларуси имеется 4 национальных парка и 2 заповедника, три из которых (Березинский биосферный заповедник, Припятский национальный парк, Беловежская пуца) входят в единую мировую систему наблюдения за изменениями в окружающей среде. По решению ЮНЕСКО Национальный парк «Беловежская пуца» как остатки первобытного леса, простирившегося когда-то от Балтийского моря до реки Буг и от Одера до Днепра, включен в список Всемирного наследия человечества.

На территории Беларуси находятся тысячи рек и озер, 6,2% площади страны заболочено. Девять водно-болотных комплексов имеют международный статус охраны Рамсарских угодий. Белорусские леса и болота, являющиеся природными сорбционными установками, называют «легкими Европы», их экологические возможности расширяют общий объем природного капитала страны.

Беларусь богата пресными и минеральными подземными водами¹⁶¹. Возобновляемые ресурсы пресной воды в стране составляют 44 800 млн. м³, лишь немногие европейские страны располагают большими запасами¹⁶². Пресная вода – самый ценный ресурс белорусских верховых болот, обладающих экономическим потенциалом в сотни миллионов долларов. Страна обладает богатыми запасами калийных и каменных солей, торфа. Калийная соль относится к наиболее ценным полезным ископаемым Беларуси, ее добыча является одной из важнейших отраслей экономики. По запасам калийных солей страна занимает третье место в мире, а по ее производству на душу населения – первое. При современных масштабах добычи запасов калийной соли хватит более чем на 100 лет. Запасы каменной соли практически неисчерпаемы. Кроме того, в недрах Беларуси имеются минерально-сырьевые ресурсы, являющиеся

---

¹⁶⁰ Беларусь и страны мира: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 139–140.

¹⁶¹ Шушкевич, А. М. Водные ресурсы – конкурентное преимущество Республики Беларусь / А. М. Шушкевич // Экономический бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 5. – С. 61–68.

¹⁶² Беларусь и страны мира: стат. сб. / под ред. И. В. Медведевой. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 142–143.

природными строительными материалами и позволяющие полностью обеспечить потребности страны в известковом и цементном сырье, керамических и тугоплавких глинах, песках строительных и песчано-гравийных материалах, строительном камне. Что касается запасов нефти в недрах, то они небольшие, а энергетические ресурсы страны весьма ограничены.

В целом при наличии значительных земельных, водных и лесных ресурсов следует констатировать *отсутствие* у Республики Беларусь *богатого набора минеральных и энергетических ресурсов*. При этом эффективность использования имеющихся минеральных ресурсов сдерживается недостатком собственных современных технологий добычи и обогащения полезных ископаемых. В частности, отсутствие современных технологий добычи и переработки не позволяет в настоящее время задействовать месторождения кварцевых песков, гипса, бентонитовых глин.

Среди геологов существует мнение о том, что недра Беларуси слабо разведаны (в советские времена геологоразведку интересовали регионы с более значительными запасами минеральных ресурсов) и скрывают запасы других полезных ископаемых, в том числе золото, алмазы и урановые руды¹⁶³. Причем запасы урановых руд являются крупнейшими согласно мировой классификации, когда счет идет на десятки тысяч тонн. Месторождения разведаны, однако добыча этих ископаемых сегодня экономически нецелесообразна. Необходимы технологии, которые сделают добычу такого сырья рентабельной. Сегодня нет таких технологий, но завтра они могут появиться.

История свидетельствует, что обилие ресурсов в ряде стран было обусловлено не только природно-геологическими, но и социально-экономическими условиями. Динамичное развитие ресурсных отраслей было связано с созданием эффективной инновационной системы, обеспечившей создание высоких технологий для глубокой переработки элементов природного капитала. Становление богатых стран (Норвегия, Швеция, Канада, Австралия, США)

---

¹⁶³ Беларусь сидит на уране и не хочет этого знать? [Электронный ресурс] // Правда Гомель: сайт. – Режим доступа: <http://gp.by/category/news/economics/news26394.html>. – Дата доступа: 25.06.2016; Недра в алмазах: есть ли в Беларуси залежи драгоценных камней? [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь: сайт. – Режим доступа: <http://sputnik.by/live/20160510/1022276850.html>. – Дата доступа: 25.06.2016.

как главных продуцентов тех или иных полезных ископаемых было обусловлено технологическими возможностями, позволяющими обнаруживать и добывать ресурсы более эффективно по сравнению с другими странами. Примером этого может быть появление норвежской технологии добычи шельфовой нефти с использование стационарных буровых платформ.

Продолжая рассмотрение вопросов оценки национального богатства, отметим, что помимо стоимости основных средств и материальных оборотных средств, в отечественной статистике имеются показатели, характеризующие финансовые активы и обязательства Республики Беларусь (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Финансовые активы и обязательства Республики Беларусь
(на начало года)**

Год	Международные резервные активы, млрд. долл. США	Валовой внешний долг		
		млрд. долл. США	% от ВВП	на душу населения, тыс. долл. США
2001	–	2,1	18	0,2
2006	1,6	5,1	17	0,5
2011	6,2	28,4	49,9	2,3
2012	8,9	34,0	55,9	3,0
2013	8,8	33,8	51,5	3,6
2014	7,2	39,6	52,7	3,7
2015	5,7	40,0	50,9	4,2
2016	4,5	38,3	67,3	4,0
2017	5,2	37,5	78,5	3,9
2018	–	39,9	73,4	4,2

Рассчитано автором по данным источников: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018; Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/. – Дата доступа: 29.09.2018.

Статистические данные свидетельствуют о наращивании валового внешнего долга, сумма которого с начала 2001 до 2018 г. возросла почти в 20 раз, значительно «оторвавшись» от величины международных резервных активов. С начала века валовой внешний долг Беларуси возрос до 4,2 тыс. долл. США на душу населения.

Итак, отечественная статистика предоставляет лишь данные о стоимости основных средств и величине финансовых активов, динамика которых вызывает тревогу, указывая на сокращение

национального богатства в последние годы. Причинами, сдерживающими развитие отечественной статистики национального богатства, являются сложность определения стоимости природных ресурсов, культурных ценностей и других элементов, несоответствие учета и отчетности требованиям международных стандартов, незавершенность рыночных преобразований в экономике¹⁶⁴. Кроме того, сама по себе концепция национального богатства в Системе национальных счетов 2008 г. (СНС-2008), одобренная статистической комиссией ООН в качестве международного стандарта, требует актуализации.

В последние годы получила развитие расширительная концепция Всемирного банка, согласно которой национальное богатство есть сумма следующих системообразующих элементов: природного капитала, физического (произведенного) капитала, нематериального (человеческого и институционального) капитала¹⁶⁵. Согласно этой концепции природный капитал включает энергетические и минеральные ресурсы, ресурсы лесов промышленного и непромышленного назначения, пашни, пастбища и охраняемые территории, к физическому капиталу относятся машины, оборудование, здания и сооружения, а также городские земли, к нематериальному капиталу – все прочие активы страны, определяемые путем вычитания из национального богатства суммы физического и природного капиталов. При этом национальное богатство в целом определяется исходя из величины процентной ставки и национального дохода.

---

¹⁶⁴ Циблибина, В. М. Методологические подходы к оценке национального богатства Республики Беларусь // Природопользование: экология, экономика, технологии: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 6–8 окт. 2010 г.). – Минск: Минсктишпроект, 2010. – С. 304–308.

¹⁶⁵ Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Дж. Диксон [и др.]. – М.: Весь Мир, 2003. – 128 с.; Estimating National Wealth: Methodology and Results [Электронный ресурс] / A. Kunte [et al.]; Wash. World Bank. – 1998. – Режим доступа: https://millennium-indicators.un.org/unsd/envAccounting/ceea/archive/Framework/Kunte_etal_1998.PDF. – Дата доступа: 01.03.2017; Hamilton, K. Sustaining Economic Welfare: Estimating Changes in Wealth Per Capita [Электронный ресурс] / K. Hamilton; World Bank. – 2000. – Режим доступа: <https://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/575961468739146017/pdf/multi-page.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2017; The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – Режим доступа: <https://site-resources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/ChangingWealthNations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2017.

В табл. 3.6 приведена выполненная специалистами Всемирного банка оценка национального богатства Республики Беларусь, представленная на фоне широкой группы зарубежных государств: стран Содружества Независимых Государств (СНГ), постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), малых индустриальных стран Западной и Северной Европы (ЗСЕ). В выборку вошли страны, сопоставимые по территории и численности населения с Беларусью. Предусмотренные нами сравнения со странами Западной и Северной Европы важны для понимания расстояния до мировых и технологических лидеров, а страны ЦВЕ и СНГ интересны из-за их общего с нашей страной социалистического прошлого.

Таблица 3.6

Национальное богатство и валовой внутренний продукт отдельных стран мира (на душу населения, долл. США)

Страна	Национальное богатство в 2005 г.					ВВП в 2005 г.	ВВП в 2016 г.
	всего	при- родный капитал	физи- ческий капитал	чистые иностранные активы	нематериальный капитал		
Страны Западной и Северной Европы							
Норвегия	861 797	110 162	183 078	36 436	532 121	66 775	70 553
Дания	742 954	19 616	130 827	1 288	591 224	48 817	53 745
Швейцария	736 795	9 411	165 561	55 211	506 613	54 798	80 346
Швеция	627 950	15 673	92 488	-8 333	528 122	43 085	51 125
Ирландия	599 115	11 189	112 374	-10 428	485 980	50 816	64 782
Нидерланды	593 547	13 193	109 658	-1 676	472 371	41 577	45 658
Австрия	570 654	9 065	112 799	-8 033	456 824	38 242	44 233
Финляндия	570 256	19 220	96 566	-5 642	460 111	38 969	43 482
Бельгия	562 363	4 933	98 822	11 095	447 515	36 967	41 248
В среднем по странам ЗСЕ	651 714	23 607	122 464	7 7676	497 876	46 672	50 417
Страны Центральной и Восточной Европы							
Чехия	180 820	4 595	44 254	-3 341	135 312	13 318	18 508
Венгрия	173 007	5 974	35 162	-9 425	141 296	11 156	12 652
Хорватия	166 497	5 559	25 231	-5 447	141 154	10 224	12 165
Словакия	142 373	4 979	31 954	-4 824	110 263	11 631	16 499
Польша	135 941	8 894	20 526	-3 414	109 935	7 976	12 361
Литва	132 915	6 014	21 265	-3 129	108 764	7 863	14 893
Латвия	121 274	7 346	23 260	-3 990	94 658	7 550	14 063
Румыния	80 906	9 058	14 292	-1 403	58 959	4 676	9 493
Болгария	63 993	5 560	10 079	-1 652	50 006	3 853	7 377
В среднем по странам ЦВЕ	133 081	6 442	25 114	-4 069	105 594	8 694	11 550

Окончание табл. 3.6

Страна	Национальное богатство в 2005 г.					ВВП в 2005 г.	ВВП в 2016 г.
	всего	при- родный капитал	физи- ческий капитал	чистые иност- ранные активы	немате- риальный капитал		
Страны СНГ и Грузия							
Российская Федерация	73 166	31 317	17 712	-227	24 364	5 324	8 946
Беларусь	47 788	5 972	9 812	-415	32 420	3 124	4 997
Украина	29 322	6 899	7 250	-311	15 485	1 829	2 199
Армения	29 190	3 139	4 185	-489	22 356	1 625	3 533
Грузия	26 607	3 334	5 128	-930	19 076	1 530	–
Молдова	17 421	4 148	3 794	-439	9 919	831	1 907
Азербайджан	15 298	11 684	4 535	-1 115	195	1 578	3 956
Таджикистан	6 687	1 762	1 093	-219	4 052	340	800
Узбекистан	5 316	7 652	1 543	8	-3 887	547	2 133
В среднем по СНГ, Грузии	27 866	8 434	6 117	-461	13 776	1 859	3 559
Мир	115 484	7 119	20 329	-325	88 361	–	–

Рассчитано автором по источникам. The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – Режим доступа: <https://siteresources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/Changing-WealthNations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2018; Беларусь и страны мира: стат. сб. / редкол. И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – С. 155–156.

Национальное богатство Республики Беларусь на душу населения в 2005 г. составляло 47,8 тыс. долл. США. По этому показателю страна была ближе всего к Болгарии (64,0 тыс. долл. США). Страны ЦВЕ опережают Беларусь по этому показателю в среднем в 2,8 раза, страны Западной и Северной Европы – в среднем в 13,6 раз.

По величине природного капитала на душу населения (5972 долл. США) Беларусь была сопоставима с Бельгией и большинством стран Центральной и Восточной Европы, близка к странам ЦВЕ, но имела вдвое меньший его запас, чем страны Западной и Северной Европы (при исключении Норвегии).

Физический капитал, которым располагала Беларусь (9812 долл. США), близок к уровню в Болгарии. Здесь наша страна имеет гораздо худшие позиции: страны ЦВЕ и ЗСЕ опережают ее по этому параметру в 2,5 и 12,5 раз соответственно. При этом сопоставление данных отечественной статистики о стоимости физического капитала на начало 2006 г. с оценками Всемирного банка 2005 г. (13,3 и 9,8 тыс. долл. США на душу населения соответственно)

показывает, что в последнем случае его стоимость на четверть ниже. Автор полагает, что высокий уровень морального износа объясняет более низкую оценку специалистами Всемирного банка стоимости физического капитала в Беларуси.

Что касается нематериального капитала на душу населения, то здесь Беларуси близки Россия и Армения, большинство стран Европы опережает наше государство по этой составляющей. Беларусь неплохо выглядит на фоне стран СНГ, однако в странах Центральной и Восточной Европы стоимость нематериального капитала выше в среднем в 3,2 раза, а в странах Западной и Северной Европы – в 15,6 раз, при том что он преобладает в структуре национального богатства.

Структура национального богатства Беларуси в 2005 г. была такова: природный капитал – 12,5%, физический капитал – 20,5%, нематериальный капитал – 67,0%. Во всех странах нашей выборки (за исключением Азербайджана и Узбекистана) нематериальному капиталу принадлежит наибольшая доля в структуре национального богатства: в странах Западной и Северной Европы она в среднем составляет около 78%, в странах ЦВЕ – 76%, в странах СНГ – 48%.

На рис. 3.1 представлена структура национального богатства Республики Беларусь в сравнении со странами Европы. Площади графических элементов приблизительно отражают пропорции между объемами природного, физического и нематериального капиталов по Беларуси, странами ЦВЕ и ЗСЕ. Рисунок иллюстрирует, что различия в величине национального богатства на душу населения в Беларуси и передовых странах Европы в большей мере объясняются расхождениями в объеме нематериального капитала.

Взаимосвязь, просматриваемая между уровнями среднедушевых показателей национального богатства и валового внутреннего продукта по странам, закономерна. При этом очевидно, что страны со сходными объемами природного и физического капиталов имеют разный уровень социально-экономического развития вследствие заметных различий в стоимости нематериального капитала. Эта закономерность, наблюдаемая в 2005 г., проецируется на 2016 г., что вполне объяснимо, поскольку национальное богатство представляет собой результат постоянно возобновляющегося процесса функционирования накопленных природного, физического и нематериального капиталов для удовлетворения текущих потребностей общества и создания условий для последующего долговременного его развития.

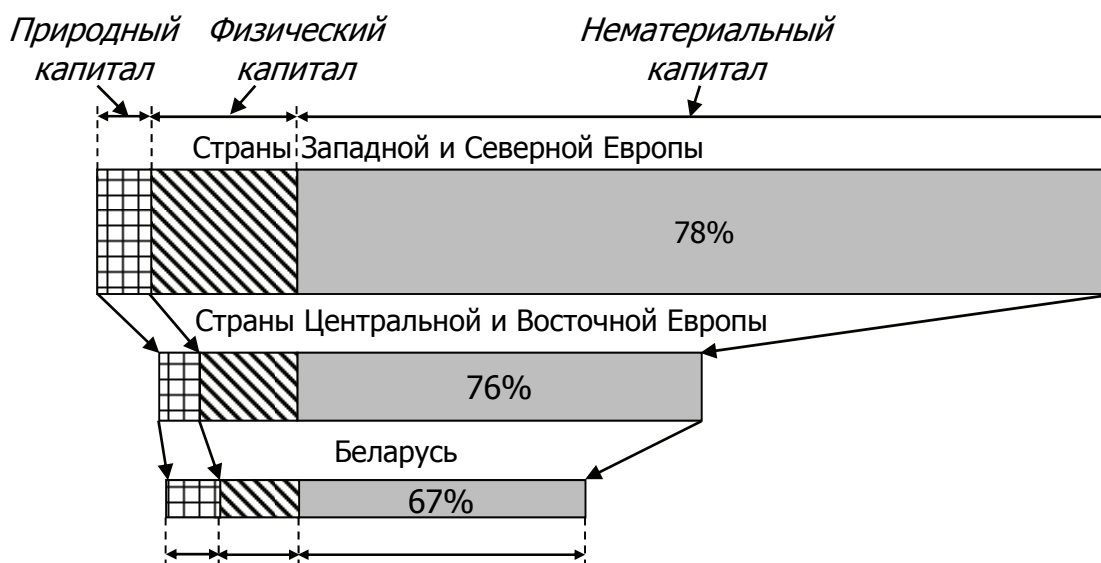

Рис. 3.1. Структура национального богатства Республики Беларусь в сравнении с европейскими странами

В мировой экономике нет ничего случайного и, как правило, наибольшие объемы добавленной стоимости создаются там, где накоплен наибольший объем не только физического, но и нематериального капитала. В этой связи можно предположить, что именно способность накапливать нематериальный капитал в наибольшей мере определяет конкурентоспособность национальных экономик. Согласно подходам Всемирного банка, нематериальный капитал в составе национального богатства складывается из институционального и человеческого капиталов. Последний сегодня признается ключевым элементом, способным запустить процесс накопления национального богатства.

3.2. Человеческий капитал

Беларусь относится к странам с высоким уровнем человеческого развития. В мировом рейтинге стран по Индексу человеческого развития, представленном в 2018 г. в ежегодном «Докладе о человеческом развитии» (Human Development Report) ПРООН, Беларусь занимает 53-ю позицию¹⁶⁶, что позволяет думать о том, что

¹⁶⁶ Human Development Report [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/2018-update?ref=tjournal.ru>. – Дата доступа: 01.10.2018.

в этой сфере у нас все относительно благополучно. Однако отечественная реальность раскрашена не только радужными красками...

Сформированная столетиями белорусская нация представляет собой уникальную общность людей. Многие известные люди – от святых средневековья до лауреатов Нобелевской премии и олимпийских чемпионов современности – были уроженцами Беларуси либо связавшими свою жизнь с нашей страной. Легендарными историческими личностями являются Евфросинья Полоцкая, Франциск Скорина, Лев Сапега, Тадеуш Костюшко, Михаил Клеофас Огинский, Иосиф Гошкевич, Хаим Вейцман, Андрей Громыко, Шимон Перес и др. В мировой литературе и искусстве известны имена Адама Мицкевича, Винцента Дунина-Марцинкевича, Станислава Монюшко, Наполеона Орды, Ивана Хруцкого, Лейб-Хаима Розенберга (Леон Бакст), Марка Шагала, Луиса Барта Майера, Михаила Савицкого, Василя Быкова, Светланы Алексиевич, Гавриила Ващенко, Виктора Турова, Михаила Пташука и др. Знамениты ученые Борис Кит, Игнат Домейко, Иван (Ян) Черский, Якуб Наркевич-Иодко, Николай Судзиловский, Павел Сухой, Михаил Высоцкий, Жорес Алферов и др. Пятнадцать Нобелевских лауреатов имеют белорусские корни. Прославленными белорусскими спортсменами являются Александр Медведь, Ольга Корбут, Виталий Щербо, Дарья Домрачева и др.

Безусловно, Беларусь может гордиться своим генофондом, однако в последние десятилетия в стране наблюдаются *негативные демографические тенденции*. Для современной Беларуси характерна низкая продолжительность жизни по сравнению с развитыми странами, невысокая рождаемость, сверхсмертность, в совокупности ведущие к депопуляции населения. По прогнозу ООН численность населения республики к середине XXI в. сократится до 8,6 млн. человек, а к его концу – до 6,9 млн. человек.

ИСЧЕЗАЮЩАЯ БОЛГАРИЯ

Среди стран ЕС обнаружили ту, что в скором времени может исчезнуть с карты. Речь идет о Болгарии. И причиной тому будут не политические дразги, военные конфликты или природные катастрофы. Численность населения страны сокращается настолько стремительно, что ситуацию называют «хуже, чем после Второй мировой». Об этом сообщил Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН.

Демографической клинической смертью называют эксперты ситуацию в Болгарии, население которой по состоянию на 30 июня 2018 года составляло 6 999 908 человек (из них женщин – 51,7%, мужчин – 48,3%). Для сравнения, после Второй мировой войны перепись населения в 1946 году показала, что в Болгарии проживает 7 029 349 человек. В 1985 году – 8 948 649 жителей. По данным статистики, в Болгарии 30 июня родилось 120 человек, а умерло 193.

Источник: Названа самая быстроисчезающая страна [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru: сайт. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/t33960047/>. – Дата доступа: 10.10.2018.

Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь сложилась под воздействием ряда факторов. Прежде всего, это социально-экономические проблемы страны и последствия Чернобыльской катастрофы. В начале 1990-х гг. после распада СССР и разрушения экономических и технологических структур народного хозяйства, приведших к деформации устоявшихся форм жизнедеятельности людей, демографические процессы в Беларуси оказались под влиянием феноменов безработицы и снижения уровня жизни, подорвавших уверенность населения в завтрашнем дне, что не замедлило отразиться на динамике его воспроизводства.

Максимальной численности населения за всю свою историю Беларусь достигла к началу 1994 г. – 10 243,5 тыс. человек. Начиная с 1995 г., когда число умерших граждан превысило число родившихся, естественного прироста в Беларуси до недавнего времени не наблюдалось, а в 2001 г. численность населения Беларуси опустилась ниже отметки в 10 млн. человек (табл. 3.7) и, несмотря на положительное миграционное сальдо, выступающее своеобразным амортизатором естественной убыли, продолжает сокращаться.

На начало 2018 г. численность населения Беларуси (9,5 млн. человек) приблизительно соответствовала показателям 1978–1979 гг., что неудивительно, поскольку простого воспроизводства населения в стране не было с 1980 г. – для простого замещения поколений суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений у одной женщины за всю ее жизнь) должен равняться 2,14–2,15, а не 1,6–1,7, как в последние годы¹⁶⁷.

---

¹⁶⁷ Крупейченко, О. Е. Особенности формирования демографической политики в Республике Беларусь в контексте воспроизводства населения страны и сбалансированности возрастной структуры / О. Е. Крупейченко // Новая экономика. – 2016. – № 1 (67). – С. 181.

Таблица 3.7

Показатели демографической динамики в Республике Беларусь

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность населения на начало года, тыс. чел.	10 189	10 210	10 003	9697	9500	9481	9465	9464	9468	9481	9498	9505	9492
Доля женского населения в общей его численности, %	53,1	53,2	53,1	53,3	53,5	53,5	53,5	53,5	53,5	53,5	53,5	53,4	53,4
Число браков, тыс.	99,2	77,0	62,5	73,3	77,0	86,8	76,2	87,1	83,9	82,0	64,5	66,2	—
Число разводов, тыс.	35,0	42,1	43,5	30,5	36,7	38,6	39,0	36,1	34,9	33,0	32,6	32,0	—
Суммарный коэффициент рождаемости	1,913	1,406	1,317	1,252	1,494	1,515	1,620	1,668	1,696	1,724	1,733	1,541	—
Родившихся на 1000 чел. населения	14,0	9,9	9,4	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5	12,5	12,5	12,4	10,8	—
Умерших на 1000 чел. населения	10,8	13,1	13,5	14,7	14,4	14,3	13,4	13,2	12,8	12,6	12,6	12,6	—
Коэффициент депопуляции	0,8	1,3	1,4	1,6	1,3	1,2	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	1,2	—
Миграционный прирост на 1000 чел. населения, чел.	—	—	—	1,9	1,1	1,0	1,0	1,2	1,7	1,9	0,8	0,4	—
Средний возраст населения на начало года, лет	35,1	36,0	37,3	38,5	39,5	39,6	39,7	39,8	39,9	40,0	40,1	40,2	—
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	71,1	68,6	68,0	68,8	70,4	70,6	72,2	72,6	73,2	73,9	74,1	74,4	—
Доля городского населения в общей его численности, %	66,1	67,9	69,7	71,8	74,5	75,1	75,8	76,3	76,8	77,3	77,6	77,9	78,1
Доля населения в возрасте моложе трудоспособного, %	24,5	23,5	20,6	17,3	15,9	16,0	16,1	16,4	16,7	17,0	17,3	17,6	17,7
Доля населения в трудоспособном возрасте, %	55,9	55,5	57,9	61,2	61,6	61,2	60,7	60,0	59,4	58,6	57,9	57,1	57,2
Доля населения в возрасте старше трудоспособного, %	19,6	21,0	21,5	21,5	22,5	22,8	23,2	23,6	23,9	24,4	24,8	25,3	25,1
Коэффициент демографической нагрузки	0,790	0,802	0,727	0,634	0,625	0,634	0,647	0,664	0,684	0,705	0,727	0,750	0,747

Составлено автором по источнику: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

На этом фоне радикальное снижение детской смертности также оборачивается последовательным ухудшением генофонда.

Снижение рождаемости усилил кризис института семьи, сопровождаемый изменениями в репродуктивном поведении: сокращение числа заключаемых браков, около половины из которых затем распадается, каждый пятый ребенок рождается у матерей, не состоящих в браке. С начала 1990-х гг. среди населения сложился и укрепился как норма образ однодетной семьи, что было обусловлено невозможностью иметь желаемое количество детей из-за материальной и жилищной необеспеченности, поскольку появление еще одного ребенка повышает вероятность снижения уровня и качества жизни.

Снижение рождаемости в Беларуси протекает на фоне высоких показателей смертности. Несмотря на то, что за последнее десятилетие в стране достигнут значительный прогресс в снижении смертности населения – 12,6 человек на 1000 населения в 2017 г. – Беларусь пока еще существенно отстает по этому показателю от развитых стран. Так, в Великобритании, Германии, Франции уровень смертности составляет менее 6 человек на 1000 населения. В соответствии со стандартами ВОЗ смертность, превышающая 10 человек на 1000 населения, квалифицируется как сверхсмертность. Существенную угрозу здоровью нации представляют такие заболевания, как *алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция*. В последние годы Всемирная организация здравоохранения регулярно относит страну к числу «самых пьющих» государств мира и лидеров по уровню суицидов.

Здоровье, понимаемое как состояние физического, психического (душевного) и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни, – важнейший компонент человеческого потенциала, один из базовых факторов и одновременно результат социально-экономической модернизации. Потенциал здоровья нации на макроуровне определяется его запасом у разных категорий населения. Здоровье населения в трудоспособном возрасте требует особого внимания, поскольку данная категория населения является движущей силой экономики и характеризуется тенденцией к абсолютному сокращению ее численности.

Драматично то, что в Беларуси *каждый пятый умирает в трудоспособном возрасте*, а показатели уровня смертности среди мужчин в возрасте 15–60 лет в 3–4,5 раза выше, чем в странах Евро-

пейского союза. Это ведет к сокращению трудовых ресурсов, утрате инвестиций в их формирование (рождение, образование, воспитание будущих работников). По расчетам российских исследователей экономические потери в результате преждевременной смерти населения в экономически активном возрасте¹⁶⁸, в том числе вследствие болезней, по причине употребления алкоголя и наркотиков и из-за внешних факторов (травмы, убийства, самоубийства), по регионам России составляют 8–31% от валового регионального продукта¹⁶⁹.

Ситуация такова, что в свете низкого уровня трудовых доходов значительная часть населения не рассматривает свое здоровье как капитал и не дорожит им. Специалисты отмечают низкую культуру здоровья населения. Это означает, что у многих не сформировано ответственное отношение к здоровью и даже в случаях серьезных проблем отсутствует понимание необходимости обращения к врачу¹⁷⁰. В Беларуси достаточно распространены стратегии самолечения и лечения лекарствами домашнего приготовления в случае возможной болезни.

Статистика показывает, что у населения трудоспособного возраста чаще всего фиксируются болезни эндокринной системы, системы кровообращения и органов пищеварения, несчастные случаи на производстве и профессиональные заболевания, что отражает как недостаточность государственных мер по охране труда, так и низкий уровень самосохранительного поведения работников.

Внешние факторы, не связанные с болезнями, занимают второе место среди всех причин смерти. В 2017 г. на каждые 100 тыс. человек среднего возраста пришлось 137 умерших от болезней системы кровообращения и 96 – от внешних причин¹⁷¹. Самый распространенный «внешний» фактор – самоубийство. Люди трудоспособного

---

¹⁶⁸ Экономические потери определялись как произведение потерянных лет жизни в результате преждевременной смерти до 72 лет на ВВП на душу населения в возрасте 15–72 года, в процентах к ВВП региона.

¹⁶⁹ Потери от преждевременной смерти в экономически активном возрасте / С. А. Бойцов [и др.] // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85, № 12. – С. 1086–1091.

¹⁷⁰ Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Приграничье: кол. моногр. / Е. С. Мурадян [и др.] – Вильнюс: ЕГУ, 2014. – С. 313.

¹⁷¹ Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2018 / И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 331–332.

возраста чаще совершают самоубийства и травятся алкоголем (25 и 20 случаев на 100 тыс. населения), нежели умирают в дорожных авариях (11 случаев на 100 тыс. населения). При этом смертность среди мужчин в этих случаях значительно выше, чем среди женщин. Уровень смертности мужчин трудоспособного возраста по причине отравлений алкоголем и самоубийств в Беларуси в 2–3 раза выше, чем в европейских странах. Важно отметить и то, что риск умереть от причин, не связанных с болезнями, в сельской местности в 3–3,5 раза выше, чем в городе. Здесь выше, чем в городах, частота отравлений алкоголем, убийств, утоплений и ДТП.

В стране растет доля трудоспособного населения, субъективно оценивающего состояние своего здоровья как плохое. Если по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни 2011 г. на плохое состояние здоровья указали 1–5% трудоспособного населения (в зависимости от возрастной группы), то в 2017 г. – уже 1–9%¹⁷².

Смертность и продолжительность жизни зависят от широкого спектра факторов, в числе которых генетические, природно-климатические и экологические, экономические (безработица, бедность, неравенство) и социальные (образ жизни, политика в области охраны здоровья, качество оказания медицинской помощи). В Беларуси средняя продолжительность здоровой жизни невысока: у мужчин – 58 лет, у женщин – 66 лет – в сравнении, например, со Швецией, где в среднем она составляет 71 год. Несмотря на то, что численность врачей-специалистов и других медицинских работников в Беларуси постоянно растет относительно численности населения, острыми остаются проблемы высокой, в том числе хронической, заболеваемости и смертности трудоспособных граждан. К негативным тенденциям относятся увеличение числа зарегистрированных случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом и числа лиц, впервые признанных инвалидами. Большинство случаев смерти происходит от болезней системы кровообращения, растет число умерших от новообразований, высока смертность от внешних причин (несчастных случаев, дорожно-транспортных происшествий, случайных утоплений,

---

¹⁷² Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – С. 246.

отравлений и т. п.)¹⁷³. Схожая картина наблюдается и в России¹⁷⁴, что указывает на общность исторических и современных ее предпосылок.

Средняя продолжительность жизни в Беларуси составляет около 70 лет (66 лет у мужчин, 78 лет у женщин). *Ожидаемая продолжительность жизни при рождении* в 2017 г. прогнозировалась на уровне 74 года при том, что полстолетия назад – в 1960-х гг. – предстоящая жизнь предполагалась длиной в 72–73 года. По этому показателю современная Беларусь входит во вторую сотню стран мира. Так, отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН составляется рейтинг стран мира по Индексу ожидаемой продолжительности жизни при рождении (The Life Expectancy Index). В этом рейтинге за 2017 г., включающем 228 стран и территорий, Беларусь находится лишь на 143-м месте, при том что жизнь в странах-лидерах достигает 83–89 лет¹⁷⁵.

Общемировой тенденцией является увеличение в населении доли и численности лиц старших возрастов. Этот глобальный процесс, с одной стороны, обусловлен повышением уровня и качества жизни и, как следствие, увеличением продолжительности жизни. С другой стороны, старение населения связано с устойчивым снижением рождаемости в развитых странах.¹⁷⁶ Демографическая стагнация отчетливо проявляется и в странах ЕС и СНГ.

Согласно методологии ООН по глобальной классификации населения, население Беларуси признано «стареющим» с 50-х гг. XX в., когда удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше превысил порог в 7% от численности населения¹⁷⁷. Старение населения является основной тенденцией эволюции возрастной структуры населения на протяжении всего послевоенного периода.

---

¹⁷³ Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2018 / И. В. Медведа [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – С. 331–332.

¹⁷⁴ Тихомирова, Т. Количественные методы оценки состояния и потерь здоровья населения в регионах России / Т. Тихомирова // Федерализм. – 2016. – № 1. – С. 43–64.

¹⁷⁵ The World: Life Expectancy (2017) [Электронный ресурс] // Geoba.se: сайт. – Режим доступа: <http://www.geoba.se/population.php?pc=world&type=15&year=2017&st=rank&asde=&page=3>. – Дата доступа: 01.02.2018.

¹⁷⁶ Более чем в половине стран мира не обеспечивается полное замещение поколений примерно с 2000 г.

¹⁷⁷ Андрияшко, М. Направления программы демографической безопасности 2016–2020 / М. Андрияшко // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 11. – С. 25–30.

По данным переписи 2009 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше превысила 14% и продолжает расти. Одновременно с этим наблюдается сокращение численности лиц трудоспособного возраста. В последние годы статистика констатирует постоянное сокращение притока трудовых ресурсов в экономику Беларуси, в том числе в связи с вступлением в трудоспособный возраст «правнуков» Второй мировой войны и «детей» перестроечных 1990-х гг.

Таким образом, сегодня Беларусь находится в сложной демографической ситуации, обусловленной депопуляцией и старением населения, неблагоприятными изменениями возрастной структуры и ростом демографической нагрузки на трудоспособное население. Согласно же демографическому прогнозу доля населения Беларуси в трудоспособном возрасте до 2020 г. уменьшится до 56%. Прогнозы отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН по этому поводу еще более пессимистичны.

В соответствии с прогнозами через несколько лет в Беларуси проблема, связанная с тем, что активную трудовую жизнь начинают родившиеся в демографической «яме» 1990-х гг., обострится. По расчетам демографов такая тенденция будет сохраняться 15–20 лет, причем темпы ее будут нарастать. В стране прогнозируется рост иждивенческой нагрузки – число нетрудоспособных граждан на 1000 человек трудоспособных увеличится с 705 в 2015 г. до 907 человек в 2030 г.¹⁷⁸ В этой связи может возникнуть угроза снижения налоговых поступлений, выплаты пенсий и социальных пособий.

Демографические проблемы Беларуси усугубляет активизация миграционных процессов. В сфере внутренней миграции в Беларуси продолжается отток населения в крупные города, особенно в столицу страны. Доля городского населения увеличилась с 67% в 1992 г. до 78% в 2017 г., тогда как в России, Украине и Казахстане доля городских жителей за этот период оставалась практически неизменной¹⁷⁹. Пятая часть белорусского населения проживает

---

¹⁷⁸ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь; ГНУ НИИЭ // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja... .pdf>. – Дата доступа: 26.02.2018.

¹⁷⁹ О демографической ситуации в странах Содружества в 2014 г. // Статистика СНГ: стат. бюл. – 2015. – № 4 (547). – С. 9–30.

в столице – г. Минске. Развитие процесса урбанизации ведет к нарастанию дисбалансов в территориальном распределении населения, затрудняющему эффективное использование трудовых ресурсов¹⁸⁰.

Процессы глобализации, с одной стороны, создают для белорусской экономики новые возможности в расширении внешнеэкономической интеграции, с другой стороны, ужесточение конкурентной борьбы за факторы производства, в том числе за человеческий капитал, особо затрагивает Беларусь, неся угрозу потери трудового и интеллектуального потенциала страны. В потоке эмигрантов значителен удельный вес молодых людей в наиболее активном репродуктивном возрасте с высоким уровнем образования (каждый третий имеет высшее образование), что ведет к снижению рождаемости, нарушает режим воспроизводства трудового и интеллектуального потенциала Беларуси. Таким образом, уезжают из страны наиболее подготовленные и мобильные кадры репродуктивного и трудоспособного возраста. В структуре въезжающего населения преобладают лица, имеющие среднее общее образование. Зачастую прибывающие в Беларусь представляют собой неквалифицированную рабочую силу, они не обладают необходимыми для работы в обрабатывающих производствах знаниями и опытом и, по большей части, заняты в торговле, общественном питании, сфере обслуживания населения. В целом международная миграция, увеличивая численность населения страны, оказывает негативное влияние на его образовательно-профессиональную структуру. Растет вероятность того, что проблему обеспечения устойчивого экономического роста Республике Беларусь в перспективе придется решать в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы, а это потребует существенного повышения эффективности ее включения в систему общественного воспроизводства.

Вместе с тем неправомерно было бы все негативные явления в демографическом развитии страны относить только на счет последствий трансформации социально-экономической системы и распада СССР. Анализ динамики социально-демографических процессов в Беларуси за длительный период времени, сравнение его с аналогичными в других странах мира свидетельствует о том, что нынешний демографический кризис имеет и другие причины.

---

¹⁸⁰ В состав трудовых ресурсов включается трудоспособное население в трудоспособном возрасте и работающие лица старше и младше трудоспособного возраста.

По мнению специалистов, демографические проблемы накапливались в стране на протяжении не одного столетия, они отражают влияние долговременных закономерностей и имеют историческую обусловленность¹⁸¹.

Корни современной демографической ситуации гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд. Известно, что алкоголизм и наркомания являются результатом социальных потрясений, вызывающих резкую смену ценностных ориентаций и периодическую потерю авторитета старшего поколения, разрыв связи между поколениями. Деструктивные последствия социальных потрясений состоят не только в разрушении городов и экономики страны, удару подвергаются ценностные ориентиры наций, наследственные накопления, судьбы и психика отдельных личностей. Так, психологи утверждают, что причина невероятно высокого уровня алкоголизации и наркотизации населения Беларуси – в том числе в глубоком военном прошлом предыдущих поколений.

Назначение образования – обеспечение подготовки образованных людей, способных к воспроизведению и развитию общества во всем многообразии его жизнедеятельности с помощью трансляции опыта и знаний, ценностей и норм культуры от поколения к поколению¹⁸².

Для оценки человеческого капитала чрезвычайно важными являются характеристики образованности населения. Аристотель отмечал, что образованный человек отличается от необразованного как живой от мертвого. В современной Беларуси *один из самых высоких в мире уровней образованности населения*. В рейтингах стран мира по индексу образования¹⁸³ (The Education Index)

---

¹⁸¹ Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская думка, 2015. – С. 91; Ватыль, В. Н. Демографическая ситуация в Беларуси: история, современное состояние, тенденции развития / В. Н. Ватыль // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 7–8 апр. 2014 г.). – Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2014. – С. 267–274.

¹⁸² Пушкарева, Е. А. Социальная структура, социальные институты и процессы (модернизация образования) / Е. А. Пушкарева // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 2. – С. 11.

¹⁸³ Статистические возможности измерения качества образования в разрезе государств ограничены, поэтому об уровне образования судят по продолжительности обучения.

ПРООН, используемых для расчета Индекса человеческого развития (The Human Development Index), Беларусь постоянно находится на 20-х позициях¹⁸⁴. По доле лиц, получающих образование, и уровню грамотности взрослого населения (99,6%) страна сопоставима с наиболее развитыми странами Европы. В 2012 г. Беларусь занимала 12-е место в мире по числу золотых медалей, полученных по результатам участия в Международных математических олимпиадах, что указывает на фундаментальность отечественного образования¹⁸⁵. Успешное развитие сектора IT-услуг в Беларуси указывает на высокий уровень технического образования в стране.

В табл. 3.8 представлены данные, свидетельствующие о высоком уровне образования занятого населения. Каждый третий работник имеет высшее образование, каждый четвертый – среднее специальное.

Таблица 3.8

**Уровень образования занятого населения в Республике Беларусь
(% от общей численности занятого населения)**

Уровень образования	2016 г.	2017 г.
Высшее	30,9	31,4
Среднее специальное	23,5	23,2
Профессионально-техническое	29,0	28,6
Общее среднее	15,3	15,4
Общее базовое и начальное	1,2	1,4
Всего	100,0	100,0

Источник: Статистическая база данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belstat.gov.by. – Дата доступа: 26.09.2018.

В общей сложности 55% работников имеют высшее или среднее специальное образование, еще 29% – профессионально-техническое. Проблема заключается в том, что рабочих мест, требующих высшего и среднего специального образования, недостаточно. По данным обследований рабочей силы известно, что 12–15% работников

¹⁸⁴ Рейтинг стран мира по уровню образования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий: информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>. – Дата доступа: 10.01.2018.

¹⁸⁵ International rankings of Belarus [Электронный ресурс] // Wikipedia. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/International_rankings_of_Belarus. – Дата доступа: 26.04.2018.

выполняют работу более низкой квалификации, имеют избыточное образование. Кроме того, эксперты утверждают, что современное техническое образование в Беларуси в основном ориентировано на подготовку специалистов для производств III и IV технологических укладов.

В составе СССР Беларусь отличалась высоким уровнем науки и образования. Однако после распада Советского Союза многие ученые и специалисты стали уезжать на работу в более развитые страны, что, с одной стороны, подчеркивало уровень квалификации белорусских специалистов, с другой, указывало на отсутствие на родине необходимых условий для научной деятельности и реализации интеллектуального потенциала¹⁸⁶. Количество занятых в сфере «наука и научное обслуживание» стабильно и неуклонно сокращается, особенно в части специалистов высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. Сегодня кадровый потенциал белорусской науки составляет всего 27% от уровня начала 90-х гг. прошлого века¹⁸⁷. Белорусскую науку покидают прежде всего исследователи самых продуктивных возрастов, а направляемая по распределению в научные организации молодежь уходит из-за отсутствия мотивации к выбору научной деятельности в качестве профессии. Состояние кадрового потенциала белорусской науки не в полной мере соответствует целям и задачам инновационного развития Беларуси не только по кадровому составу, но и по отраслевой структуре и специализации¹⁸⁸.

ОБРАЗ УЧЕНОГО

«... Сейчас у нас в стране нет образа ученого. У нас был образ революционного ученого, это такой Павлов с бородой и в пенсне, который одновременно не признает ни царя, ни большевиков, с очень жесткой этикой, эдакий аристократ университета. Был образ советского ученого: немного взъерошенный, с чертежами, который что-то открывает

---

¹⁸⁶ Котляров, И. Евразийская интеграция в социологическом измерении / И. Котляров // Thesaurus. – 2016. – Вып. III. – С. 17.

¹⁸⁷ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 30.

¹⁸⁸ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 30.

и запускает (в 60-е годы ученые вместе с космонавтами стали частью новой мифологии). Был образ ученого девяностых – несчастный подвижник в рваном пиджаке брежневской эпохи, который в разрушенном институте что-то открывает, постепенно утекают его мозги на Запад... А сейчас нет образа. Это кто, сколько ему лет, как он одет?

...Конечно, в нынешнее время статус ученого высок – их действительно уважают, но в то же время разве это престижная профессия, куда стоит идти? ... Главные герои нынешнего дня как-то совсем не ученые...»

Источник: От изобретения к повседневности // Знак вопроса. – 2015. – № 3. – С. 17.

Живущее поколение людей – наследники опыта предыдущих поколений. Каждая нация и каждое государство имеют свои исторические и социокультурные ценности и особенности, в совокупности формирующие их *цивилизационный (культурный) код*. «Он представляет собой отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных архетипов, образов и ценностей, характеризующих его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки. Именно культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения»¹⁸⁹.

Исследователи отмечают, что белорусы, склонные к семейным ценностям, локальному кругу доверия, сочетанию коллективизма и индивидуализма, в целом отличаются высокими духовно-нравственными, но менее развитыми рационально-деятельными качествами, на что указывают невысокая социокультурная активность населения и экономические стереотипы, бытующие в обществе¹⁹⁰. Экономические стереотипы представляют собой устойчивые программы поведения людей в сфере производства, распределения и потребления материальных и духовных благ. Современное белорусское общество выражает приверженность

---

¹⁸⁹ Бабосов, Е. Культурный код нации: сущность и особенности / Е. Бабосов // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – С. 50.

¹⁹⁰ Культурный, экономический и финансовый «коды» белорусов: социологическое измерение [Электронный ресурс] // Сайт Даследчага цэнтра ІІМ. – Режим доступа: http://kef.research.by/webroot/delivery/files/kef2017_slides/KEF2017Nov2p2Lashuk_RUS.pdf. – Дата доступа: 01.02.2018; Канашиевич, Н. М. Культурная среда хозяйственной деятельности как фактор социального развития / Н. М. Канашиевич // Thesaurus. – 2015. – Вып. 1. – С. 82–85.

рыночным ценностям. Вместе с тем белорусам свойственны: патернализм; избегание риска; сдержанное отношение к частной собственности; в большей мере негативное или неопределенное отношение к предпринимательству; угасание рыночных ценностей с возрастом; боязнь значительных изменений и революций¹⁹¹. Доминирование психологии патернализма и социального иждивенчества, деперсонализация ответственности за свою жизнь определяют характер общественных отношений и образ жизни населения¹⁹².

Дефицит предприимчивых людей в Беларуси предопределен исторически, поскольку ни многовековая история ее существования в составе Российской империи с крепостным населением, ни длительный советский период не способствовали массовому появлению энергичных активных людей, ориентированных на свободное экономическое поведение. Поэтому значительная часть населения Беларуси ментально ориентирована на наемные формы трудовой деятельности, а не на самостоятельные и самодостаточные формы жизнеобеспечения, что обусловлено отсутствием у многих поколений частной собственности, опыта ведения бизнеса и, соответственно, низкой бизнес-культурой общества. Поэтому в структуре доходов населения Беларуси доходы от предпринимательской деятельности стабильно невысоки (около 8%), а преобладают оплата труда и социальные трансферты (более 85%).

«В общественном сознании трудолюбие утвердилось как традиционное нравственное качество белорусов: оно подразумевает привычку к труду (працавітасць), активное отношение к миру, умение осваивать различные виды и способы деятельности, стремление к максимальной продуктивности, эффективности, производительности, постоянное движение к другим вершинам»¹⁹³.

---

¹⁹¹ Культурный, экономический и финансовый «коды» белорусов: социологическое измерение [Электронный ресурс] // Сайт Даследчага цэнтра ШІМ. – Режим доступа: http://kef.research.by/webroot/delivery/files/kef2017_slides/KEF2017Nov2p2Lashuk_RUS.pdf. – Дата доступа: 01.02.2018; Канашевич, Н. М. Культурная среда хозяйственной деятельности как фактор социального развития / Н. М. Канашевич // *Thesaurus*. – 2015. – Вып. 1. – С. 82–85.

¹⁹² Комарова, И. К. Аксиологические факторы развития Беларуси в эпоху глобальных перемен / И. К. Комарова // *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. – 2017. – № 3. – С. 4–13.

¹⁹³ Комарова, И. К. Аксиологические факторы развития Беларуси в эпоху глобальных перемен / И. К. Комарова // *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. – 2017. – № 3. – С. 11.

БЕЛОРУС
(Илья Репин, 1882 г.)

Перед нами уверенный в себе юноша с осторожной, слегка застенчивой улыбкой на лице. Кафтан подвязан праздничным зеленым кушаком, под кафтаном виднеется розовая рубаха, явно также предназначенная для особых случаев. Черные, вьющиеся волосы, румянец на все щеки, светлые усы (несомненно, предмет гордости их обладателя). Во взгляде героя столько наивного любопытства, жизненной энергии, веселья, что зрителю становится ясно – перед ним, без сомнения, счастливый человек.

Источник: Белорус, Илья Ефимович Репин, 1882 [Электронный ресурс] // Музеи мира: сайт. – Режим доступа: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1353-belorus-ilya-efimovich-repin-1882.html. – Дата доступа: 10.10.2018.

Социологические исследования показывают, что трансформация политической и экономической системы в стране после 1991 г. привела к появлению новых отличительных черт в сфере труда¹⁹⁴.

В Беларуси работники преследуют две стратегии в сфере труда: традиционную, характерную для старшего поколения, выражающуюся в стремлении обеспечить приемлемый, принятый в обществе стандарт жизни, и свойственную для молодого поколения стратегию максимизации труда, соответствующую рыночным условиям и выражающуюся в том, чтобы работать более интенсивно для обеспечения как можно более высокого стандарта жизни. При этом у работников присутствует убежденность в том, что

¹⁹⁴ Таранова, Е. В. Факторы трудовой мотивации белорусов / Е. В. Таранова // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 440.

добросовестный труд и богатство не связаны между собой¹⁹⁵. Несмотря на то, что значительная часть населения Беларуси приветствует наемный труд (94% занятых – наемные работники), главным источником богатства в глазах граждан выступает вовсе не труд, а личные связи, многие рассчитывают на элементарное везение¹⁹⁶.

ТРУД КАК ИСТОЧНИК БОГАТСТВА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ (Республика Беларусь, 2014 г.)

Социологические опросы призваны фиксировать общественное мнение. Периодические опросы дают «картину», которая представлена в таблице:

Распределение ответов на вопрос: «Что чаще всего, по Вашему мнению, ведет к богатству?», % (возможно более одного ответа)

Вариант ответа	1993	2007	2008	2009	2014
Личные связи	72,4	42,9	47,1	45,7	47,0
Нечестность	56,3	15,5	24,7	22,4	21,8
Труд	36,6	68,2	59,0	63,4	44,3
Талант	32,2	34,9	25,2	24,0	24,5
Везение	29,6	39,1	34,1	39,6	38,2
Образование	22,2	37,6	31,8	32,7	26,2

На первое место в качестве источника богатства вышли личные связи, потеснившие труд, что свидетельствует о падении ценности последнего. Заметно обесценилось образование. Вера в труд как источник богатства в среде пенсионеров значительно выше, чем в среде молодежи: 52,4% против 39,4%. Парадокс наблюдается и по отношению к образованию. В его роль верят 45,7% белорусов с начальным образованием и лишь 26,3% – с высшим. Значение таланта в достижении богатства последние годы также заметно снизилось. Таким образом, наблюдается девальвация ценности труда и образования, снижение значимости в глазах общества таланта в качестве вероятного источника богатства.

Источник: Мониторинг общественного мнения в Беларуси. Декабрь 2014 // ISEPS NEWS. Analytical Bulletin of Independent Institute of Socio-Economic and Political Studies. – 2014. – № 4. – С. 14.

¹⁹⁵ Таранова, Е. В. Факторы трудовой мотивации белорусов / Е. В. Таранова // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 440.

¹⁹⁶ Мониторинг общественного мнения в Беларуси. Декабрь 2014 // ISEPS NEWS. Analytical Bulletin of Independent Institute of Socio-Economic and Political Studies. – 2014. – № 4. – С. 14.

Резюмируя представленные выше оценки, следует констатировать уменьшение численности человеческих ресурсов, ослабление человеческого потенциала (психофизиологического, ценностного, образовательного), сжатие контингента населения, занятого в экономике, в совокупности ведущие к сокращению человеческого капитала, подтверждаемому отрицательной динамикой производительности труда и валового внутреннего продукта. Преодоление этих тенденций требует первоочередной корректировки системы ценностей белорусов, в том числе в части формирования мотивации к высокопроизводительному и инновационному труду.

3.3. Институциональный капитал

История развития человеческого общества – это история развития его институтов. Институты – фундамент модели функционирования любого государства. Реальная экономика воспроизводится через деятельность не просто институтов, а конкретной, структурированной их совокупности. Именно институты в их иерархии и субординации, задевая различные уровни интересов населения и других экономических субъектов, задают степень использования эффективности имеющихся в стране ресурсов, определяют уровень и качество жизни населения.

Исследования Всемирного банка подводят к выводу – институциональный капитал является неоспоримой частью национального богатства¹⁹⁷ и, как следствие, значимым фактором национальной

---

¹⁹⁷ Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Sustainable Development [Электронный ресурс] / A. Kunte [at al.]; Wash. World Bank. – 1998. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/555261468765258502/Expanding-the-measure-of-wealth-indicators-of-environmentally-sustainable-development>. – Дата доступа: 10.10.2018; Estimating National Wealth: Methodology and Results [Электронный ресурс] / A. Kunte [at al.]; Wash. World Bank. – 1998. – Режим доступа: https://millenniumindicators.un.org/unsd/envAccounting/ceea/archive/Framework/Kunte_etal_1998.PDF. – Дата доступа: 01.03.2018; Hamilton, K. Sustaining Economic Welfare: Estimating Changes in Wealth Per Capita [Электронный ресурс] / K. Hamilton; World Bank. – 2000. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/ru/575961468739146017/pdf/multi-page.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2018; The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – Режим доступа: <https://siteresources.worldbank.org/EN-VIRONMENT/Resources/Changing-WealthNations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2018.

конкурентоспособности и экономического роста. Обращаясь к отечественным реалиям, отметим, что многие эксперты указывают, с одной стороны, на постепенное улучшение институциональной среды в Беларуси, с другой – на необходимость интенсификации этого процесса для повышения национальной конкурентоспособности. В этом контексте необходимым представляется поиск подходов к оценке качества национальных институтов, позволяющих выделить достижения, которые необходимо поддерживать и улучшать, и проблемы, которые важно преодолевать для повышения конкурентоспособности и укрепления позиций страны в мире.

Оценить качество институтов непросто, а предлагаемые экспертами подходы к оценке, как правило, дискуссионны. В последнее время все большую популярность набирает рейтинговый подход. Количество мировых рейтингов, характеризующих различные институциональные аспекты конкурентоспособности стран, постоянно растет¹⁹⁸. Интенсивное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации позволило многим международным и неправительственным организациям начать проведение разнообразных исследований в масштабах мирового сообщества, используя базы данных и источники информации, расположенные в разных странах на всех континентах, привлекая международные и национальные команды экспертов. Рейтинги призваны оценивать, измерять и сравнивать успехи государств в различных областях. В идеале они должны служить основой для выработки конкретных практических рекомендаций, направленных на достижение определенных целей по улучшению положения стран на международной арене. Существует мнение о том, что многочисленные рейтинги, происходящие преимущественно из нескольких западных стран, субъективны и используются в качестве «инструмента внешнеполитического и внешнеэкономического влияния»¹⁹⁹, при этом «уровень научной рефлексии о методологии, репрезентативности, практической применимости дан-

---

¹⁹⁸ Индексы развития государств мира: справочник / О. Т. Гаспарян [и др.]; под ред. Ю. А. Нисневича; Нац исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 247 с.

¹⁹⁹ Иванов, В. Г. «ChartsPower» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия / В. Г. Иванов. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.

ных рейтингов с точки зрения изучения феномена мягкой силы остается недостаточным»²⁰⁰, рейтинговый «гипноз» как инструмент «мягкой» силы позволяет воздействовать на экономику стран и их внешнеполитический имидж. Любое государство неизбежно сталкивается с проблемой национальной конкурентоспособности, и имидж государства может стать определяющим в этом процессе. От имиджа государства зависит его привлекательность для внешних инвесторов, успешность внешнеполитического диалога.

Необходимость формирования позитивного имиджа Беларуси декларирована в программе социально-экономического развития Беларуси на 2016–2020 гг. В этой связи автор считает оправданным обращение к рейтингам авторитетных организаций для оценки качества институтов и имиджа страны в мировом пространстве. Отмечая наличие объективных и субъективных факторов, затрудняющих составление и последующее использование рейтингов и определяющих критичное восприятие рейтингов как релевантных источников информации, автор полагает, что их разнообразие, тем не менее, позволяет «получать относительно разностороннее и комплексное видение ситуации»²⁰¹.

Ознакомление с международными рейтингами и методологией их составления позволило выбрать ряд авторитетных рейтинговых проектов, позволяющих оценить качество институциональной среды. Важным критерием для отбора рейтингов было наличие статей, опубликованных в ведущих международных научных периодических изданиях, где используются эмпирические данные, предлагаемые разработчиками соответствующего индекса.

Аналитическим инструментом комплексной оценки качества институтов, базирующейся на отобранных рейтингах, выступает авторская методика институционального PEST-анализа. В теории управления PEST-анализ является одним из широко используемых подходов к оценке макросреды функционирования субъектов хозяйствования. Получивший развитие с 60-х гг. прошлого столетия PEST-анализ – инструмент стратегического планирования, в его названии зашифрованы изучаемые компоненты – предназначен для выявления политических (Political), экономических

---

²⁰⁰ Юдин, Н. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» / Н. Юдин // Международная жизнь. – 2018. – № 7. – С. 112–123.

²⁰¹ Харитонова, Е. М. Эффективность «мягкой силы»: проблемы оценки / Е. М. Харитонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 51.

(Economic), социальных (Social) и технологических (Technological) аспектов внешней среды. Логично предположить, что макросреда функционирования субъектов хозяйствования есть не что иное как институциональная среда, формирующая «правила игры». Отсюда структурный подход PEST-анализа вполне применим для оценки качества отечественных институтов в условиях глобальных политических, экономических, технологических и социальных изменений, трансформирующих мировое сообщество.

PEST-анализ институциональной среды, технология которого предложена ниже, – удобный инструмент для понимания положения страны в мире и ее потенциала. Он позволяет оценить уровень развития в стране различных институтов на фоне внешнего окружения, выделить наиболее значимые достижения и проблемы. В концепции институционального PEST-анализа термин «институт» используется для обозначения разного рода формализованных отношений, упорядочивающих общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности общества, разделяемых на политические институты (P), экономические институты (E), социальные институты (S), инновационно-технологические институты (T).

Для оценки качества институтов была выполнена *условная группировка* мировых рейтингов на следующие: 1) преимущественно показывающие состояние политических институтов; 2) преимущественно отражающие развитие экономических институтов; 3) преимущественно иллюстрирующие положение дел в социальной сфере; 4) преимущественно характеризующие инновационность среды и развитие технологий.

Важно подчеркнуть, что благонамеренное стремление разработчиков рейтингов в погоне за комплексностью и многофакторностью охватить как можно большее количество параметров во многих случаях приводит к пересечению различных рейтингов по составу индикаторов. Поэтому совокупность отобранных в монографии рейтингов не исключает дублирования (пересечения интегральных показателей различных рейтингов в части отражаемых аспектов и используемых индикаторов), противоречивости и тенденциозности отдельных исследовательских проектов. Вместе с тем широта спектра используемых рейтингов позволяет усреднить оценки и получить достаточно объективную картину общего состояния институциональной среды.

При выполнении институционального анализа в качестве «естественного» фона целесообразно взять круг сопредельных

с Беларусью стран, расположенных по ее периметру (Россию, Украину, Литву, Латвию и Польшу), представляющих как СНГ, так и ЕС. Геополитическое соседство, культурно-историческая близость Беларуси и этих стран обусловили взаимодействие и некоторую взаимообусловленность сопредельных экономик. Вместе с тем, будучи независимыми, государства самостоятельно формировали и развивали свои институты, качество которых в значительной мере определяет конкурентоспособность национальных экономик.

Технология институционального PEST-анализа предусматривает реализацию трех этапов исследования, которые обеспечивают оценку качества отечественных институтов на фоне сопредельных стран.

Первый этап выполняется отдельно по каждой из четырех групп рейтингов (характеризующих политические, экономические, социальные либо инновационно-технологические институты) и предполагает:

– расчет усредненных рейтинговых позиций Беларуси и сопредельных стран (x_i). При этом, ставя цель получения не высокоточной, а лишь «прикидочной» оценки, автор считает допустимым использование простой средней арифметической величины;

– расчет индексов качества институтов для каждой из стран (I_i) по изучаемой группе институтов на основе их усредненных рейтинговых позиций:

$$I_i = \frac{x_{\max} - x_i}{x_{\max} - 1}.$$

В формуле $x_{\max}$ – общее количество стран и территорий. Поскольку различные рейтинги отличаются количеством вошедших в них стран, то, придерживаясь принятого в спорте подхода (в турнирных таблицах очки набирают лучшие атлеты), в расчетах предлагается учитывать число оформившихся государств мира, опираясь при этом на классификацию Всемирного банка, включающую 216 стран и территорий. Отсюда $x_{\max}$ следует принять равным 216.

Выводы по первому этапу формулируются исходя из следующего положения: чем меньше усредненная позиция страны и выше индекс качества институтов в той или иной группе рейтингов, тем более развиты соответствующие институты.

Второй этап ориентирован на интеграцию результатов, полученных по четырем группам рейтингов, и предусматривает:

– расчет интегрального индекса качества институциональной среды для каждой страны ($\bar{I}_i$) как среднегеометрической величины из индексов качества институтов по отдельным группам:

$$\bar{I}_i = \sqrt[4]{\prod I_i};$$

– формирование институционального профиля страны в виде гистограммы, отражающей ее позиции в отобранных рейтингах;

– построение PEST-контуров институционального дизайна Республики Беларусь и сопредельных стран в виде радиальной диаграммы, отражающей индексы качества политических, экономических, социальных и инновационно-технологических институтов.

На третьем этапе предусматривается анализ институционального профиля Республики Беларусь, индексов качества ее институтов и PEST-контур институционального дизайна по сравнению с сопредельными странами в целях вычленения институтов, способствующих или препятствующих росту национальной конкурентоспособности, определения приоритетных направлений повышения качества отечественной институциональной среды.

Ниже представлены последние доступные нам сведения о положении стран в ключевых международных рейтингах, характеризующих различные составляющие институциональной среды.

Обращаясь к характеристике *политического ландшафта*, целесообразно подчеркнуть, что политический процесс представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима, эффективности управления и соблюдения прав человека – фиксируемую политическими институтами, касающимися правил получения и передачи государственной власти²⁰². Качество политических институтов может быть оценено на основе рейтинговых проектов, представленных в табл. 3.9, при обращении к которым не лишним будет придерживаться принципа разумной осмотрительности, учитывая возможную ангажированность международных организаций в отношении отдельных стран.

---

²⁰² Балацкий, Е. В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения / Е. В. Балацкий // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 2. – С. 146.

Таблица 3.9
Международные рейтинги, характеризующие качество политических институтов

Название рейтингового проекта	Условное обозначение проекта	Позиция в рейтинге						Топ-5 рейтинга
		Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рейтинг 2018 г. по Индексу политических трансформаций (Status-Index Political Transformation 2018) фонда Бертельсманна и мюнхенского Центра исследования прикладной политики (Германия)	BET-2018	85	81	36	4	9	11	Уругвай, Эстония, Тайвань, Литва, Чехия
Рейтинг 2018 г. по Индексу эффективности государственного управления (Management-Index 2016) фонда Бертельсманна и мюнхенского Центра исследования прикладной политики (Германия)	ВМІ-2018	105	105	49	5	8	18	Эстония, Уругвай, Чили, Тайвань, Литва
Рейтинг 2017–2018 гг. по Индексу верховенства закона (The Rule of Law Index) Международной неправительственной организации World Justice Project	RLI-2017–2018	65	89	77	–	–	25	Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды
Рейтинг 2018 г. по общественной безопасности – анти-рейтинг к рейтингу по Индексу преступности для страны (The Crime Index for Country) интернет-портала Numbeo	CIC-2018	17	60	82	34	39	28	Япония, Катар, Сингапур, ОАЭ, Грузия
Рейтинг 2017 г. по Индексу демократии стран мира (The Democracy Index 2017) исследовательского центра The Economist Intelligence Unit (Великобритания)	DI-2017	138	135	83	37	40	53	Норвегия, Исландия, Швеция, Новая Зеландия, Дания
Рейтинг 2017 г. по состоянию свободы (Freedom in the World) Международной правозащитной организации Freedom House	FW-2017	179	180	108	39	54	51	Финляндия, Норвегия, Швеция, Канада, Нидерланды

Окончание табл. 3.9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рейтинг 2018 г. по Всемирному индексу свободы прессы (World wide Press Freedom Index 2018) Международной неправительственной организации «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders)	WPFI-2018	155	148	101	36	24	58	Норвегия, Швеция, Нидерланды, Финляндия, Швейцария
Рейтинг 2018 г. по Индексу политической глобализации (2018 KOF Index of Political Globalization) Швейцарского экономического института (KOF Swiss Economic Institute)	KOFP-2018	70	28	30	59	95	21	Италия, Франция, Германия, Испания, Соединенное Королевство
Антирейтинг к рейтингу 2018 г. по Индексу хрупкости государств (The Failed States Index 2018) независимой общественной организации The Fund for Peace и журнала Foreign Policy (США)	FSI-2018	82	110	93	27	37	31	Финляндия, Норвегия, Швейцария, Дания
Рейтинг миролюбия 2018 года (Global Peace Index 2018) Института экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) Сиднейского университета (Австралия)	GPI-2018	101	154	152	36	31	32	Исландия, Новая Зеландия, Австрия, Португалия, Дания
Рейтинг лучших стран 2017 г. (The Good Country Index 2017), проект Симона Анхольта (Великобритания)	GCI-2017	78	65	54	42	41	30	Нидерланды, Швейцария, Дания, Финляндия, Германия
Усредненная рейтинговая позиция (без ВЕТ-2018 и ВМІ-2018)	<i>P</i>	98	108	87	39	45	41	Страны Западной и Северной Европы
Индекс качества политических институтов	<i>I_p</i>	0,55	0,50	0,60	0,82	0,80	0,81	

Источник: составлено автором по данным мировых рейтингов.

Фондом Бертельсманна совместно с Центром исследования прикладной политики (Мюнхен) составляются рейтинги стран, находящихся в стадии развития, по индексам политических трансформаций и качества управления, измеряющим уровень развития демократии и качества государственного управления и его динамику за последние пять лет. В 2018 г. в *рейтинге по Индексу политических трансформаций* лидируют Уругвай, Эстония, Тайвань, Литва, Чехия. Латвия и Польша занимают 49-ю и 11-ю позиции соответственно, Украина – 36-ю, Россия – 81-ю. Беларусь находится на 85-м месте после Кувейта, Мозамбика, Иордании перед Мавританией, Анголой и Ганой²⁰³. В *рейтинге по Индексу эффективности государственного управления* первенствуют Эстония, Уругвай, Чили, Тайвань, Литва. Латвия, Польша и Украина занимают 8, 18 и 49-ю позиции соответственно. Беларусь с Россией делят 105-ю позицию, располагаясь между Лесото, Оманом, Бахрейном и Пакистаном, Камеруном, Гаити²⁰⁴. Рейтинги указывают на слабую интенсивность политических преобразований в Беларуси и России в сравнении с группой сопредельных стран, вошедших в ЕС.

Международная неправительственная организация World Justice Project составляет *рейтинг верховенства закона*, который основывается на оценках экспертов, а также опросах общественного мнения. Составители рейтинга учитывают такие ключевые показатели, как отсутствие коррупции, порядок и безопасность, ограничение полномочий институтов власти, прозрачность институтов власти, защита основных прав, соблюдение законов, гражданское правосудие, уголовное правосудие. Составители рейтинга учитывают показатели, характеризующие отсутствие коррупции, защиту основных прав, соблюдение законов. В рейтинг 2017–2018 гг. включены 113 стран. В пятерку лидеров вошли Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды. Литва и Латвия в рейтинге отсутствуют, Польша занимает 25-ю позицию, Россия и Украина – 77-ю и 89-ю. Беларусь расположилась

---

²⁰³ Status-Index [Электронный ресурс] // Bertelsmann Stiftung: сайт. – Режим доступа: <https://www.bti-project.org/en/index/status-index/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁰⁴ Management-Index [Электронный ресурс] // Bertelsmann Stiftung: сайт. – Режим доступа: <http://www.bti-project.org/en/index/management-index/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

выше России и Украины на 65-й после Индии, Индонезии, Казахстана перед Малави, Марокко, Албанией²⁰⁵.

Снижение уровня преступности и повышение уровня безопасности является одной из наиболее авторитетных задач общества. По данным интернет-портала Numbeo в мировом рейтинге 117 стран по *Индексу общественной безопасности* в 2018 г. лидируют Япония, Катар, Сингапур, ОАЭ, Грузия. В группе рассматриваемых стран первенствует Беларусь с 17-м местом в рейтинге между Словенией, Арменией, Оманом и Хорватией, Чехией, Нидерландами. Польша, Литва и Латвия занимают 28, 34 и 39-ю позиции, Россия и Украина – 60 и 82-ю²⁰⁶.

Историческая неизбежность ведет все страны к рыночной демократии²⁰⁷, однако происходит это с разной скоростью²⁰⁸. Исследовательским центром The Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist) составляется *рейтинг по Индексу демократии стран мира*, который измеряет уровень демократии внутри государства и основан на методологии экспертных оценок и результатах опросов общественного мнения из соответствующих стран, характеризующих состояние 60 ключевых показателей, сгруппированных в пять основных категорий: избирательный процесс и плюрализм; деятельность правительства; политическое участие; политическая культура; гражданские свободы. В рейтинге 2017 г., включающем 167 стран, первые позиции занимают Норвегия, Исландия, Швеция, Новая Зеландия, Дания. Литва, Латвия и Польша находятся на 37, 40 и 53-й позициях соответственно и отнесены к странам с несовершенной демократией, Украина – на 83-м месте в группе стран с гибридным режимом. Россия со 135-м местом и Беларусь со 138-м (между Зимбабве, Гвинеей

---

²⁰⁵ World Justice Project Rule of Law Index 2017–2018 [Электронный ресурс] // World Justice Project: сайт. – Режим доступа: https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP_ROLI_2017-18_Online-Edition.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁰⁶ Crime Index for Country 2018 Mid-Year [Электронный ресурс] // Numbeo: сайт. – Режим доступа: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp. – Дата доступа: 10.10.2018.

²⁰⁷ Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2005. – 588 с.

²⁰⁸ Вельцель, К. Рождение свободы / К. Вельцель – М.: ВЦИОМ, 2017. – 404 с.; «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]. – Минск: Звезда, 2017. – 367 с.

и Китаем, Вьетнамом, Казахстаном) относятся к авторитарным странам²⁰⁹.

Международная правозащитная организация Freedom House составляет *рейтинг стран мира по состоянию свободы*, разделяющий все страны по принципу обеспечения политических и гражданских свобод на «свободные», «частично свободные», «несвободные». В этом рейтинге 2017 г. из 210 государств лидируют соответственно Финляндия, Норвегия, Швеция, Канада и Нидерланды. Литва, Польша и Латвия определены на 39, 51 и 54-ю позиции и отнесены к группе свободных стран. Украине досталось 108-е место в рейтинге и она вошла в группу частично свободных стран. Беларусь, отнесенная к группе несвободных стран, размещена на 179-й позиции следом за Гамбией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Вьетнамом и перед Россией (180-я позиция), Бурунди и Конго.²¹⁰

Одним из главных признаков демократического устройства общества является свобода слова. Международной неправительственной организацией «Репортеры без границ» ежегодно составляется *рейтинг стран по Всемирному индексу свободы прессы*. Индекс оценивает степень свободы, которой журналисты и информационные организации, включая печатные, вещательные и онлайн-вые средства массовой информации, пользуются в той или иной стране, а также усилия властей по обеспечению уважения к этой свободе. Лидируют в рейтинге 2018 г. из 180 стран Норвегия, Швеция, Нидерланды, Финляндия, Швейцария. Латвия, Литва, Польша находятся на 24, 36 и 58-м местах соответственно и входят в группу свободных стран. Украина со 101-м местом в рейтинге снова вошла в группу частично свободных стран. Беларусь, следуя за Свазилендом, Брунеем, Конго и опережая Руанду, Турцию и Казахстан, занимает низкую 155-ю позицию и вместе с Россией (148-я позиция) относится к группе несвободных стран.²¹¹

---

²⁰⁹ Democracy Index 2017. Free speech under attack. A report by The Economist Intelligence Unit [Электронный ресурс] // The Economist. Intelligence Unit: сайт. – Режим доступа: http://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2017.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²¹⁰ Freedom House: Freedom in the World 2017 [Электронный ресурс] // Freedom House: сайт. – Режим доступа: <https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>. – Дата доступа: 29.09.2018.

²¹¹ 2018 World press freedom index [Электронный ресурс] // Reporters Without Borders: сайт. – Режим доступа: <https://rsf.org/en/ranking#>. – Дата доступа: 29.09.2018.

Организация Freedom House составляет также *рейтинг стран по свободе интернета*. В рейтинге 2017 г. из 65 стран самыми свободными названы Исландия, Эстония, Канада, Германия, США. Украина, занимая 35-ю позицию, отнесена к частично свободным странам, Беларусь и Россия с 48-й и 51-й позициями – к несвободным²¹². Литва, Латвия и Польша в этом рейтинге не представлены.

Швейцарским экономическим институтом рассчитывается *Индекс политической глобализации*, характеризующий степень интеграции той или иной страны в мировое пространство. В мировом рейтинге по этому индексу 2018 г., включающем 209 стран, первые позиции принадлежат Италии, Франции, Германии, Испании, Соединенному Королевству. Польша получила 21-е место, Россия – 28-е, Украина – 30-е, Литва – 59-е, Латвия – 95-е. Беларусь позади Ирландии, Сальвадора, Парагвая занимает 70-ю позицию в рейтинге, предшествуя Камеруну, Боливии, Вьетнаму.²¹³

Независимой общественной организацией The Fund for Peace, специализирующейся на изучении причин, вызывающих войны, и предпринимающей усилия по их предотвращению, совместно с журналом Foreign Policy составляется *рейтинг стран по Индексу хрупкости государств*. Индекс позиционируется как сравнительный инструмент для оценки риска и прогнозирования внутригосударственных конфликтов, характеризующий способность властей контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране. В рейтинге 2018 г. из 178 стран *по прочности государства*²¹⁴ лидируют Финляндия, Норвегия, Швейцария, Дания, признаваемые как очень стабильные. Литва размещена на 27-м месте, войдя в группу очень стабильных стран (very stable), Польша и Латвия – на 31-м и 37-м местах и относятся к группе достаточно стабильных стран (more stable). Беларусь в этом рейтинге находится на 82-й

---

²¹² Freedom on the Net 2017 [Электронный ресурс] // Freedom House: сайт. – Режим доступа: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FOTN_2017_Final.pdf. – Дата доступа: 29.09.2018.

²¹³ 2018 KOF Index of Globalization [Электронный ресурс] // KOF Swiss Economic Institute: сайт. – Режим доступа: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>. – Дата доступа: 29.09.2018.

²¹⁴ Обратный рейтинг по отношению к рейтингу стран по Индексу хрупкости государств (Fragile States Index 2018).

позиции между Перу, Саудовской Аравией, Ганой с одной стороны и Сальвадором, Боснией и Герцеговиной, Мексикой с другой. Украина занимает 93-ю позицию, Россия – 110-ю, находясь вместе с Беларусью в группе с растущей опасностью снижения стабильности (elevated warning)²¹⁵.

Институт экономики и мира Сиднейского университета составляет *рейтинг миролюбия стран мира*. Индекс миролюбия измеряет уровень насилия внутри государства и агрессивность его внешней политики на основе 23 качественных и количественных показателей, объединенных в три основные группы: 1) наличие и масштаб конфликтов, в которые вовлечена та или иная страна; 2) уровень стабильности и безопасности внутри государства; 3) уровень милитаризации государства. В рейтинге 2017 г. из 163 стран самой миролюбивой страной мира названа Исландия, далее в лидерах идут Новая Зеландия, Португалия, Австрия, Дания. Латвия, Польша и Литва позиционируются на 31, 32 и 36-м местах и оказываются в группе стран с высоким миролюбием. Беларусь, следуя за Иорданией, Того, Папуа – Новой Гвинеей, располагается на 101-м месте перед Грузией, Руандой и Лесото в группе стран со средним уровнем миролюбия. Украина и Россия расположились на 152-м и 154-м местах в группе государств с крайне низким уровнем миролюбия²¹⁶.

Рейтинг лучших стран, составляемый под руководством Симона Анхольта, являющегося известным разработчиком бренд-имиджей государств, измеряет вклад стран в общее благо для человечества. Рейтинг дает представление о том, насколько различные страны полезны для общего блага, и составляется с целью изменить управленческую культуру в мире, дав понять руководителям государств, что своими решениями они влияют не только на жизнь в своей стране, но и на мировое сообщество в целом. Создатели проекта оценивают страны по 35 показателям из числа подготовленных крупными международными организациями (Всемирный банк, ООН, ЮНЕСКО) в семи категориях: наука и технологии,

---

²¹⁵ Fragile States Index 2018 [Электронный ресурс] // The Fund for Peace: сайт. – Режим доступа: <http://fundforpeace.org/fsi/2018/04/24/fragile-states-index-2018-annual-report/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

²¹⁶ Global Peace Index 2018 [Электронный ресурс] // Institute For Economics & Peace: сайт. – Режим доступа: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/06/Global-Peace-Index-2018-2.pdf>. – Дата доступа: 29.09.2018.

культура, международный мир и безопасность, мировой порядок, планета и климат, процветание и равенство, здоровье и благополучие. В рейтинге 2017 г. лучшей из 163 стран в мире признаны Нидерланды, на втором месте – Швейцария, на третьем – Дания, далее идут Финляндия и Германия. Польша находится на 30-м месте и характеризуется высоким вкладом в культуру (21-я позиция), науку и технологии (23-я позиция). Латвия при общей 41-й позиции имеет 13-е место по науке и технологиям и 17-е – по достижениям в области культуры. Литва с 42-й позицией имеет 16-е место по вкладу в сферу планеты и климата, 18-е – в части науки и технологий. Украина, находясь на 54-м месте, лидирует в сфере науки и технологий, а Россия с 65-й позицией имеет 43-е место по достижениям в части здоровья и благополучия. Беларусь, следуя за Арменией, Китаем и Угандой, разместилась на 78-м месте, опережая Самоа, Бразилию и Эквадор, наибольшую пользу для человечества она приносит в сфере науки и технологий (46-я позиция).²¹⁷

Обобщая анализ рейтингов, характеризующих состояние политических институтов, любопытно подчеркнуть, что в 3/4 рейтингов лидируют (топ-5) страны Западной и Северной Европы (в том числе в 1/2 – государства Северной Европы и в 1/3 – Скандинавские страны). В кругу рассматриваемых стран Литва имеет лучшие позиции в рейтингах по уровню демократии, состоянию свободы и прочности государства, Латвия лидирует по свободе прессы и миролюбию, Польша – в рейтинге лучших стран по степени политической глобализации, Беларусь – по уровню общественной безопасности.

Позиции Беларуси и России в большинстве рейтингов сопоставимы. При этом диапазон позиций Беларуси в различных международных рейтингах весьма широк – от 17-го места по общественной безопасности до 179-го места по состоянию политических и гражданских свобод. Широка вариация позиций и у России – от 28-го места по политической глобализации до 180-го по состоянию политических и гражданских свобод. Украина имеет несколько меньший диапазон позиций в рейтингах по сравнению с Беларусью и Россией – от 30-й по политической глобализации до 152-й по миролюбию. У Литвы, Польши и Латвии при более высоких позициях в большинстве рейтингов размах их вариации меньше в 3–4 раза.

---

²¹⁷ The Good Country Index 2017 [Электронный ресурс] // The Good Country: сайт. – Режим доступа: <https://goodcountry.org/index/overall-rankings>. – Дата доступа: 29.09.2018.

В целом же международные рейтинги показывают, что политические институты в рассматриваемых странах Евросоюза крепче, чем в странах СНГ, что отражают сводные индексы качества политических институтов. Это вполне стыкуется с выводами о глубине трансформаций в политической сфере, сделанными экспертами фонда Бертельсмманна. Беларусь с индексом качества политических институтов 0,55 прошла чуть больше чем полпути до уровня развития институтов передовых стран. Из нашего анализа следует, что ближе всего к ним находится Литва, за ней следуют Польша, Латвия, подальше – Украина, далее всех – Россия.

Переходя к рассмотрению экономического климата, целесообразно упомянуть, что экономические институты определяют права собственности и нормы взаимодействия субъектов экономических интересов. При этом они комплементарны политическим институтам, которые выступают точкой отсчета, задавая исходный системный импульс и предопределяя конструируемые экономические институты. Дать оценку экономического климата страны позволяют следующие рейтинги (табл. 3.10).

Фондом Бертельсмманна совместно с Центром исследования прикладной политики составляется рейтинг государств, находящихся в стадии развития, по *Индексу экономических трансформаций*, измеряющему уровень развития рыночной экономики и его динамику за последние пять лет. В 2018 г. в этом рейтинге из 129 стран лидируют Чехия, Эстония, Тайвань, Словения, Литва (5-е место). Латвия и Польша делят 8-е место, Украина занимает 43-е, Россия – 45-е. Беларусь делит с Гватемалой лишь 77-ю позицию, следуя за Сенегалом, Гондурасом, Алжиром, за ними расположены Бенин, Кот-д’Ивуар, Танзания²¹⁸.

Наиболее авторитетное исследование конкурентоспособности современных государств ежегодно проводит Всемирный экономический форум, составляющий с 1979 г. *рейтинг стран по Индексу глобальной конкурентоспособности*. Беларусь ставила задачу к 2015 г. войти в этот рейтинг. Однако в докладе ВЭФ «Глобальная конкурентоспособность 2017–2018» она не представлена. Содержащийся в нем рейтинг по Индексу глобальной конкурентоспособности включает 137 стран. Лидируют в нем Швейцария, Соединенные Штаты

---

²¹⁸ Status-Index [Электронный ресурс] // Bertelsmann Stiftung: сайт. – Режим доступа: <https://www.bti-project.org/en/data/rankings/status-index/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

Америки, Сингапур, Нидерланды, Германия. Ближайшие наши соседи расположены следующим образом: Россия – 38-е место, Украина – 81-е, Литва – 41-е, Польша – 39-е, Латвия – 54-е²¹⁹. По оценкам экспертов Института экономики Национальной академии наук Беларуси, в рейтинге по Индексу глобальной конкурентоспособности 2015 г. Беларусь теоретически могла бы занять 61 позицию²²⁰.

Одним из главных показателей развития и социально-экономической безопасности государства считается продовольственная безопасность. «Продовольственная безопасность в “политически турбулентные” времена имеет большее значение, чем соблюдение условий свободного рыночного обмена»²²¹. Британское аналитическое агентство The Economist Intelligence Unit по результатам глобального исследования опубликовало рейтинг стран мира по *Индексу продовольственной безопасности*. Авторы исследования определяют продовольственную безопасность как состояние, при котором все люди в каждый момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточной в количественном отношении и питательной пище, отвечающей их потребностям и необходимой для ведения активной и здоровой жизни. Государства в рейтинге оцениваются по трем основным категориям: уровень доступности и потребления, наличие и достаточность, уровень качества и безопасности продуктов питания. Лидируют в мировом рейтинге по индексу продовольственной безопасности 2017 г. из 113 стран Ирландия, Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство, Сингапур, Австралия. Польша находится на 27-й позиции, Литва и Латвия отсутствуют, Россия, Беларусь и Украина – на 41, 46 и 63-й позициях. Беларусии предшествуют Мексика, Южная Африка, Китай, сразу за ней следуют Болгария, Панама, Турция²²².

---

²¹⁹ The Global Competitiveness Report 2017–2018 [Электронный ресурс] // World Economic Forum: сайт. – Режим доступа: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2018.

²²⁰ Моторина, О. И. Методические рекомендации по оценке страновой конкурентоспособности / О. И. Моторина // Научные труды, посвященные 85-летию Института экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2016. – С. 236–242.

²²¹ Осипов, В. С. Институциональный анализ коузианского и пигувианского направлений реформ в аграрной сфере / В. С. Осипов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2017. – № 10. – С. 20–24.

²²² The Global Food Security Index [Электронный ресурс] // The Economist Intelligence Unit: сайт. – Режим доступа: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Index>. – Дата доступа: 01.10.2018.

Таблица 3.10

Международные рейтинги, характеризующие качество экономических институтов

Название рейтингового проекта	Условное обозначение проекта	Позиция в рейтинге						Лидеры рейтинга (топ-5)
		Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	
<i>1</i>	<i>2</i>	3	4	5	6	7	8	9
Рейтинг 2018 г. по Индексу экономических трансформаций (Status-Index Political Transformation 2018) фонда Бертельсмана и мюнхенского Центра исследования прикладной политики (Германия)	BETI-2018	77	45	43	5	8	8	Чехия, Эстония, Тайвань, Словения, Литва
Рейтинг 2017–2018 гг. по Индексу глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) Всемирного экономического форума	GCI-2017–2018	61*	38	81	41	54	39	Швейцария, Соединенные Штаты Америки, Сингапур, Нидерланды, Германия
Рейтинг 2017 г. по Индексу продовольственной безопасности (The Global Food Security Index) журнала The Economist, издаваемого The Economist Intelligence Unit – научно-аналитическим подразделением The Economist Group (Великобритания)	GFSI-2017	46	41	63	–	–	27	Ирландия, Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство, Сингапур, Австралия
Рейтинг «Ведение бизнеса 2018» (Doing Business Report 2018) Всемирного банка	DB-2018	38	35	76	16	19	27	Новая Зеландия, Сингапур, Дания, Корея, Гонконг
Рейтинг 2018 г. по уровню налоговой нагрузки (The Paying Taxes 2018) Всемирного банка и аудиторской компанией PwC (США)	RPT-2018	96	52	43	18	13	51	Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Гонконг, Ирландия, Бахрейн

Окончание табл. 3.10

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рейтинг 2018 г. по Индексу экономической глобализации (The KOF Index of Economic Globalization) Швейцарского экономического института (KOF Swiss Economic Institute)	KOFE-2018	109	108	89	27	16	46	Сингапур, Гонконг, Нидерланды, Бельгия, Мальта
Рейтинг 2016 г. по Индексу глобальной интеграции (DHL Global Connectedness Index) Немецкой международной компанией DHL	DGCI-2016	104	67	63	52	48	37	Нидерланды, Сингапур, Ирландия, Швейцария, Люксембург
Рейтинг 2018 г. по Индексу эффективности логистики (The Logistics Performance Index) Всемирного банка	LPI _E -2018	110	85	69	43	55	31	Германия, Нидерланды, Швеция, Бельгия, Сингапур
Рейтинг инвестиционной привлекательности 2018 г. (The International Business Compass) Гамбургского института мировой экономики (Германия) и международной аудиторской компании BDO	IBK-2018	80	95	131	34	37	35	Сингапур, Гонконг, Швейцария, Нидерланды, Ирландия
Рейтинг 2017 г. по Индексу восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index) Международной неправительственной ассоциации Transparency International совместно с аналитическим центром Rand Corporation	CPI-2017	68	135	130	38	40	36	Новая Зеландия, Дания, Финляндия, Норвегия, Швейцария
Рейтинг 2018 г. по Индексу экономической свободы (Index of Economic Freedom) Американского исследовательского центра «Фонд наследия» (Heritage Foundation)	IEF-2018	108	107	150	19	28	45	Гонконг, Сингапур, Новая Зеландия, Швейцария, Австралия, Ирландия
Усредненная позиция (без ВЕПТ-2018)	<i>E</i>	82	77	89	32	34	37	Страны Западной
Индекс качества экономических институтов	<i>I_E</i>	0,62	0,65	0,59	0,86	0,85	0,83	и Северной Европы

* По оценкам экспертов Института экономики Национальной академии наук Беларуси, 2015 г.
 Источник: составлено автором по данным мировых рейтингов.

Всемирный банк в ежегодном докладе «*Ведение бизнеса*» представляет рейтинг стран по созданию благоприятных условий ведения бизнеса на основе индикаторов, характеризующих изменения нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность малых и средних предприятий на протяжении всего их жизненного цикла – от создания до ликвидации. В последнем рейтинге 2018 г. из 190 стран лидируют Новая Зеландия, Сингапур, Дания, Корея, Гонконг. Литва, Латвия и Польша находятся на 16, 19 и 27-й позициях, Россия – на 35-й позиции, Беларусь – на 38-й между Россией, Казахстаном, Словенией с одной стороны и Словакией, Косово, Руандой – с другой. Украина расположилась лишь на 76-м месте²²³.

Рейтинг государств по уровню налоговой нагрузки составляется Всемирным банком совместно с аудиторской компанией PwC. При его подготовке учитывается относительная налоговая нагрузка на условное предприятие, не пользующееся налоговыми льготами, а также количество платежей и необходимых часов для их уплаты. В рейтинге 2018 г. из 188 национальных экономик, учтенных в рейтинге, лидируют Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Гонконг, Ирландия, Бахрейн. Латвия, Литва и Польша занимают 13, 18 и 51-е места, Украина и Россия – 43-е и 52-е. Беларусь в этом рейтинге находится лишь на 96-м месте после Венгрии, Кирибати, Хорватии перед Иорданией, Того, Израилем²²⁴.

Швейцарским экономическим институтом рассчитывается *Индекс уровня экономической глобализации*, характеризующий степень интеграции той или иной страны в мировое пространство на основе сведения показателей, отражающих экономические аспекты глобализации. В мировом рейтинге 2018 г. из 207 стран первые позиции по уровню глобализации экономики принадлежат Сингапуру, Гонконгу, Нидерландам, Бельгии, Мальте. Латвия, Литва, Польша разместились на 16, 27 и 46-й позициях, Украина

---

²²³ Doing Business [Электронный ресурс] / The World Bank. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2018.

²²⁴ Paying Taxes 2018 [Электронный ресурс] / World Bank Group. – Режим доступа: https://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/pdf/pwc_paying_taxes_2018_full_report.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

и Россия – на 89-й и 108-й. Беларусь следует за Россией (109-е место), предшествуя Гамбии, Кабо Верде, Южной Африке²²⁵.

Немецкой международной компанией DHL, являющейся одним из лидеров мирового логистического рынка, рассчитывается *Индекс глобальной интеграции*, характеризующий процесс глобализации посредством измерения трансграничных потоков торговли, капитала, информации и людей. В мировом рейтинге по этому показателю 2016 г. из 140 государств лидируют Нидерланды, Сингапур, Ирландия, Швейцария, Люксембург. Польша, Латвия и Литва занимают 37, 48 и 52-ю позиции, Украина и Россия – 63-ю и 67-ю, а Беларусь – низкую 104-ю позицию после Гамбии, Аргентины, Сенегала и перед Кенией и Эфиопией²²⁶.

В исследовании Всемирного банка под названием «Налаживание связей для повышения конкурентоспособности: торговая логистика в глобальной экономике» (2018 г.) 160 стран мира проранжированы по *Индексу эффективности логистики*, опирающемуся на ряд индикаторов в сфере торговли (эффективность таможенной администрации, качество инфраструктуры и своевременность отгрузки товаров) с целью охарактеризовать надежность цепи поставок, которые все чаще признаются важнейшими для развития стран. В рейтинге 2018 г. лидерами являются Германия, Нидерланды, Швеция, Бельгия, Сингапур. По данным этого исследования Польше, Литве и Латвии принадлежат 31, 43 и 55-е места, Украине и России – 69-е и 85-е. Беларусь имеет лишь 110-е место, находясь между Алжиром, Никарагуа, Мали и Ямайкой, Соломоновыми островам, Молдовой²²⁷. При этом Беларусь планирует к 2030 г. достичь 50-й позиции в мировом рейтинге по индексу эффективности логистики.

Мировой *рейтинг инвестиционной привлекательности* ежегодно составляется Гамбургским институтом мировой экономики

---

²²⁵ 2018 KOF Index of Globalization [Электронный ресурс] // KOF Swiss Economic Institute: сайт. – Режим доступа: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> /. – Дата доступа: 01.10.2018.

²²⁶ DHL Global Connectedness Index 2016 [Электронный ресурс] // DHL: сайт. – Режим доступа: http://www.dhl.com/content/dam/downloads/g0/about_us/logistics_insights/gci_2016/DHL_GCI_2016_full_study.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²²⁷ Logistics Performance Index [Электронный ресурс] / The World Bank. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29971/LPI2018.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2018.

в сотрудничестве с аудиторской компанией BDO. Возглавляют рейтинг 2018 г. Сингапур, Гонконг, Швейцария, Нидерланды, Ирландия. Литва, Польша и Латвия определены на 34, 35, 37-м местах, Россия и Украина – на 93-м и 131-м. Беларусь среди 174 стран мира, вошедших в рейтинг, находится на 80-м месте после Македонии, Албании, Греции перед Шри-Ланкой, Доминиканской Республикой и Руандой²²⁸.

В современном мире одним из наиболее разрушительных явлений, затрудняющих процессы социально-экономического развития, выступает коррупция. Служебные злоупотребления, взяточничество, протекционизм и другие противозаконные действия оказывают негативное воздействие на функционирование важных общественных механизмов, снижают эффективность проводимых социальной и экономической политик, порождают деструктивные стереотипы и неверие граждан в собственные силы. При этом многочисленные исследования указывают на то, что общим трендом является повышение конкурентоспособности стран и качества жизни их граждан при снижении уровня коррупции.

Международной неправительственной ассоциацией в области антикоррупционного законодательства Transparency International совместно с аналитическим центром Rand Corporation определяется *Индекс восприятия коррупции*. Оценка производится по 4 критериям: взаимодействие бизнеса с властью, наличие антикоррупционного законодательства и его применение на практике, возможность контроля СМИ и обществом политических процессов и прозрачность деятельности государственных органов. Согласно рейтингу 2017 г. из 180 стран коррупционные риски минимальны в Новой Зеландии, Дании, Финляндии, Норвегии, Швейцарии. Польша, Литва и Латвия располагаются на 36, 38 и 40-м местах, Украина и Россия – на 130-м и 135-м. У Беларуси ситуация с коррупцией намного лучше, чем у двух последних стран – она на 68-й позиции вместе с Ямайкой и Оманом после Венгрии и Сенегала и перед Болгарией, Южной Африкой, Вануату²²⁹.

---

²²⁸ BDO International Business Compass [Электронный ресурс] // BDO: сайт. – Режим доступа: https://www.bdo.global/BDO_IBC_2018_EN_20180524_v4.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²²⁹ Corruption Perceptions Index 2017 [Электронный ресурс] // Transparency International: сайт. – Режим доступа: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017. – Дата доступа: 01.10.2018.

Американским исследовательским центром «Фонд наследия» рассчитывается *Индекс экономической свободы* на основе показателей, характеризующих свободу бизнеса, торговли, финансового сектора, инвестиций, труда, монетарную и фискальную свободы, гарантии прав собственности, размер бюрократического аппарата и степень защиты от коррупции. В рейтинге по этому индексу все страны мира разделены на пять условных групп: «свободные», «преимущественно свободные», «умеренно свободные», «преимущественно несвободные» и «несвободные». В рейтинге 2018 г. из 180 стран свободными названы Гонконг, Сингапур, Новая Зеландия, Швейцария, Австралия и Ирландия. Литва и Латвия с 19-й и 28-й позициями находятся в группе преимущественно свободных стран, Польша с 45-й позицией отнесена к умеренно свободным странам, Россия, Беларусь и Украина со 107, 108 и 150-й позициями относятся к группе преимущественно несвободных стран. При этом Беларусь находится в компании Молдовы, Таджикистана, России с одной стороны и Габона, Китая, Шри-Ланки – с другой²³⁰.

Подытоживая рейтинги, характеризующие качество экономических институтов, стоит подчеркнуть, что в половине рейтингов доминируют в топ-5 страны Западной и Северной Европы, а в каждом четвертом – азиатские страны (Сингапур, Гонконг, Корея). В кругу рассматриваемых государств Литва лидирует в рейтингах по ведению бизнеса, экономической свободе, инвестиционной привлекательности и в целом в рейтингах по глубине как политических, так и экономических трансформаций. Латвия первенствует в рейтингах по уровню налоговой нагрузки и экономической глобализации, Польша – в рейтингах по глобальной конкурентоспособности, продовольственной безопасности, глобальной интеграции, эффективности логистики и восприятию коррупции. Позиции России, Беларуси и Украины в рейтингах по качеству экономических институтов в основном заметно хуже.

Что касается размаха вариации позиций в рейтингах, характеризующих экономический климат, то в Беларуси, России и Украине он непривлекательно широк. В Беларуси он отсчитывается

---

²³⁰ 2018 Index of Economic Freedom [Электронный ресурс] // Heritage: сайт. – Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/ranking>. – Дата доступа: 01.10.2018.

от 38-го места по ведению бизнеса до 110-го места по эффективности логистики. Еще шире размах вариации позиций у России – от 35-го места по ведению бизнеса до 135-го по восприятию коррупции. У Украины еще больший диапазон позиций в рейтингах – от 43-й по уровню налоговой нагрузки до 150-й по экономической свободе. У Литвы, Польши и Латвии разница в позициях по разным рейтингам меньше в 3–4 раза. В целом же мировые рейтинги снова показывают, что экономические институты в рассматриваемых странах Евросоюза крепче, чем в странах СНГ, что отражают индексы качества экономических институтов и что снова корреспондирует с выводами о глубине трансформаций в экономической сфере, сделанными фондом Бертельсманна. Беларусь с индексом качества экономических институтов 0,62 прошла чуть больше полпути до уровня развития институтов передовых стран. Из анализа следует, что гораздо ближе к последним находятся Литва, Латвия, Польша и довольно далеко от них относительно «плотной» группой следуют Россия, Беларусь и Украина. И в завершение изучения качества экономических институтов следует подчеркнуть, что во всех рассматриваемых странах они крепче политических, кроме Украины, где уровень их развития сопоставим.

Инклюзивные институты, к формированию которых мы стремимся, обеспечивают не только политические, экономические, но и социальные гарантии и свободы. Для оценки качества *социальных институтов* целесообразно обращение к рейтингам, перечисленным в табл. 3.11.

В целях оценки качества жизни населения наибольшее признание сегодня получил *Индекс человеческого развития* (ИЧР), ежегодно представляемый в «Докладе о человеческом развитии» (Human Development Report) ПРООН. Индекс измеряет достижения стран по трем основным направлениям: здоровье и долголетие, отражаемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; доступ к образованию, характеризуемый показателями грамотности взрослого населения и охвата образованием; достойный уровень жизни, определяемый среднедушевым ВВП по ППС в долларах США. В рейтинге выделяются страны с очень высоким, высоким, средним и низким уровнем ИЧР. В рейтинге 2018 г. из 189 стран первые строки занимают Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия, Германия.

Таблица 3.11
Международные рейтинги, характеризующие качество социальных институтов

Название рейтингового проекта	Условное обозначение проекта	Позиция в рейтинге						Лидеры рейтинга (топ-5)
		Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	
<i>1</i>	<i>2</i>	3	4	5	6	7	8	<i>9</i>
Рейтинг 2018 г. по Индексу человеческого развития (The Human Development Index) ПРООН	HDI-2018	53	49	88	35	41	33	Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия, Германия
Рейтинг 2017 г. стран по Индексу гендерного разрыва (The Global Gender Gap Index) Всемирного экономического форума	GGGI-2017	26	71	61	28	20	39	Исландия, Норвегия, Финляндия, Руанда, Швеция
Рейтинг 2015 г. по положению матерей (The Complex Mother's Index) Независимой международной организации «Спасем детей» (Save the Children)	СMI-2015	25	56	69	28	40	28	Норвегия, Финляндия, Исландия, Дания, Швеция
Рейтинг 2015 г. по Индексу качества жизни пожилых людей (The Global Age Wath Index) международной неправительственной организации Help Age International	GAWI-2015	64	65	73	63	35	32	Швейцария, Норвегия, Швеция, Германия, Канада
Рейтинг стран мира 2018 г. по уровню счастья населения Института Земли (The Earth Institute) под эгидой ООН	WHP-2018	73	59	138	50	53	42	Финляндия, Норвегия, Дания, Исландия, Швейцария
Рейтинг 2017 г. по Индексу социального прогресса (The Social Progress Index) американской исследовательской неправительственной организацией The Social Progress Imperative и компании Deloitte	SPI-2017	65	67	64	35	34	32	Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швейцария

Окончание табл. 3.11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рейтинг 2017 г. по Индексу процветания стран мира (The Legatum Prosperity Index) британского аналитического центра The Legatum Institute	LPI-2017	95	101	112	41	37	32	Норвегия, Новая Зеландия, Финляндия, Швейцария, Швеция
Рейтинг 2018 г. по Индексу социальной глобализации (The KOF Index of Social Globalization) Швейцарского экономического института (KOF Swiss Economic Institute)	KOFS-2018	94	93	97	25	43	47	Норвегия, Люксембург, Швейцария, Дания, Ирландия
Рейтинг 2017 г. по Индексу гражданств мира (The Henley & Partners – Kochenov Quality of Nationality Index)	QNI-2017	92	63	80	22	23	20	Франция, Германия, Исландия, Дания, Нидерланды
Усредненная позиция	S	65	69	87	36	36	34	Страны Западной и Северной Европы
Индекс качества социальных институтов	I _S	0,70	0,68	0,60	0,84	0,84	0,85	

Источник: составлено автором по данным мировых рейтингов.

Польша, Литва, Латвия, Россия занимают 33, 35, 41 и 49-е места, размещаясь в группе стран с очень высоким уровнем развития, Беларусь, находясь на 53-й позиции между Черногорией, Болгарией, Румынией и Багамами, Уругваем, Кувейтом вместе с Украиной (88-е место) расположились в группе стран с высоким уровнем развития²³¹.

В международных сопоставлениях интерес представляет расхождение между рейтингами стран по ВВП на душу населения и по ИЧР. На его основе принято оценивать, как результаты экономического роста трансформируются в качество жизни населения. Лучшая позиция в рейтинге по ИЧР свидетельствует об использовании экономического роста в интересах человеческого развития. Сопоставление позиций Беларуси в указанных рейтингах показывает, что на протяжении многих лет место страны в рейтинге по ИЧР гораздо выше, чем в рейтинге по ВВП на душу населения. К примеру, в 2017 г. по версии Всемирного банка Беларусь занимала по уровню ВВП на душу населения в текущих долларах США 90-ю позицию, а с учетом ППС – 66-ю позицию при 53-й позиции в рейтинге по ИЧР 2018 г. Это указывает на сильную социальную ориентацию экономической политики в стране и быстрый рост уровня и качества жизни населения по сравнению с экономическими результатами. Позиции Литвы, Латвии и России в рассматриваемых рейтингах различаются незначительно в отличие от Польши и Украины, для которых, как и для Беларуси, характерны существенные разрывы – на 20–40 позиций при сравнении рейтинга ИЧР с рейтингом по ВВП в текущих долларах США и на 10–25 позиций при использовании рейтинга по ВВП с учетом ППС.

Всемирным экономическим форумом составляется рейтинг стран по *Индексу гендерного разрыва*, отражающий равноправие полов. Индекс предназначен для измерения гендерных различий в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах, а не фактического уровня имеющихся ресурсов и возможностей в этих странах (т. е. вне зависимости от уровня их развития). Оценка осуществляется в четырех ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности; образование; здоровье и выживание;

---

²³¹ Human Development Report 2018. Human Development for Everyone [Электронный ресурс] // Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/2018-update>. – Дата доступа: 01.10.2018.

политические права и возможности. В мировом рейтинге по Индексу гендерного разрыва в 2017 г. из 144 стран, включенных в него, лидируют Исландия, Норвегия, Финляндия, Руанда, Швеция. Латвия, Литва и Польша занимают 20, 28 и 39-е места. Беларусь занимает высокое 26-е место, находясь между Барбадосом, Испанией, Кубой с одной стороны и Багамами, Литвой, Мозамбиком с другой. У Украины и России 61-е и 71-е места соответственно²³².

Независимой международной организацией «Спасем детей» составляется рейтинг стран мира по положению матерей на основе синтетического показателя, отражающего «*хорошо ли быть мамой*» (The Complete Mothers' Index), получаемого на основе сведения индикаторов, характеризующих охрану здоровья матерей, уровень их образования, экономическое и политическое положение. В этом рейтинге 2015 г. из 179 стран лидируют Норвегия, Финляндия, Исландия, Дания, Швеция.²³³ Беларусь здесь находится выше всех сопредельных стран – следуя за Ирландией, Францией и Соединенным Королевством, она находится на высокой 25-й позиции, опережая Чешскую Республику, Эстонию, а также Литву и Польшу, разделяющих 28-ю позицию. Латвия находится на 40-м месте вместе с Кубой, Россия – на 56-м вместе с Уругваем, Украина – на 69-м.

В контексте оценки достижений страны в последнем рейтинге справедливо признать огромную роль советской власти в поднятии социального статуса женщины: она получила право голосовать на 30 лет раньше, чем во Франции, право на работу и равную с мужчиной оплату труда, право на образование; развитая система яслей и детских садов освобождала ее для творчества и личной жизни. «...За предвоенное десятилетие был достигнут небывалый результат, в стране появилась новая женщина, готовая трудиться на производстве и в коллективном, построенном на машинном труде сельском хозяйстве, готовая учиться и получать знания на всех уровнях образования и науки, готовая управлять и руководить, поновому смотреть на семью и воспитывать детей и т. д.»²³⁴

---

²³² Global Gender GapIndex 2017 [Электронный ресурс] // World Economic Forum: сайт. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²³³ The Complete Mothers' Index 2015 [Электронный ресурс] // Save The Children: сайт. – Режим доступа: <https://www.savethechildren.org/content/dam/usa/reports/advocacy/sowm/sowm-2015.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2018.

²³⁴ Кириченко, О. В. Советская модель конвертации богатства: 1920–1930-е годы / О. В. Кириченко // Традиции и современность. – 2015. – № 17. – С. 37.

Индекс качества жизни пожилых людей измеряет качество жизни и благополучия пожилых людей в глобальном масштабе. Рассчитывается международной неправительственной организацией Help Age International на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые аккумулируются в Фонде Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА). При подготовке рейтинга по этому индексу исследователи опираются на четыре группы показателей: 1) материальная обеспеченность (доступ к достаточному уровню дохода и способность использовать его самостоятельно для того, чтобы удовлетворить основные потребности в более старшем возрасте); 2) состояние здоровья (наступление старости связано с физической слабостью, а также с риском плохого состояния здоровья и инвалидности); 3) образование и занятость (элементы способности к преодолению проблем и характеристики способностей пожилых людей); 4) благоприятные условия (пожилые люди хотят иметь свободу выбора жить независимой и самостоятельной жизнью). В рейтинге 2015 г. из 96 стран лидируют Швейцария, Норвегия, Швеция, Германия, Канада. Польша и Латвия занимают 32-ю и 35-ю позиции, Литва, Беларусь, Россия – 63, 64, 65-ю позиции, перед ними Хорватия и Доминикана, за ними Сербия и Бангладеш. Украину в рейтинге поставили ниже – на 73-е место²³⁵.

Голландский социолог Рут Винховен, признанный мировой авторитет, доказал, что счастье может быть использовано как надежное измерение для оценки прогресса в обществе²³⁶, а 19 июля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Бутана и при соавторстве более 50 государств приняло резолюцию «Счастье: целостный подход к развитию», в которой рекомендовано использовать счастье как показатель развития каждой страны²³⁷.

---

²³⁵ Help Age International. Global Age Wath Index 2015 [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info>. – Дата доступа: 10.10.2018.

²³⁶ Ключня, В. Л. Нравственность и экономика счастья: содержание и показатели / В. Л. Ключня // Экономическая теория в XXI веке: поиск эффективных механизмов хозяйствования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Полоцк, 20–21 окт. 2016 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Полоцк: Полоцкий государственный университет, 2016. – С. 15–22.

²³⁷ Резолюции 65-й сессии (2010–2011 годы) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/65/docs/65res4.shtml>. – Дата доступа: 01.10.2018.

Высокое качество жизни воспринимается людьми как удовлетворенность жизнью, счастливая жизнь. Счастье по-разному понимается людьми, но в первую очередь как совокупность социальных и других условий и возможностей свободной реализации человеком в процессе жизнедеятельности установок природы, принимаемых социальных норм поведения и его личных качеств. Исследовательским центром «Институт Земли» при Колумбийском университете под эгидой ООН в рамках глобальной инициативы «Сеть решений устойчивого развития» составляется *рейтинг стран мира по уровню счастья населения* с целью показать их достижения с точки зрения способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь. При составлении рейтинга учитываются такие показатели благополучия, как уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также такие категории, как уровень доверия в обществе, великодушие и щедрость. Основную часть исследования составляют результаты опросов общественного мнения жителей разных стран о том, насколько счастливыми они себя чувствуют, проводимых Международным исследовательским центром Гэллага (Gallup International). Исходя из указанных параметров, люди в каждой стране оценивали свое ощущение счастья по специальной шкале. В итоговом рейтинге (World Happiness Report 2018), куда вошли 156 стран и территорий мира, самыми счастливыми оказались жители Финляндии, Норвегии, Дании, Исландии, Швейцарии. Польша, Литва и Латвия занимают 42, 50 и 53-е места, Россия – 59-е. Беларусь оказалась на 73-й позиции между Ливией, Филиппинами и Гондурасом с одной стороны и Турцией, Пакистаном, Гонконгом – с другой. Худшая позиция у Украины – 138-я в рейтинге²³⁸.

Американской исследовательской неправительственной организацией The Social Progress Imperative при поддержке компании Deloitte составляется рейтинг стран мира по *Индексу социального прогресса*, который измеряет достижения стран мира с точки зрения общественного благополучия и социального прогресса. При определении успехов той или иной страны в области

---

²³⁸ Институт Земли: рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2018 году [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info>. – Дата доступа: 01.10.2018.

социального развития учитывается множество показателей, объединенных в три основные группы: основные потребности человека (питание, доступ к основной медицинской помощи, обеспечение жильем, доступ к воде, электричеству и санитарным услугам, уровень личной безопасности); основы благополучия человека (доступ к базовым знаниям и уровень грамотности населения, доступ к информации и средствам коммуникации, уровень здравоохранения, экологическая устойчивость); возможности развития человека (уровень личных и гражданских свобод, обеспечение прав и возможностей человека принимать решения и реализовывать свой потенциал). В рейтинге по Индексу социального прогресса 2017 г. из 128 стран первые позиции занимают Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швейцария. Польша, Латвия и Литва расположились на 32, 34 и 35-й позициях. Украина, Беларусь и Россия в этом рейтинге также «легли кучно»: на 64, 65 и 67-й позициях соответственно. При этом в компании у Беларуси оказались Таиланд, Доминиканская Республика, Украина с одной стороны и Южная Африка, Россия, Филиппины – с другой²³⁹.

Британский аналитический центр The Legatum Institute формирует рейтинг по *Индексу процветания стран мира*, измеряющему достижения стран мира с точки зрения их благополучия. Индекс составляется на основе показателей, отражающих различные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния: экономика; предпринимательство; управление; образование; здравоохранение; безопасность; личные свободы; социальный капитал. В рейтинге по Индексу процветания 2017 г. из 149 стран лидируют Норвегия, Новая Зеландия, Финляндия, Швейцария, Швеция. Польша, Латвия и Литва занимают 32, 37 и 41-е места. Беларусь, следуя за Иорданией, Камбоджей, Тунисом и предшествуя Армении, Марокко, Молдове, имеет 95-ю позицию. У России и Украины позиции хуже – 101-я и 112-я²⁴⁰.

Швейцарским экономическим институтом рассчитывается *Индекс социальной глобализации*, характеризующий степень экономической интеграции той или иной страны в мировое пространство.

---

²³⁹ The Social Progress Imperative 2017 [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/research/social-progress-index/info>. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁴⁰ The Legatum Prosperity Index 2017 [Электронный ресурс] // The Legatum Institute: сайт. – Режим доступа: <https://www.prosperity.com/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

В мировом рейтинге по этому индексу 2018 г. первые позиции из 209 принадлежат Норвегии, Люксембургу, Швейцарии, Дании, Ирландии. Литве, Латвии и Польше достались 25, 43 и 47-я позиции. Беларусь находится на 94-й позиции после Сан-Марино, Турции, России (93-я позиция) перед Полинезией, Кабо-Верде, Украиной (97-я позиция)²⁴¹.

Рейтинг по *Индексу гражданств мира* демонстрирует оценку преимуществ принадлежности к определенному государству. Это рейтинг, который рассматривает как внутренние факторы (масштаб экономики, развитие человеческого потенциала, общественный порядок и стабильность), так и внешние (безвизовый доступ для временных поездок и возможность безвизового проживания и работы в других странах), влияющие на качественные показатели того или иного гражданства. В 2017 г. в рейтинг вошло 167 стран, первые места достались Франции, Германии, Исландии, Дании, Нидерландам. Польша, Литва и Латвия размещены на 20, 22 и 23-й позициях. России досталось 63-е место, Украине – 80-е. Беларусь расположилась после Бахрейна, Омана и Казахстана на 92-м месте, сразу за ней следуют Южная Африка, Кабо-Верде, Белиз. При этом Польша и Литва оказались в лучшей группе стран из пяти выделенных в рейтинге, Латвия – во второй, Россия и Украина – в третьей, Беларусь – в четвертой²⁴².

Резюмируя рассмотрение рейтингов, характеризующих качество социальных институтов (табл. 3.11), подчеркнем, что в 4/5 случаях лучшие позиции рейтингов (топ-5) принадлежат странам Западной и Северной Европы (в том числе в 1/2 – государствам Северной Европы, в 1/3 – Скандинавским странам). В кругу рассматриваемых стран Польша является безусловным лидером, она имеет лучшие позиции в рейтингах по человеческому развитию, качеству жизни пожилых людей, социальному прогрессу, процветанию, счастью населения, Литва первенствует в рейтингах по степени социальной глобализации и качеству гражданства, Латвия – в рейтинге по гендерному развитию, Беларусь – в рейтинге по положению матерей. Во многих рейтингах позиции Беларуси лучше, чем у России и Украины.

---

²⁴¹ 2018 KOF Index of Globalization [Электронный ресурс] // KOF Swiss Economic Institute: сайт. – Режим доступа: <https://www.kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁴² General Ranking Nationalities of the World in 2017 [Электронный ресурс] // Henley & Partners: сайт. – Режим доступа: https://www.nationalityindex.com/assets/QNI_2017_GENERAL_RANKINGS_180411.pdf. – Дата доступа: 10.10.2018.

Что касается размаха вариации позиций в рейтингах, характеризующих социальные институты, то в Беларуси, России и Украине он не менее широк в сравнении с политическими и экономическими институтами. В Беларуси он отсчитывается от 25-го места по положению матерей до 95-го по процветанию. Большая вариация позиций у России – от 49-й по человеческому развитию до 138-й по счастью населения. У Украины близкий по ширине диапазон позиций – от 61-й в рейтинге по гендерному разрыву до 101-й по процветанию. У Польши, Литвы и Латвии разница в позициях по разным рейтингам меньше в 2–2,5 раза. В целом же международные рейтинги снова показывают, что социальные институты в странах Евросоюза крепче, чем в странах СНГ, что отражают индексы их качества (0,84–0,85). Беларусь с индексом качества социальных институтов 0,70 прошла 2/3 пути до уровня развития институтов передовых стран, у России близкая ситуация (0,68), у Украины – похуже (0,60). Из анализа опять следует, что у Польши, Литвы и Латвии социальные достижения более значимы, на что указывают высокие индексы качества социальных институтов (0,84–0,85), им надо преодолеть лишь 1/5 траектории развития институтов до уровня передовых стран.

Обобщая рейтинговые оценки социальных институтов, следует отметить, что у Беларуси и России они крепче политических и экономических, у Украины – несколько сильнее экономических и слабее политических. У Польши, Литвы, Латвии уровень развития экономических и социальных институтов близок и чуть выше уровня развития политических институтов.

Материальные условия жизнедеятельности общества в значительной степени обусловлены развитием его инновационно-технологической платформы. Из числа авторитетных международных рейтинговых проектов для оценки состояния инновационной сферы и развития технологий целесообразно обратиться к рейтингам, представленным в табл. 3.12.

При формировании *рейтинга по Индексу креативности* канадские эксперты оценивают страны мира по трем ключевым составляющим: технологии, таланты и толерантность. При этом учитываются инвестиции в научные исследования и разработки, число исследователей и патентов на душу населения, уровень и характер образования, данные социологических опросов Gallup International на тему отношения жителей разных стран к иммигрантам, расовым, этническим и сексуальным меньшинствам.

Таблица 3.12
Международные рейтинги, характеризующие развитие инновационно-технологической платформы

Название рейтингового проекта	Условное обозначение проекта	Позиция в рейтинге						Лидеры рейтинга (топ-5)
		Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша	
Рейтинг 2015 г. по Индексу креативности (The Global Creativity Index) канадского института Martin Prosperity (University of Toronto's Rotman School of Management)	IGC-2015	37	38	45	51	40	46	Австралия, Соединенные Штаты Америки, Новая Зеландия, Канада, Дания
Рейтинг 2018 г. по Индексу конкурентоспособности талантов (The Global Talent Competitiveness Index) Французской бизнес-школы INSEAD и швейцарской компании Adecco Group	GTCI-2018	–	53	61	32	34	39	Швейцария, Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Швеция
Рейтинг 2012 г. по Индексу знаний (The Knowledge Index) Всемирного банка (The World Bank)	KI-2012	45	52	48	40	33	39	Швеция, Финляндия, Нидерланды, Дания, Норвегия
Рейтинг 2012 г. по Индексу экономики знаний (The Knowledge Economy Index) Всемирного банка (The World Bank)	KEI-2012	59	55	56	37	32	38	Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия
Рейтинг 2018 г. по Глобальному индексу инноваций (The Global Innovation Index) Французской бизнес-школы INSEAD (Франция), Корнельского университета (Cornell University) и Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization, WIPO)	GII-2018	86	46	43	40	34	39	Швейцария, Нидерланды, Швеция, Соединенное Королевство, Сингапур

Окончание табл. 3.12

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
<i>Рейтинг 2015 г. по Индексу конкурентоспособности промышленности (The Competitive Industrial Performance Index) UNIDO (United Nations Industrial Development Organization)</i>	CIP-2015	45	32	65	40	58	23	Германия, Япония, Китай, Соединенные Штаты Америки, Корея
<i>Рейтинг 2018 г. по Индексу экологической эффективности (The Environmental Performance Index) Центра экологической политики и права при Йельском универ-ситете (The Yale Center for Environmental Law and Policy)</i>	EPI-2018	44	52	109	29	37	50	Швейцария, Франция, Дания, Мальта, Швеция
<i>Рейтинг 2017 г. по Индексу развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index) Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union) ООН</i>	ICTDI-2017	32	45	79	41	35	49	Исландия, Корея, Швейцария, Дания, Соединенное Королевство
<i>Рейтинг 2018 г. по Индексу развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union) ООН</i>	EGDI-2018	38	32	82	40	57	33	Дания, Австралия, Корея, Соединенное королевство, Швеция
<i>Рейтинг 2018 г. по Индексу электронного участия (The E-Participation Index) в 2018 г. Международного союза электросвязи (International Telecommunication Union) ООН</i>	E-PI-2018	33	23	75	51	75	31	Дания, Финляндия, Корея, Нидерланды, Австралия
Усредненная позиция	<i>T</i>	47	43	66	40	44	39	Страны Западной и Северной Европы
Индекс качества инновационно-технологических институтов	<i>I_T</i>	0,79	0,81	0,70	0,82	0,80	0,83	

Источник: составлено автором по данным мировых рейтингов.

В рейтинге 2015 г., включающем 139 государств мира, лидерами являются Австралия, США, Новая Зеландия, Канада, Дания. Беларусь расположилась на 37-м месте, имея самую высокую позицию среди сопредельных стран. В рейтинге страна следует за Чили, Чешской Республикой и Коста-Рикой, опережая Россию (38), Латвию (40), Украину (45), Польшу (46), Литву (51). При этом по наличию таланта в рамках данного рейтинга Беларусь занимает 8-ю позицию, Литва – 12-ю, Россия – 15-ю, Латвия – 22-ю, Украина – 24-ю, Польша – 25-ю²⁴³.

Индекс экономики знаний Всемирного банка оценивает эффективность использования государствами знаний в целях экономического и общественного развития. Методология оценки предлагает расчет двух сводных индексов – *Индекса экономики знаний* (KEI) и *Индекса знаний* (KI). KEI, служащий для оценки эффективности использования страной знаний, рассчитывается как среднее значение из четырех индексов, характеризующих: 1) экономический и институциональный режим; 2) образованность населения; 3) развитие национальной инновационной системы; 4) развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры. KI, предназначенный для оценки способности страны создавать, принимать и распространять знания, определяется как средняя величина из трех последних индексов.

В рейтинге по Индексу знаний 2012 г. лидируют Швеция, Финляндия, Нидерланды, Дания, Норвегия. Беларусь и сопредельные страны в этом рейтинге располагаются гораздо ближе друг к другу. Латвия, Польша и Литва занимают 33, 39 и 40-ю позиции. Беларусь, Украина и Россия – 45, 48 и 52-ю. В рейтинге по Индексу экономики знаний 2012 г. лидируют те же страны с незначительной разницей в их расстановке – Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия. У Латвии, Литвы и Польши – 32, 37 и 38-я позиции. У России, Украины и Беларуси – 55, 56 и 59-я. При этом если у стран, относящихся к Евросоюзу, KEI превышает KI, то у стран, входящих в СНГ, ситуация обратная, что коррелирует с выводами о невысоком качестве экономических институтов. При этом самая большая дистанция между индексами ($6,62 > 5,59$) и позициями в рейтингах (45-я и 59-я) наблюдается

---

²⁴³ The Global Creativity Index 2015 [Электронный ресурс] // Martin Prosperity Institute: сайт. – Режим доступа: <http://martinprosperity.org/media/Global-Creativity-Index-2015.pdf>. – Дата доступа: 01.09.2018.

у Беларуси, что указывает на недостаточную способность общества и его институтов к эффективному использованию существующего и созданию нового знания²⁴⁴.

Французской бизнес-школой INSEAD и швейцарской компанией Adecco Group составляется рейтинг по *Индексу конкурентоспособности талантов* с целью оценить ресурсы и усилия, которые страны тратят на развитие талантов, а также качество человеческого капитала. Аналитики оценивают условия на национальных рынках труда (шансы для карьерного роста; возможности работодателей привлечь таланты со всего мира; способности удерживать квалифицированный персонал; производственные навыки сотрудников и глобальные знания с позиций их достаточности для инновационных производств и инновационной предпринимательской активности). В рейтинге 2018 г. из 119 стран лидируют Швейцария, Сингапур, Соединенное Королевство, США, Швеция. Россия находится на 56-м месте, Украина – на 69-м. При этом Россия имеет 28-ю субпозицию по критерию глобальных знаний, 81-ю – по предоставляемым возможностям и 107-ю – по привлечению талантов, Украина расположилась на 53, 103 и 94-й субпозициях соответственно. Беларусь в этом рейтинге не представлена²⁴⁵.

Центром экологической политики и права при Йельском университете составляется рейтинг стран мира по *Индексу экологической эффективности*, который рассчитывается по результатам глобального исследования достижений страны, в частности экологии и управления природными ресурсами на основе показателей, отражающих различные аспекты состояния окружающей природной среды и жизнеспособности ее экологических систем, сохранение биологического разнообразия, противодействие изменению климата, состояние здоровья населения, практику экономической деятельности и степень ее нагрузки на окружающую среду, а также эффективность государственной политики в области экологии. В данном рейтинге 2018 г. из 180 стран первенствуют Швейцария,

---

²⁴⁴ Индекс экономики знаний [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info>. – Дата доступа: 01.09.2018.

²⁴⁵ The Global Talent Competitiveness Index 2018. Diversity for Competitiveness [Электронный ресурс] // INSEAD. The Business School of the World: сайт. – Режим доступа: <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/globalindices/docs/GTCI-2018-report.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2018.

Франция Дания, Мальта, Швеция. Литва, Латвия, Беларусь, Польша и Россия занимают 29, 37, 44, 50 и 52-е места соответственно. При этом Беларусь следует за Хорватией, Колумбией, Венгрией, предшествуя Румынии, Доминиканской Республике, Уругваю. Что касается Украины, то ее позиция гораздо хуже, она лишь 109-я в рейтинге.²⁴⁶

В условиях современной конкуренции для амбициозных стран важной задачей становится не просто обеспечение экономического развития, а достижение глобального интеллектуального преимущества. *Глобальный индекс инноваций* отражает инновационное развитие стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития, на основе показателей, характеризующих располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций (институты; человеческий капитал и исследования; инфраструктура; развитие внутреннего рынка; развитие бизнеса), а также достигнутые практические результаты осуществления инноваций (развитие технологий и экономики знаний, результаты креативной деятельности). В рейтинге по Глобальному индексу инноваций 2018 г. ведущими странами-инноваторами в мире названы Швейцария, Нидерланды, Швеция, Соединенное Королевство, Сингапур. Латвия, Польша и Литва занимают 34, 39 и 40-ю позиции, Украина и Россия – 43-ю и 46-ю. Беларусь довольствуется лишь 86-м местом после Албании, Македонии, Индонезии и перед Доминиканской Республикой, Шри-Ланкой, Индонезией²⁴⁷.

Ключевой отраслью рассматриваемых экономик является промышленность. В докладе UNIDO «Industrial Development Report 2018» содержится рейтинг стран по *Индексу конкурентоспособности промышленности*, который отражает способность стран производить и экспортировать товары обрабатывающей промышленности на конкурентном уровне, технологическое развитие и адаптивность промышленности, а также влияние отдельных стран на мировое производство и торговлю. В рейтинге из 148 стран лидируют Германия, Япония, Китай, США, Корея.

---

²⁴⁶ 2018 Environmental Performance Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018policymakerssummary01.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁴⁷ The Global Innovation Index 2018 [Электронный ресурс] // WIPO. World Intellectual Property Organization: сайт. – Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018-intro5.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

Польша, Литва и Латвия занимают 23, 40 и 58-ю позиции, Россия – 32-ю, Беларусь, следуя за Филиппинами, Объединенными Арабскими Эмиратами и Люксембургом, занимает 45-ю позицию, обойдя при этом Аргентину, Южную Африку и Катар. Украина имеет лишь 65-ю позицию²⁴⁸.

Существенное влияние на все аспекты жизнедеятельности современного общества оказывают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Они позволяют экономить время и сокращать расстояния, служат важнейшим инструментом повышения эффективности и обеспечения устойчивого развития во всех без исключения сферах экономической деятельности. Международным союзом электросвязи рассчитывается Индекс развития информационно-коммуникационных технологий, отражающий доступ к ИКТ, степень их использования и навыки населения в части их применения.

В рейтинге 2017 г. по этому индексу первые строки занимают Исландия, Корея, Швейцария, Дания, Соединенное Королевство. Беларусь в этом рейтинге находится на относительно высоком 32-м месте из 176 стран, шевствуя за Канадой, Андорой, Бахрейном перед Словенией, Барбадосом и Латвией (35-е место). У Литвы и Польши 41-я и 49-я позиции, у России и Украины – 45-я и 79-я²⁴⁹.

ИКТ – важнейший инструмент государственного управления. Электронное правительство позволяет добиться более эффективного распределения общественных ресурсов, обеспечения прозрачности и демократизации процессов государственного управления путем укрепления связей с гражданами и обеспечения доступности государственных органов. Ежегодно Международным союзом электросвязи рассчитывается *Индекс развития электронного правительства*, отражающий готовность и возможности национальных государственных структур в использовании ИКТ для предоставления гражданам государственных услуг на основе оценки степени охвата и качества интернет-услуг, развития ИКТ-инфраструктуры,

---

²⁴⁸ Industrial Development Report 2018 [Электронный ресурс] // UNIDO. United Nations Industrial Development Organization: сайт. – Режим доступа: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-11/IDR2018_FULL%20REPORT.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

²⁴⁹ ICT Development Index [Электронный ресурс] // ITU. International Telecommunication Union: сайт. – Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf/. – Дата доступа: 01.10.2018.

уровня грамотности населения, наличия нормативно-правового обеспечения. В рейтинге 2018 г. по этому индексу, объединившему 189 стран, первенствуют Дания, Австралия, Корея, Соединенное Королевство, Швеция. Польша, Литва, Латвия занимают 33, 40, 57-ю позиции в группе стран с очень высоким уровнем развития ИКТ. В эту же группу вошли Россия с 32-й позицией и Беларусь с 38-й, находящаяся после Греции, Кипра, Словении перед Казахстаном, Литвой, Кувейтом. Украина лишь на 82-й позиции в группе с высоким уровнем развития электронного правительства²⁵⁰.

BELARUS E-GOVERNMENT DEVELOPMENT

Belarus transitioned from High-EGDI in 2016 to Very-High-EGDI in 2018. This could be attributed to its National Strategy for Sustainable Social and Economic Development for the period up to 2030 incorporating several initiatives related to ICT development in various sectors of its economy. For example, the Strategy of Informatization of the Republic of Belarus for the period 2016 – 2022 was implemented in 2015 with the purpose of enhancing ICTs in the provision of e-government services. Another initiative, the State Program for the Development of the Digital Economy and the Information Society for 2016-2020 defines the vision for the “digital transformation” of the Belarusian economy and ensures the effective implementation of digital tools. This program was designed to digitalize already existing processes in healthcare, public procurement, education, among others. Presidential decrees and resolutions of the Council of Ministers contribute towards the coherent functioning of e-government services in the Republic of Belarus.

United Nations E-Government Survey 2018 Gearing E-Government to support transformation towards sustainable and resilient societies [Электронный ресурс] / United Nations. Data Center. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/portals/egovkb/documents/un/2018-survey/e-government%20survey%202018_final%20for%20web.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

В рейтинге по *Индексу электронного участия*, характеризующему взаимодействие граждан и правительства в принятии решений с помощью ИКТ, в 2018 г. лидируют Дания, Финляндия, Корея, Нидерланды, Австралия. У России в этом рейтинге 23-я позиция, у Польши – 31-я. Относительно высокую 33-ю позицию имеет

---

²⁵⁰ UN E-Government Knowledge Data Base [Электронный ресурс] / United Nations. Data Center. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/portals/egovkb/documents/un/2018-survey/e-government%20survey%202018_final%20for%20web.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

и Беларусь, располагаясь между Португалией, Польшей, Малайзией и Грецией, Болгарией, Перу. У Литвы 51-е место, Латвия и Украина делят лишь 75-е. Разрыв в позициях стран по двум последним индексам показывает, чему в стране уделено большее внимание: созданию общегосударственных межведомственных электронных систем, ориентированных на потребности государственных органов, либо интересам пользователей-граждан²⁵¹.

Подытоживая рассмотрение рейтинговых проектов, отражающих разные аспекты развития креативной сферы и технологической платформы, любопытно отметить, что топ-5 рейтингов на 2/3 состоит из стран Западной и Северной Европы (в том числе на 2/5 – из государств Северной Европы, на 1/3 – из Скандинавских стран), на 1/6 – из азиатских стран. В кругу рассматриваемых стран Польша в рейтингах имеет самую высокую оценку по конкурентоспособности промышленности, Литва – по экологической эффективности и конкурентоспособности талантов, Латвия – по экономике знаний и глобальному индексу инноваций, Беларусь – по развитию ИКТ и креативности, Россия – по развитию электронного правительства и электронному участию.

При этом позиции Беларуси в рейтингах варьируют от 32-го места по развитию информационно-коммуникационных технологий до 86-го по Глобальному индексу инноваций. Размах вариации позиции у России – от 23-й по электронному участию до 55-й по экономике знаний. Шире диапазон позиций в рейтингах у Украины – от 43-го места по глобальному индексу инноваций до 109-й по экологической эффективности. У Польши, Литвы и Латвии разница в позициях по разным рейтингам меньше в 1,5 раза. С учетом этого можно констатировать, что несмотря на близкие значения индексов качества институтов (0,79–0,83), инновационно-технологическая платформа в группе стран Евросоюза все-таки чуть крепче, чем в России и Беларуси. Украина характеризуется более слабым развитием изучаемой сферы.

Перечень рассмотренных выше международных рейтингов, отражающих состояние политических, экономических, социальных и инновационно-технологических институтов, не является

---

²⁵¹ UN E-Government Knowledge Data Base [Электронный ресурс] / United Nations. DataCenter. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/portals/egovkb/documents/un/2018-survey/e-government%20survey%202018_final%20for%20web.pdf. – Дата доступа: 01.10.2018.

исчерпывающим. Вместе с тем в представленный обзор, по возможности, были включены наиболее весомые рейтинговые проекты, дающие более или менее общие оценки институциональной среды и ее элементов, позволяющие составить *институциональный профиль Республики Беларусь* в виде совокупности ее позиций в рассмотренных выше рейтингах, упорядоченных по их возрастанию (рис. 3.2).

Анализ институционального профиля позволяет сделать выводы о несбалансированности развития институтов в Республике Беларусь, о чем свидетельствует огромный разброс позиций Беларуси в рейтингах и различия в интегральных оценках качества институтов (табл. 3.13).

Таблица 3.13

**Показатели качества институтов Республики Беларусь
и сопредельных стран**

Показатель (условное обозначение)	Беларусь	Россия	Украина	Литва	Латвия	Польша
P (political)	98	108	87	39	45	41
I_p	0,55	0,50	0,60	0,82	0,80	0,81
E (economic)	82	77	89	32	34	37
I_E	0,62	0,65	0,59	0,86	0,85	0,83
S (social)	65	69	87	36	36	34
I_S	0,70	0,68	0,60	0,84	0,84	0,85
T (technological)	47	43	66	40	44	39
I_T	0,79	0,81	0,70	0,82	0,80	0,83
I_{PEST}	0,66	0,65	0,58	0,83	0,82	0,83

Источник: рассчитано автором по данным мировых рейтингов.

Наиболее развитыми являются инновационно-технологические институты ($I_T = 0,79$). В этой сфере относительно благополучна ситуация в части креативности населения, конкурентоспособности промышленности, экологической эффективности, развития знания и ИКТ, электронного участия и электронного правительства, но явно отстают институты инновационного развития.

Следующими по уровню развития являются социальные институты ($I_S = 0,70$). Здесь выделяются институты, обеспечивающие человеческое развитие, комфортность положения матерей, отсутствие гендерной сегрегации населения. Отстают в развитии институты, обеспечивающие качество жизни населения. Институциональная среда недостаточно эффективна для обеспечения социального прогресса, процветания и поддержания процесса социальной глобализации.

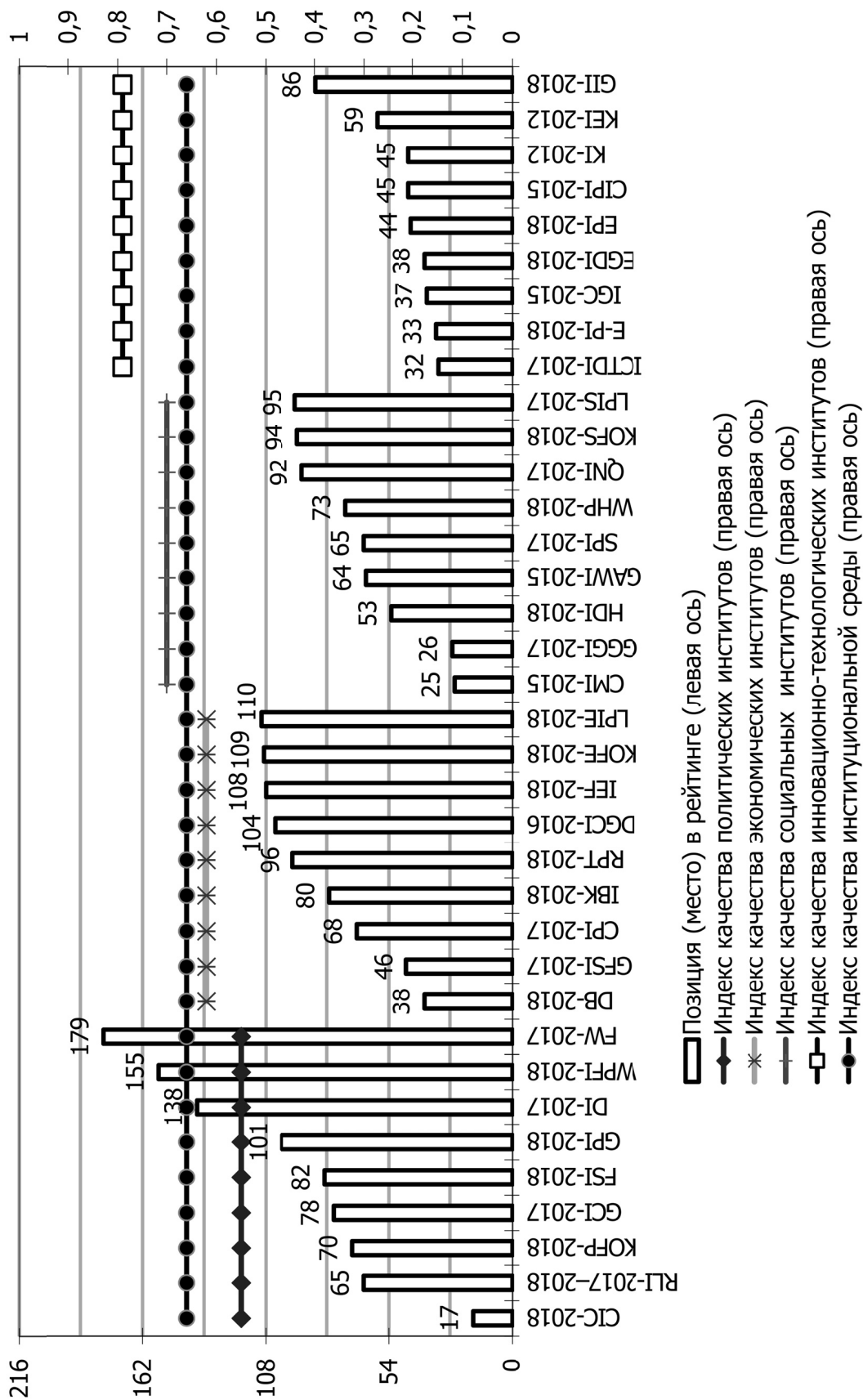

Рис. 3.2. Институциональный профиль Республики Беларусь

Далее в порядке убывания качества идут экономические институты ($I_E = 0,62$). В экономике высок уровень развития институтов, обеспечивающих продовольственную безопасность, ведение бизнеса. Отстают институты, определяющие инвестиционную, в том числе налоговую, привлекательность и препятствующие коррупции. Слабы институты, обеспечивающие экономическую глобализацию, глобальную интеграцию, в том числе эффективную логистику, а также экономические свободы. По мнению специалистов Института экономики НАН Беларуси, «к числу передовых стран в ведущих международных рейтингах, характеризующих конкурентоспособность, деловую среду, уровень инновационного развития, эффективность государственного управления, Беларусь не относится»²⁵².

На последнем месте по уровню развития находятся политические институты ($I_E = 0,55$). В этой сфере отмечается высокое качество институтов общественной безопасности и недостаточное их развитие в части демократии, политических и гражданских свобод, свободы прессы, низкая эффективность институтов государственного управления, политической глобализации.

Институциональный профиль показывает, что в трети рейтингов Беларусь попадает в первый квартиль (25%) стран, из которых один характеризует качество политических институтов, два – экономических, три – социальных, шесть – инновационно-технологических. В половине рейтингов Беларусь попадает во второй квартиль стран. В каждом седьмом рейтинге страна относится к третьему и четвертому квартилю и эти рейтинги касаются лишь политических и экономических институтов.

Из табл. 3.13 следует, что в Беларуси, как впрочем и в России, политические и экономические институты по уровню развития уступают социальным и инновационно-технологическим институтам. В Украине близок уровень развития политических, экономических и социальных институтов, как наиболее продвинутые выделяются инновационно-технологические институты. Что касается Литвы, Латвии и Беларуси, то в этих странах институты качественнее и более сбалансированы по уровню развития. Для отражения

---

²⁵² Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 22.

этих выводов ниже представлены *PEST-контуры институционального дизайна* Республики Беларусь и сопредельных стран (рис. 3.3).

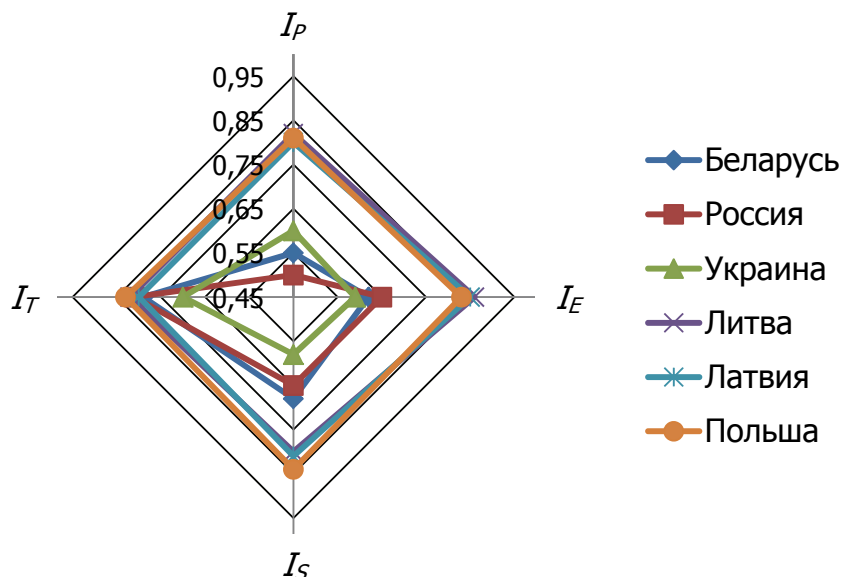

Рис. 3.3. PEST-контуры институционального дизайна Республики Беларусь и сопредельных стран

При практическом совпадении PEST-контуров Литвы, Латвии и Польши интересно обращение к показателю ожидаемой продолжительности жизни. Отражая результаты деятельности государства, он реально фиксирует направленность социально-экономических преобразований, их ориентацию на удовлетворение потребностей человека. Международная статистика показывает, что ожидаемая продолжительность жизни в Литве и Латвии в среднем на 3 года выше, чем в Беларуси, России и Украине, а в Польше – на три года выше, чем в Литве и Латвии. Таким образом, самая высокая ожидаемая продолжительность жизни наблюдается в Польше, что, возможно, объясняется большей длительностью рыночных преобразований. Институциональный профиль Польши представлен на рис. 3.4. Во всех рейтингах, кроме одного, характеризующего свободу слова, Польша относится к первому квартилю стран мира. Безусловно, Польше есть куда стремиться, но в целом диаграмма демонстрирует более качественную и сбалансированную институциональную среду, чем в Республике Беларусь.

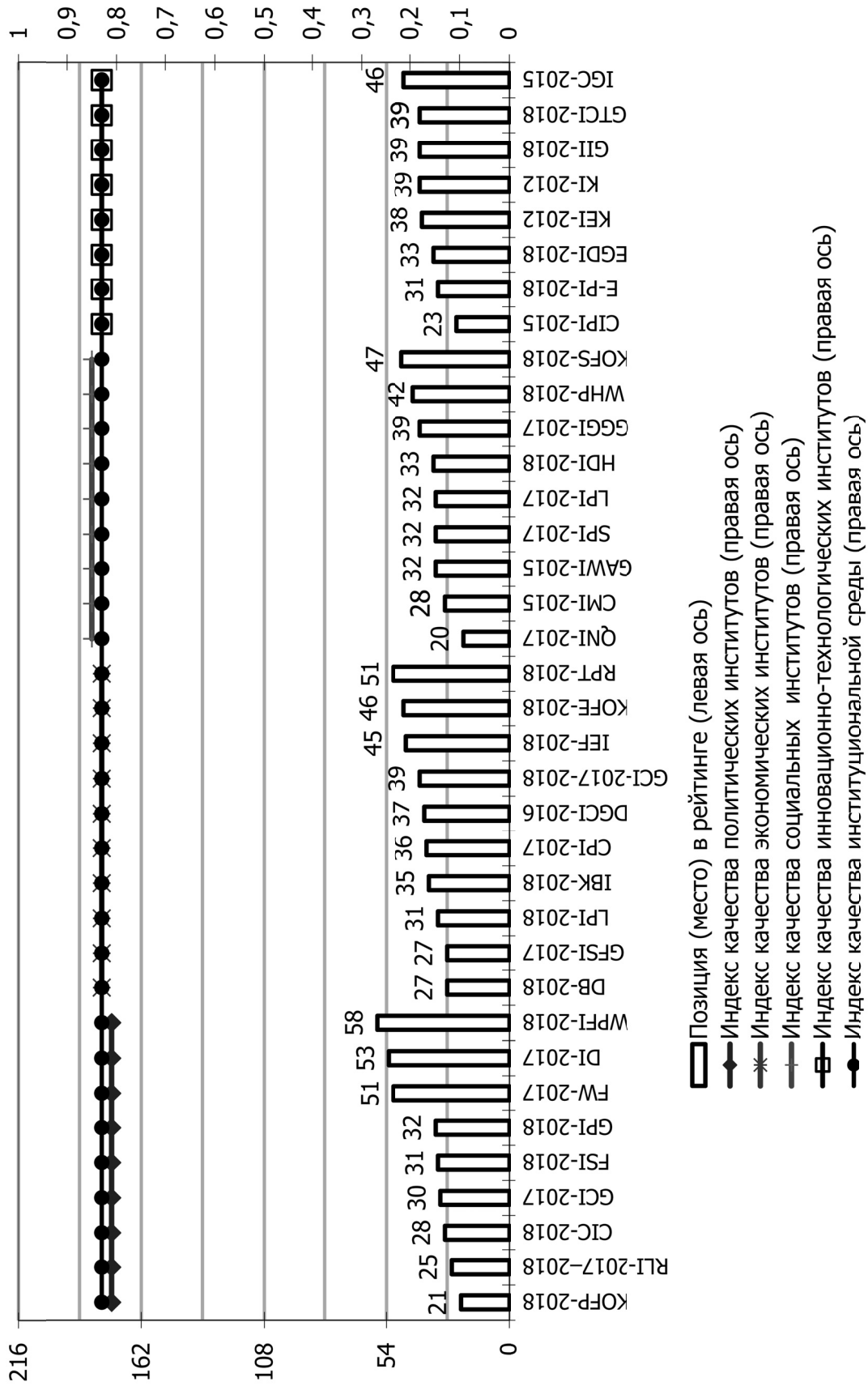

Рис. 3.4. Институциональный профиль Польши

Можно бесконечно дискутировать о тенденциозности и поверхностности отдельных рейтинговых проектов. Вместе с тем, сложив пасьянс из международных рейтингов, можно увидеть преимущества и проблемы Республики Беларусь, ее институциональные дисбалансы. Нетрудно предположить, что последние сказываются на национальной конкурентоспособности, которая, в конечном счете, причудливым образом агрегирует все достижения и проблемы в развитии креативной среды, технологической платформы, социальных, экономических и политических институтов. А конкурентоспособность Беларуси на фоне сопредельных стран невысока, что подтверждает поток трудовых мигрантов, направляющихся в Россию, Литву, Польшу и другие страны за более высокими заработками и лучшей жизнью. Международная миграция, как известно, достаточно эффективно диагностирует состояние социально-экономической среды.

Таким образом, анализ отечественной композиции политических, экономических и социальных институтов делает очевидной необходимость улучшения качества институциональной среды в Беларуси для повышения конкурентоспособности национальной экономики и на этой основе обеспечения роста уровня и качества жизни населения за счет улучшения использования имеющегося интеллектуального и технологического потенциала.

3.4. Благосостояние за труд

Республика Беларусь имеет много конкурентных преимуществ: выгодное экономико-географическое положение, обширные земельные ресурсы, благоприятные природно-климатические условия для сельскохозяйственного производства, привлекательные природные ландшафты, значительные запасы возобновляемых лесных ресурсов, пресной воды (подземные и поверхностные), хлористого калия, глины, цемента и другого сырья для промышленности строительных материалов. Расположение государства на границе с ЕС – это возможность доступа к технологиям, образованию, бизнесу, финансовым рынкам; соседство с Россией – это выход на обширный рынок и доступ к природным ресурсам, а отсюда – транзитный потенциал и развитая система транспортных коммуникаций (магистральные нефте- и газопроводы, железнодорожный и автомобильный транспорт). Страна имеет развитую производственную инфраструктуру,

многоотраслевой научный и промышленный комплекс, характеризуется комплексностью развития территорий, высоким образовательным уровнем населения, развитой системой подготовки квалифицированных кадров, наличием культурных и исторических ценностей, многовекторностью экономических связей²⁵³.

Между тем в стране доминируют традиционные технологии производства, значителен износ производственных фондов, высока материало-, энерго- и импортзатратность продукции, недостаточно развиты рыночная и инновационная инфраструктура, вследствие чего белорусская экономика находится в кризисном состоянии и постепенно утрачивает свою конкурентоспособность, тогда как сценарное развитие стран, являющихся основными торговыми партнерами Беларуси, предполагает риск дальнейшего сжатия их рынков и ужесточение конкуренции²⁵⁴. Однако экономические проблемы страны «лишь отчасти связаны с геополитическими вызовами»²⁵⁵.

Сложившаяся в белорусской экономике ситуация имеет двойную природу. С одной стороны, на состояние экономики повлияли процессы, протекающие в мировом хозяйстве и носящие глобальный характер, с другой – связанные с особенностями развития национальной экономики, ее переходным состоянием, реализуемой экономической парадигмой. Концептуальные подходы в развитии национальной экономики последние двадцать лет мало менялись и несвоевременно адаптировались к внешним условиям и социальным императивам. Трансформация институтов и механизмов их реализации слабо соответствовала меняющемуся контексту. «Доминирующим оставалось “ручное” управление, базирующееся преимущественно на административном ресурсе и далеко не прогрессивных представлениях чиновничьего аппарата

---

²⁵³ Шмарловская, Г. А. Конкурентоспособность Республики Беларусь в мировой экономике / Г. А. Шмарловская // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 26–27; Соколинская, Т. В. Международные рейтинги как форма регулирования институционального развития страны (на примере Республики Беларусь) / Т. В. Соколинская // Международная экономика. – 2011. – № 1. – С. 29–37.

²⁵⁴ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 23.

²⁵⁵ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – 96 с.

о современных формах и методах организации функционирования экономики. Стали постепенно утрачиваться научно обоснованные долговременные целевые ориентиры развития народного хозяйства и общества, учитывающие императивы и тренды движения мирового сообщества, резко снизилась роль и качество научного сопровождения при выработке стратегии и тактики развития экономики»²⁵⁶.

В итоге экономика Беларуси по эффективности продолжает в разы отставать от развитых экономик. Несмотря на активизацию процессов формирования информационного общества, принимаемых мер явно недостаточного для выхода страны на траекторию устойчивого развития. «Консервация накапливающихся проблем, устранение их последствий, а не причин, смещение акцентов не столько на преодоление тенденции отсталости, сколько на “антикризисное управление” привели к тому, что в стране не создана “новая экономика”»²⁵⁷.

Сегодня очевидно, что нужна иная парадигма развития национальной экономики, новые акценты долговременной экономической политики, учитывающие место национальной экономики в мировой хозяйственной системе, глобализационные тенденции, внутренние предпосылки, факторы и барьеры развития²⁵⁸.

Однако усилия белорусского правительства по-прежнему имеют природу внеэкономического императива, преобладает “ручное” управление экономикой, способствующее формированию рентной экономики в той ее форме, которая препятствует нормальному развитию системы общественного воспроизводства. Доминирование пользующихся преференциями государственных предприятий в качестве субъектов формирующейся рыночной

---

²⁵⁶ Шимов, В. Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 131–132.

²⁵⁷ Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2011–2015 годах и меры по обеспечению устойчивого сбалансированного развития экономики на перспективу. Информационно-аналитический доклад / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2016. – С. 6.

²⁵⁸ Шимов, В. Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 144.

экономики вызывает ослабление стимулов к развитию рынка и его институтов. Для ряда таких предприятий временная поддержка со стороны государства (налоговые льготы, бюджетные ссуды, реструктуризация долгов, бюджетная компенсация ставок по кредитам, др.) зачастую превращается в постоянную и стимулом их деятельности становится доступ к ней, а не развитие производства. В таких условиях монополистам нет смысла бороться с конкурентами, что тормозит инновационные процессы²⁵⁹.

Между тем современная экономика Беларуси постепенно выходит из-под ручного управления²⁶⁰ и требует преодоления критического барьера разбалансированности механизмов управления путем проведения структурных реформ. «Структурные экономические реформы означают смену экономической стратегии, но они невозможны без переформатирования ручного управления. Именно ручное управление притупляет необходимость реформ, дает возможность “вручную” решать текущие проблемы, позволяет скрывать стратегические ошибки, делать не всегда объективные выводы и проводить реформы»²⁶¹. На смену ручному должно прийти институциональное управление экономикой, которое и обеспечит рост эффективности функционирования всей системы отечественных факторов производства. Дискуссия по этой проблеме набирает обороты²⁶², и по мнению отдельных экономических обозревателей ситуация в белорусской экономике такова: «отсутствие реформ сегодня представляет не меньшую угрозу, чем самые рискованные и радикальные преобразования»²⁶³.

Перед Республикой Беларусь стоит выбор – общество должно пройти обновление, модернизировать экономику, либо оно будет постоянно находиться в кризисах и окажется на периферии

---

²⁵⁹ Рудый, К. Государственный капитализм в Беларуси / К. Рудый // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 82.

²⁶⁰ На это указывают увеличение числа случаев невыполнения распоряжений Президента и Правительства Республики Беларусь и махровая коррупция в органах власти.

²⁶¹ Рудый, К. В. «Ручное» управление: вызовы, противоречия, переформатирование / К. В. Рудый // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы 16-й Междунар. науч. конф. (Минск, 23 окт. 2015 г.). – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2015. – С. 24.

²⁶² Ганчеренок, И. И. Концепция «нового государственного управления»: результаты и развитие / И. И. Ганчеренок, В. А. Малашевич // Проблемы управления. – 2016. – № 1 (58). – С. 63–67.

²⁶³ Хлеб или реформы // Профиль. – 2016. – № 11. – С. 25.

современных мировых процессов. Реальный путь избежать пессимистичного сценария – переход на инклюзивный путь развития посредством преобразования институциональной среды.

Феномен экономического рывка послевоенных Германии и Японии, «чудо азиатских драконов» (Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), скандинавский социализм, достижения США и развитых европейских стран дают картину условий и факторов экономического развития. Их опыт показывает, что основные различия между национальными хозяйственными системами задаются не ресурсной базой, а правовыми и социокультурными условиями. Динамично развивающиеся страны доказывают, что в настоящее время можно добиться устойчивого экономического роста за счет эффективного использования человеческих ресурсов. Именно человек со своими знаниями, опытом и квалификацией определяет перспективы, границы, направления и возможности политической, экономической, социальной, технической и технологической модернизации общества, что и обеспечивает возможность его дальнейшего развития.

Примеры стран, совершивших инновационные прорывы, показывают успешность преобразований, опирающихся на сложившуюся в обществе систему ценностей и соответствующих ей институтов. Институты играют ведущую роль в архитектуре хозяйственных систем. Выступая фундаментом модели хозяйствования, они формируют систему стимулов, обуславливающих экономическое поведение хозяйствующих субъектов, задают уровень его рациональности, определяют направленность, а также интенсивность их деятельности. Любое цивилизованное государство заинтересовано в функционировании инклюзивных институтов, создающих такую структуру стимулов, которая обеспечивала бы экономическое развитие²⁶⁴. Инклюзивные институты поддерживают предпринимательскую инициативу, трудовую активность, способствуют привлечению инвестиций и экономическому росту. Напротив, стагнация и бедность даже в условиях ресурсного изобилия, как правило, связаны с пороками институциональной среды (экстрактивными институтами).

---

²⁶⁴ Щербаков, И. В. Оценка влияния действующей структуры стимулов на экономическое развитие / И. В. Щербаков // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 1. – С. 8.

Опыт развивающихся стран показывает, что несовершенная институциональная система может существовать столетиями, будучи неспособной должным образом использовать ни людские, ни природные, ни капитальные ресурсы для экономического и социального прогресса. Но известны и иные примеры, когда перестройка и реформирование сложившихся институтов очень быстро привели к впечатляющим результатам.

Как показывают отечественные и зарубежные исследования, институциональная среда белорусской экономики продолжает активно формироваться, но по многим критериям она еще не соответствует уровню развитых и даже некоторых развивающихся стран. Возвратно-поступательный характер социально-экономических процессов ярко отражает переходность нынешнего состояния. Существующие институты формируют недостаточные стимулы для эффективного использования имеющихся в стране ресурсов. Рейтинговый анализ качества отечественных институтов показывает необходимость улучшения институциональной среды в Беларуси для повышения конкурентоспособности национальной экономики и на этой основе обеспечения роста уровня и качества жизни населения. Улучшение использования имеющегося интеллектуального и технологического потенциала требует развития политических и экономических институтов.

Беларусь оказалась в «ловушке среднего дохода», возникающей, когда рост экономики страны замедляется и в конечном итоге останавливается после достижения среднего уровня доходов. Эта проблема обычно появляется у развивающихся стран в связи с ростом заработной платы и снижением конкурентоспособности продукции. В результате институциональных изменений конкурентоспособность, основанная на дешевом труде и российских энергоносителях, инфляции и обесценивании отечественной валюты, должна уступить место конкурентоспособности, основанной на инновациях²⁶⁵. В противном случае Беларусь останется на периферии мировой экономики в кругу стран-доноров, участвующих в формировании, но не присвоении глобальной ренты.

В мировой истории известно много примеров, когда государства получали мощный толчок в экономическом развитии за счет инноваций. В частности, Швеция в течение нескольких десятилетий

---

²⁶⁵ Гусаков, Б. Поиски стратегии для белорусской экономики / Б. Гусаков // Главный экономист. – 2015. – № 4. – С. 65–73.

XX в. из бедной аграрной страны превратилась в одну из богатейших и высокоразвитых индустриальных держав. Основу этого развития составили не только природные богатства северной страны (лес, руда, гидроэнергетические ресурсы), но и ряд революционных изобретений (динамит, телефон, универсальный разводной гаечный ключ, паровая турбина, шарикоподшипник, газовый маяк, доильный аппарат, молочный сепаратор, безопасная спичка, гребной винт, прототип компьютерной мыши, упаковка «тетрапак», автомобильное кресло для детей, разборная мебель, портативный кардиостимулятор и др.) с их дальнейшей разработкой и эксплуатацией, чему способствовала существующая в стране институциональная среда, в которой инновация стала образом мышления и традицией.

Построение экономической модели с опорой на знания и инновации определено в качестве основного приоритета в реализации Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 г.²⁶⁶ Инновационная модель развития сегодня выбрана в качестве ориентира наиболее успешными экономиками мира, к которым можно отнести такие малые европейские страны, как Австрия, Бельгия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Швеция, Финляндия. Правительства этих стран, не обремененные большими военными расходами, стремятся поддерживать высокий уровень благосостояния населения, обеспечивая его эффективными рабочими местами. Их экономики характеризуются высоким среднедушевым ВВП, а социальное благополучие опирается на обеспечение достойной заработной платы. Ограниченные масштабы национального рынка стимулируют выход этих стран на внешние рынки, а отсутствие в большинстве случаев значительных ресурсов способствует развитию наукоемких отраслей, что связано с активным поиском ниш на мировом рынке²⁶⁷. При этом опыт наиболее благополучных европейских экономик, где средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении уже «перевалила» за 80 лет, указывает на то, что серьезные инновации

---

²⁶⁶ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь; ГНУ НИИЭ // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja... .pdf>. – Дата доступа: 26.02.2018.

²⁶⁷ Романова, Л. Страны Северной Европы: стратегия выживания и развития / Л. Романова // Обозреватель. – 2015. – № 4. – С. 103–106.

возможны только при наличии эффективной системы распределения общественного продукта, призванной способствовать устойчивому развитию производительных сил общества и обеспечивать высокие стандарты жизни населения.

На протяжении всей истории человечества, при любых формациях и цивилизациях, жизнь общества сохраняла трудовую основу. Во все времена характер и содержание труда определяли образ жизнедеятельности человека и общества в целом. Именно труд, оснащенный технически, обогащенный технологически, облагороженный знаниями, создавал условия жизни человека, воплощал прогресс человечества и лежал в основе расширенного воспроизводства.

Труд и профессия являются осью человеческого существования, определяя положение в обществе, доход, образ жизни, круг общения и т. п. Современная теория управления оперирует понятием «профессиональная жизнь». Качественная профессиональная жизнь человека предполагает его самореализацию в профессии, достижение им достойного социального статуса и психологического комфорта от профессиональной деятельности²⁶⁸.

Современный мир находится в состоянии резких перемен, кардинально меняющих характер и содержание труда. Стоимость товаров и услуг порождается сегодня не столько производством как таковым, сколько приложением к производственному процессу новых идей, инноваций. В связи с этим происходит трансформация понимания традиционных факторов производства. И если ранее классическая политэкономия в большей мере сосредотачивалась на материальных факторах производства, уделяя меньшее внимание человеку, нежели земле и капиталу, то уже на рубеже XIX–XX вв. социологом Максом Вебером был совершен переворот во взглядах на хозяйственную деятельность человека и общества и «открытие духа» в роли двигателя экономической активности и лавинообразного развития капиталистического способа производства. Открытие М. Вебера заключается в том, что *самым мощным драйвером экономического роста является мотивация и лежащие в ее основе ценности и цели*. С тех пор в фокус многих исследований помещается социокультурная основа хозяйственной практики, способная генерировать прибавочный доход, становящийся источником ренты особого рода.

---

²⁶⁸ Володько, В. Ф. Динамика развития технологий управления / В. Ф. Володько // Новости науки и технологий. – 2016. – № 2 (37). – С. 48.

Однако текущая ситуация в Беларуси такова – в условиях низкого уровня и необоснованной дифференциации заработной платы, невиданного разгула коррупции в чиновничьей среде в системе ценностей населения труд в системе общественного воспроизводства и его содержание находятся далеко не на первом месте. Работники по большей части заняты на рабочих местах, но не вовлечены в трудовой процесс. В отсутствие культа труда возникает проблема оппортунистического поведения – как заставить работников действовать в интересах собственника, если они не интересуются значением и конечным результатом собственной деятельности, не ищут альтернативных путей достижения цели, избегают инициативы и нуждаются в строгом контроле руководителя, чувствуют ответственность за формальное исполнение инструкций, но не за достижение результатов.

Человек труда – опорный элемент благополучия общества. Девальвация ценности труда подрывает трудовую мотивацию и веру в социальную справедливость, не способствует формированию ответственного отношения к своему здоровью как к капиталу. Расплатой за это является алкоголизм и наркотизация населения. Отсутствие трудовой мотивации сдерживает рост производительности труда, уровня и качества жизни населения. Неслучайно в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575) зафиксировано: «к числу внутренних угроз относится недостаточная мотивация работников к эффективному труду».

Кризис социально-трудовой сферы закономерно ведет к кризису экономической системы в целом. Социально-экономические последствия нерешенности этой проблемы являются фундаментальным препятствием для экономического развития страны, и сегодня наше общество переживает тот самый переломный момент, когда экономические стереотипы, определяющие поведение человека, не соответствуют современной ситуации. Необходимо менять отношение белорусов не только к труду, но и к собственности и предпринимательству с настороженно-негативного на позитивное, формировать в обществе ценности хозяйственной жизни и современную бизнес-культуру.

Правительство осознает значение развития частного сектора, в том числе малого и среднего предпринимательства, как решающего фактора обеспечения устойчивого роста и конкурентоспособности

экономики, поскольку очевидно, что высокая занятость на государственных предприятиях, выступающая как форма социальной защиты населения, препятствует перераспределению капитала и трудовых ресурсов в более производительные отрасли, искажает систему цен и ведет к нерациональному использованию ресурсов²⁶⁹.

Экономический менталитет молодых белорусов постепенно меняется, сегодня многие из них совмещают работу по найму с попытками организации собственного дела, набирают популярность бизнес-инкубаторы, стартап-движение. Молодежь активно учится, у нее популярны бизнес-курсы и тренинги, растут продажи книг по бизнесу. Тысячи белорусов учатся в европейских учреждениях высшего образования, многие возвращаются для того, чтобы на родине воплотить свои знания в жизнь²⁷⁰. А поскольку именно молодежь обладает мобильностью, познавательной активностью, инициативностью, восприимчивостью к инновациям, быстрым усвоением новых технологий, способностью отвечать современным вызовам и генерировать новации, то с годами инновационно мыслящих людей будет становиться все больше, их влияние на экономику будет усиливаться.

Между тем в стране сохраняется потребность в реализации мер, обеспечивающих раскрепощение у граждан деловой инициативы и постепенное увеличение доли экономически самостоятельного и предприимчивого населения с инновационным потенциалом. Последние, в отличие от большинства граждан страны, наделены за счет своей природы и воспитания повышенным стремлением к самореализации, а также к изменениям в ритме и стиле жизни. Они более активны и динамичны, менее склонны к зависимости и патернализму. Подобные свойства характера нередко наследуются, но они еще и воспитываются в соответствующей общественной среде. Поэтому одним из приоритетов государственной стратегии

---

²⁶⁹ Индекс экономической политики в сфере МСП. Страны Восточного партнерства 2016. Оценка соответствия принципам Европейского акта о малом бизнесе. Доклад ОЭСР [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОЭСР. – Режим доступа: https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/eastern-partners/SME_Policy_Index_Eastern_Partners_2016_Russian.pdf. – Дата доступа: 10.10.2018.

²⁷⁰ Зиссер, Ю. Инновационная Беларусь: мысли вслух [Электронный ресурс] // Информационный портал Tut.by. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/518133.html>. – Дата доступа: 10.11.2018.

развития должно стать формирование инновационной хозяйственной культуры на базе возрождения традиционной ценности самого труда. Слабая трудовая мотивация, низкая предпринимательская инициативность населения должны быть преодолены для активизации белорусского общества, максимального вовлечения граждан в экономику и обеспечения эффективного использования человеческого потенциала.

Только инклюзивный экономический рост в состоянии обеспечить устойчивое повышение национальной конкурентоспособности. В современном мире неотъемлемым условием инклюзивного развития и формирования конкурентоспособной экономики выступает эффективная социальная политика. Она все чаще рассматривается не только как стабилизатор общественного развития, но и как фактор защиты интересов государства при расширении и углублении глобальной конкуренции. Диктуемое ею перераспределение общественных ресурсов призвано способствовать повышению трудовой и предпринимательской активности населения.

Социально-правовое государство означает не благотворительную организацию, занимающуюся распределением благ. Ведущая роль в реализации социальной политики отводится формированию трудовой мотивации населения. В центре социальной модели должен быть человек труда и его насущные интересы.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ (XX в.)

«Основы социальной политики были определены в докладе экономиста и либерала У. Бевериджа о социальном обеспечении, подготовленном в годы войны (1 декабря 1942 г.) по заказу коалиционного правительства У. Черчилля. Беверидж считал, что социальное обеспечение является лишь частью социальной политики, предполагавшей полную занятость и всестороннее медицинское обслуживание. Исходным моментом социального обеспечения, по его мнению, должно быть сотрудничество государства и индивида. При этом государство берет на себя обеспечение базовых потребностей членов общества и помощь в особых случаях. За индивидом же сохраняется право обеспечивать для себя и своей семьи доход сверх такого общенационального уровня.

...В 1946 г. Парламент принял закон о создании Национальной службы здравоохранения, введившей принцип бесплатной медицинской помощи для всех категорий населения... Британская система здравоохранения стала одной из лучших в Европе... В 1948 г. была введена в

действие система социального страхования, которая расширила и объединила различные виды социального обеспечения. Всему населению была гарантирована выплата пенсий – для женщин с 60 и для мужчин с 65 лет. Предусматривались выплаты пособий по безработице, по болезни, при потере трудоспособности, на рождение ребенка, а также вдовам и инвалидам детства. Фонд страхования на 35% формировался за счет взносов застрахованных. Остальные средства вносили предприниматели и государство.

...Особое место в социальной политике властей занимала прямая материальная помощь семьям с детьми. Впервые закон о пособии для семей, имеющих двух и более детей, независимо от доходов семьи, был принят еще ... в 1945 г. В нем устанавливалось, что пособие впервые в истории выплачивалось матери. Вводимая мера пользовалась широкой популярностью у населения, так как многие видели в ней средство поощрения рождаемости, снижения бедности и возможность вырастить здоровых детей. К тому же выплаты были не настолько велики, чтобы у людей не пропал стимул к поиску работы... Значительные средства государства были вложены в строительство более 1 млн. муниципальных домов.

...В результате проведенных реформ было построено социально ориентированное государство, которое принято называть государством "всеобщего благополучия", или социальных гарантий. По сравнению с довоенным временем оно обеспечило большинству британцев лучшее качество жизни... Фактически представление о "государстве всеобщего благополучия" основывалось на патриархальной модели семьи, в которой мужчина-кормилец должен был содержать семью, а женщина – заботиться о домашнем хозяйстве и детях... Все население было включено в общую систему социальных служб.

...Социальные реформы потребовали огромных средств. Дефицит бюджета приобрел хронический характер. Для покрытия возросших государственных расходов ... правительство прибегало к повышению налогов... Объявляя о жесткой экономии государственных средств, лейбористы впервые стали прибегать к замораживанию заработной платы... В условиях развернувшейся в мире научно-технической революции Британия постепенно отставала от ведущих капиталистических стран, прежде всего от США, по темпам экономического роста (*конец 1940-х гг. – Т. Д.*)...

...Система бесплатного здравоохранения и социального страхования, созданная послевоенным правительством, мало изменилась при их преемниках... Тэтчер же (*премьер-министр в 1979–1990 гг. – Т. Д.*) подвергла основы государства "всеобщего благополучия" острой критике и заявляла, что все эти "благоденствия" превращают граждан в государственных иждивенцев и сопровождаются деградацией общества.

В годы нахождения у власти тэтчеристы стремились ограничить государственную поддержку предоставлением материальных средств лишь тем британцам, которые не могли пользоваться дорогостоящим рынком услуг. К подобным категориям граждан "неоконсерваторы" относили безработных, живущих на государственные пособия, пенсионеров и инвалидов, а также лишенных нормального заработка матерей-одиночек... Система обеспечения социальной помощи "для всех" заменялась индивидуальным подходом к каждому, кто нуждался в такой помощи... Обращаясь к семье как к источнику моральных ценностей, консерваторы одновременно возлагали на нее затраты, которые она прежде не несла, включая оплату части медицинских услуг и обучения детей. Тем самым косвенно поощрялось стремление трудиться интенсивнее и зарабатывать больше. К январю 1980 г. ... половина британских женщин работали. Новая трактовка функций социального государства встретила ... непонимание значительной части стороны населения. В осознании этой категории британцев уже укоренилось убеждение, что государство должно предоставлять определенный набор социальных гарантий всем своим гражданам.

...Концепция "третьего пути" разработана директором Лондонской школы экономики Э. Гидденсом (*советник Э. Блэра, 1998 г. – Т. Д.*). ...Это нечто среднее между индивидуализмом тэтчеризма и коллективизмом социал-демократии... Цель "третьего пути" состоит в развитии различных форм участия граждан, их групп или объединений в решении экономических, социальных и политических вопросов на всех уровнях. Под индивидуализмом в новом толковании мыслилось поведение человека, который ощущает себя личностью, способной принимать решения и проявлять инициативу в каком-либо роде деятельности. Но одновременно этот же человек с интересом относится к функционированию общественных институтов и как член какого-либо объединения или общества активно участвует в реализации социальных, благотворительных или экологических программ... Основной акцент делался не на усилении роли государства, а на устранении "демократического дефицита", т. е. активности британцев в общественной жизни... Это должно было привести к установлению тесных связей между государством и обществом, преодолению отчуждения граждан от институтов власти, т. е. к дальнейшему развитию гражданского общества.

В отношениях между собственниками и трудящимися "третий путь" трактовался как приобщение рабочих и их организаций к принятию решений. В социальной сфере выдвигалась формула "*благополучие за труд*". В соответствии с ней каждому способному трудиться создавались условия для его обучения и возможность обеспечивать свои потребности собственным трудом. Именно на подготовку человека

к полезной деятельности во благо себе и обществу, а не на выплату пособий безработному планировалось затрачивать основные государственные средства.

Государство "всеобщего благосостояния" не рассматривалось отныне как механизм перераспределения доходов в пользу бедных, а должно было трансформироваться в "государство социальных инвестиций", рассчитанное на вложение средств в человека и на включенность его в общественную жизнь. Предполагалось, что британцам будут предоставлены не только равные стартовые возможности, но и благоприятные условия для развития их способностей и повышения материального уровня».

Источник: Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI в. / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2017. – 472 с.

Мировой опыт свидетельствует о том, что в условиях ускорения научно-технического прогресса и усиления влияния различных распределительных коалиций постоянно появляются новые источники формирования ренты, а отечественный убеждает в неизбежности возникновения рентных доходов в условиях «ручного» управления экономикой. В этом контексте закономерной выступает необходимость корректировки распределительных институтов, призванных обеспечивать приемлемую дифференциацию доходов населения и стимулы экономического роста.

Вместе с тем в основе государственной социально-экономической политики лежат представления о том, что все проблемы находятся исключительно в ресурсной плоскости. Сосредоточивая свои усилия на ресурсной, а не на институциональной компоненте, реформой распределительных отношений правительство озабочено недостаточно. Однако модернизация отечественной экономики, выступающая способом изменения распределения ресурсов (в том числе трудовых) между ее отраслями с целью сокращения менее производительного и роста более производительного секторов, невозможна без преобразования модели распределения доходов. Основные направления развития распределительных отношений в Беларуси: трансформация модели социальной политики; совершенствование политики оплаты труда; развитие системы налогообложения.

Социальная политика Беларуси базируется на патерналистской социалистической модели. Для нее характерна всесторонняя ответственность государства за социально-экономическое

положение своих граждан, опирающаяся на государственную монополию в области производства и распределения товаров и услуг. Политика государственных гарантий, которая проводилась в течение многих десятилетий и базировалась на идеологии патернализма, снимала с людей заботу о решении собственных социальных проблем, одновременно лишая многих граждан действенных стимулов к совершенствованию и самореализации. В чистом виде такая политика направлена на обеспечение уравнительности и социальной однородности. В условиях этой модели высока зависимость индивида от государства, ограничена социальная свобода, в результате утрачивается творческая активность и инициатива граждан, необходимые для устойчивого развития общества. Патерналистская модель социальной политики обладает низкой экономической эффективностью и не в состоянии обеспечить высокий уровень благосостояния всех граждан. Поэтому в развитых странах социальная политика реализуется в рамках иных моделей²⁷¹.

Либеральная (англосаксонская) модель предполагает минимальную государственную поддержку низших социальных слоев через институты социального страхования и социальной помощи. Модель ориентирована на снижение вмешательства государства в решение индивидуальных проблем человека и развитие приватизации социальных функций. Она предполагает мобилизацию собственных сил человека, действующего в условиях максимальной свободы выбора. В обществе образованных и энергичных граждан, привычных к борьбе за существование, такая политика может быть вполне оправданна и эффективна.

Корпоративная (континентальная) модель, в основе которой лежит система социального страхования, позволяет прямо или косвенно организовать социальное обеспечение через работающее население. Базируется на принципах свободной конкуренции, предполагает наличие целой системы социальных амортизаторов, обеспечивающих уровень жизни не ниже черты бедности. При этом государство не берет на себя задачи, которые могут решить сами граждане.

Социально-демократическая (скандинавская) модель характеризуется предоставлением социальных услуг всему населению и ориентацией на обеспечение полной занятости. Модель предполагает высокий уровень регулирования государством социальной сферы

---

²⁷¹ Антюшина, Н. Значение опыта североевропейских стран для экономической теории и политики / Н. Антюшина // Экономист. – 2015. – № 8. – С. 51–59.

и обеспечивает высокую степень социальной защищенности граждан. Для скандинавской модели характерна высокая налоговая нагрузка на доходы.

Англосаксонская модель характерна для Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, континентальная применяется в Австрии, Германии, Швейцарии, Франции, скандинавская модель – в Швеции, Норвегии, Финляндии. Существует группа стран, социальная политика которой характеризуется сочетанием подходов англосаксонской и скандинавской модели: Дания, Бельгия, Нидерланды.

Либеральная концепция в чистом виде вряд ли может быть использована в Беларуси. Она отличается наибольшей жесткостью, характеризуется разгосударствлением социальной сферы, сведением до минимума государственных субсидий и дотаций. В ситуации, когда значительное число людей не способно адекватно реагировать на трудности, проведение чисто либеральной политики может привести к социальному кризису, блокированию социальной адаптации, дезориентации и маргинализации населения.

Прогрессивность скандинавской модели кажется очевидной. В северных странах Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) действует одна из лучших в Европе моделей социально-экономического развития, которая обеспечивает эффективность национальной экономики, высокий уровень жизненных стандартов населения и политическую стабильность в жестких условиях глобальной конкуренции. Лидерские позиции, занимаемые ими во многих мировых рейтингах, подтверждают этот вывод.

Принципиальное значение имеет социальная и инновационная ориентированность указанного региона, гарантирующая странам стабильные рынки сбыта. Социальная ориентация обеспечивает расширенный сбыт на внутреннем рынке, а инновационная ориентация – на внешнем. При этом социальная направленность обеспечивает формирование человеческого капитала, необходимого для осуществления инноваций качества, а инновационная направленность, обеспечивая выгодное место в системе международного разделения труда, помогает поддерживать дорогостоящую систему социальной поддержки населения, поскольку высокие доходы экспортеров частично перераспределяются внутри страны в пользу государства и других слоев населения²⁷².

---

²⁷² Антюшина, Н. Значение опыта североевропейских стран для экономической теории и политики / Н. Антюшина // Экономист. – 2015. – № 8. – С. 51–59.

Между тем ориентация на конкретную модель социальной политики может привести к усилению перекосов общественного развития и способна усугубить кризис. Попытка воспроизвести скандинавскую модель в России потерпела неудачу. Беларусь по многим параметрам жизнеустройства близка к России, что обусловлено исторической и культурной общностью наших народов: «Хотя мы живем теперь в разных странах, но везде живет “красный” человек»²⁷³. Поэтому белорусской экономике следует опираться на возможности различных моделей, учитывая, что их отдельные элементы адресованы разным группам граждан. Адаптированные к новым реалиям и особенно активные, преуспевающие слои населения желают свободы выбора во всех сферах их жизнедеятельности. Но их пока меньшинство, большинство же еще нуждается в социальной поддержке и социальной помощи.

Определяющую роль в повышении эффективности общественного производства, преодолении социально-экономических противоречий, обеспечении национальной безопасности, повышении качества жизни населения играет оплата труда наемных работников. Сфера оплаты труда сегодня пребывает в полном хаосе: отсутствуют стандарты заработной платы по профессиям и должностям, близким по содержанию труда; ее размер определяется не квалификацией работника и результативностью его труда, а местом, занимаемым им в национальной системе формирования и распределения экономической ренты, что отражают аномальные параметры уровня и дифференциации заработной платы, разрушающие экономические отношения и деформирующие социальные взаимозависимости. Так, в странах с рыночной экономикой размер заработной платы зависит от их уровня социально-экономического развития, и пропорции в оплате труда разной сложности достаточно схожи: вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника или менеджера. В нашей стране эти соотношения могут быть обратными и сильно расходятся с мировой практикой. Это приводит к губительным последствиям, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда.

---

²⁷³ Нобелевская лекция Светланы Алексиевич [Электронный ресурс] // The Nobel Prize: сайт. – Режим доступа: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html. – Дата доступа: 01.03.2016.

Ситуация в социально-трудовой сфере требует немедленного «маневра» в сторону человека труда, изменения условий его деятельности, обеспечения достойного уровня жизни, возможностей социального и профессионального развития. Стране необходима система радикального повышения трудовой мотивации, ориентированная на все группы работников. Без активизации деятельности каждого трудоспособного в Беларуси не может быть устойчивого экономического роста и подъема благополучия граждан. При этом важно иметь в виду, что конкурентные преимущества страны связаны с наиболее квалифицированными работниками, высокая заработная плата которых должна формировать у них мотивацию к инновациям.

Трансформация институтов оплаты труда – базовая составляющая социальных реформ. Она позволит устранить дискриминацию многих работников, в том числе высококвалифицированного персонала науки, образования и здравоохранения, возродить необходимые для инновационного развития страны творчество и инициативу, повысить сплоченность белорусского общества и станет катализатором социально-экономического развития Беларуси. До тех пор пока не будет осуществлена кардинальная реформа системы оплаты труда, страна будет далека от «взрывных» инноваций и «прорывных» технологий, экономики знаний и инклюзивного развития.

В рентной модели современной экономики необходимо развитие институтов налогообложения. Они должны нивелировать негативные последствия функционирования рентной экономики и стать одним из первостепенных инструментов достижения устойчивости экономического развития государства.

В отличие от Беларуси в большинстве стран мира действует прогрессивное налогообложение доходов физических лиц. Прогрессивный подоходный налог – необходимый признак социального государства. Прогрессивные налоги, изымая большую часть высоких доходов и меньшую часть низких доходов, сглаживают экономическое неравенство, неизбежно возникающее в условиях рентной экономики. Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом, налоговые поступления могут быть использованы не только для прямых трансфертов бедным, но и для повышения заработной платы в бюджетном секторе. Кроме того, прогрессивное налогообложение обладает свойством автоматиче-

ского стабилизатора, способствуя росту налоговых поступлений в бюджет в условиях экономического подъема и наоборот. С увеличением доходов налогоплательщики переходят в группу с более высокими налоговыми ставками, что сдерживает быстрый рост доходов и тормозит открытую инфляцию в форме роста цен, вызванную ростом доходов населения. При снижении доходов в условиях экономического спада прогрессивные налоги уменьшают поступления в бюджет, не допуская резкого сокращения доходов, остающихся после уплаты налогов, что препятствует снижению инвестиций, падению объемов производства и, как следствие, росту цен. Поэтому прогрессивное налогообложение выступает и как антиинфляционная мера. Все это объясняет, почему не терпят крах современные скандинавские государства с их высокими налогами и громадными социальными расходами. Грамотно формируя политику налогообложения, государство повышает общую эффективность экономики.

Итак, способствующее поддержанию роста национальной экономики и инклюзивного развития страны поведение населения формируют не только инклюзивные политические и экономические институты. Неотъемлемым условием формирования конкурентоспособной экономики выступают эффективные социальные институты и разумная социальная политика. Проблема повышения конкурентоспособности белорусской экономики не может быть решена без радикального пересмотра распределительных отношений. В центр модели национальной экономики должен быть поставлен человек труда и его насущные интересы, а диктуемое ею перераспределение общественных ресурсов обязано способствовать повышению инновационной трудовой и предпринимательской активности населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня невозможно рассчитывать на успех в развитии национальной экономики, изолируясь от мирового сообщества и игнорируя характерные для современной экономики процессы – глобализацию организации и осуществления основных видов экономической деятельности, возрастающую взаимозависимость национальных хозяйственных систем, ускорение научно-технического прогресса, усиление борьбы за ресурсную и технологическую ренту и ее накопление в развитых странах с помощью механизмов фондового рынка. Постоянный поиск ренты является главной причиной как экономического развития, так и глобального неравенства.

В мировой экономике нет ничего случайного, и, как правило, наибольшие объемы добавленной стоимости создаются в тех странах, где накоплено значительное национальное богатство. Национальное богатство – результат постоянно возобновляющегося процесса формирования, накопления и использования материальных и нематериальных активов для удовлетворения текущих потребностей общества и создания условий для последующего долгосрочного его развития. Объединяя разноплановые элементы, национальное богатство формирует целостную воспроизводственную систему общества. Эффективность этой системы определяется конкурентоспособностью национальной экономики (способностью генерировать добавленную стоимость).

Современному обществу, стремящемуся к устойчивому экономическому росту, соответствует системная концепция национального богатства, которая наряду с традиционными материальными благами включает расширенные природно-ресурсные и социально-институциональные характеристики. Согласно подходу

Всемирного банка возможности общественного воспроизводства определяют произведенный, природный, человеческий и институциональный капиталы, в своей совокупности образующие национальное богатство. Конкурентоспособность национальных экономик в наибольшей мере формирует нематериальный (институциональный и человеческий) капитал, признаваемый сегодня ключевым элементом накопления национального богатства.

Человек определяет стратегию развития воспроизводственной системы общества, формируя и трансформируя политические, экономические, социальные и инновационно-технологические институты. При этом степень инклюзивности политических и экономических институтов задает интенсивность накопления и эффективность использования материальных элементов национального богатства.

Условия жизнедеятельности населения – зеркало национальной конкурентоспособности. В основе их оценки изначально лежала концепция уровня жизни, на смену ей пришла концепция качества жизни, а затем концепции человеческого и устойчивого развития. Современный подход к оценке социально-экономического прогресса в разных странах представляет концепция инклюзивного развития Всемирного экономического форума, в фокусе которой находится формирование благоприятных условий для устойчивого инновационного экономического роста, обеспечивающего повышение качества жизни всего населения и нивелирующего социальное неравенство. Концепция инклюзивного развития предусматривает создание максимальных возможностей личного развития и трудоустройства в отношении каждого человека за счет обеспечения высоких темпов экономического роста и равного доступа граждан к предоставляемым социальным гарантиям и участию во всех сферах жизни общества. Возможность заниматься производительным трудом, обеспечение занятости – основное связующее звено между достижением экономического роста и созданием условий для развития человека.

В качестве интегрального показателя оценки социально-экономического развития стран мира Всемирным экономическим форумом предложен Индекс инклюзивного развития, опирающийся на 12 индикаторов общественного прогресса, названных национальными ключевыми показателями эффективности. Индикаторы условно сгруппированы в три группы: «рост и развитие» (ВВП на

душу населения, производительность труда, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, занятость населения); «инклюзивность» (коэффициенты расслоения общества по доходам и по богатству, уровень бедности, медианный доход); «межпоколенческий капитал и устойчивость развития» (чистые сбережения с учетом вложений в человеческий капитал и истощения ресурсов, парниковая интенсивность, государственный долг, коэффициент демографической нагрузки). Методология ВЭФ опирается на использование уровневых значений индикаторов и их относительных изменений, отражающих пятилетний тренд в развитии оцениваемых явлений.

Оценка социально-экономического развития Республики Беларусь на основе индикаторов инклюзивного развития Всемирного экономического форума показывает, что параметры собственно инклюзивности, роста и развития выглядят лучше параметров, характеризующих межпоколенческий капитал и устойчивость развития. Между тем и они не демонстрируют желаемой динамики. Демографические диспропорции, низкая и неэффективная занятость населения, недостаточные темпы роста производительности труда, ВВП на душу населения, слабое накопление основного капитала, высокий уровень государственного долга и значимость экологических угроз относятся к числу предпосылок снижения уровня, качества и ожидаемой продолжительности жизни населения. На фоне развивающихся стран Беларусь по ряду индикаторов выглядит не худшим образом, но динамика индикаторов демонстрирует не приближение к развитым странам, а нарастание предпосылок отставания от них, что свидетельствует об отсутствии инклюзивного роста и необходимости поиска его источников. Негативные тренды требуют ревизии национального богатства в целях поиска драйверов инклюзивного развития.

По размеру национального богатства на душу населения Беларусь сопоставима с Болгарией, но в 2–3 раза отстает от постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы и в 10–15 раз от развитых стран Западной и Северной Европы. При этом по величине природного капитала на душу населения страна сопоставима с Бельгией и большинством стран Центральной и Восточной Европы и имеет вдвое меньший его запас, чем страны Западной и Северной Европы. В части физического капитала у Беларуси ситуация хуже: страны Центральной и Восточной Европы опережают ее более чем в 2 раза, а страны Западной и Северной Европы –

более чем в 10 раз. Что касается нематериального капитала на душу населения, то здесь Беларусь неплохо выглядит на фоне стран СНГ, однако в странах Центральной и Восточной Европы его величина выше в 2–3 раза, а в странах Западной и Северной Европы – в 15 и более раз. При этом именно нематериальный капитал преобладает в структуре национального богатства, составляя от 2/3 до 3/4 от него.

Доминирующий в составе национального богатства нематериальный капитал образуют человеческий и институциональный капиталы. В Беларуси наблюдается уменьшение численности человеческих ресурсов, ослабление психофизиологического, ценностного и образовательного (в части приращения наиболее современных знаний) человеческого потенциала, сжатие контингента населения, занятого в экономике, что сопровождается сокращением человеческого капитала, подтверждаемым отрицательной динамикой производительности труда и валового внутреннего продукта. Что касается институциональной среды, то она продолжает активно формироваться, но по многим критериям еще не соответствует уровню развитых стран. Действующие институты формируют недостаточные стимулы для эффективного использования человеческих и иных ресурсов. Улучшение использования имеющегося интеллектуального и технологического потенциала требует развития прежде всего политических и экономических институтов для формирования мотивации трудовой и предпринимательской деятельности.

На протяжении всей истории человечества жизнь общества сохраняла трудовую основу. Труд и профессия – ось человеческого существования. Между тем в современной Беларуси в условиях невысокого уровня и необоснованной дифференциации заработной платы, разгула коррупции в чиновничьей среде наблюдается девальвация ценности труда, подрывающая трудовую и предпринимательскую мотивацию, которая должна быть главным драйвером инклюзивного роста и развития. Кризис социально-трудовой сферы закономерно ведет к кризису экономической системы в целом. Последствия нерешенности этой проблемы являются фундаментальным препятствием для социально-экономического развития страны.

Национальные особенности мотивации к труду и предпринимательской деятельности в значительной степени определяются менталитетом граждан, проживающих в стране. Бытующие

в белорусском обществе социальные и экономические стереотипы, определяющие поведение населения, нуждаются в корректировке. Необходимо менять отношение белорусов не только к труду, но и к собственности и предпринимательству, формировать в обществе ценности хозяйственной жизни и современную бизнес-культуру. В стране сохраняется потребность в реализации мер, обеспечивающих раскрепощение у граждан деловой инициативы и постепенное увеличение доли экономически самостоятельного и предприимчивого населения с инновационным потенциалом. Приоритетом государственной стратегии развития должно стать формирование инновационной хозяйственной культуры на базе возрождения традиционной ценности самого труда. Слабая трудовая мотивация, низкая предпринимательская активность населения должны быть преодолены, что обеспечит вовлечение граждан в экономику и эффективное использование человеческого потенциала.

Мотивация – ключ к росту национальной конкурентоспособности в условиях перехода к инновационной экономике. Идеология мотивации к труду и предпринимательской деятельности предполагает следующие акценты: население должно осознавать зависимость своего уровня жизни от экономических успехов страны; отношение к труду – главный критерий положения человека в обществе. Претворение этой идеологии в жизнь требует преобразования институциональной среды.

Жизнедеятельность общества оформлена системой институтов. Поведение каждого человека подчинено формальным и неформальным «правилам игры», включающим как правовые нормы, так и мировоззренческие и моральные установки, формируемые не столько индивидом, сколько властью и обществом. Институты создают систему принуждения человека к приемлемому в обществе поведению. Способствующее поддержанию роста национальной экономики и инклюзивного развития страны поведение населения формируют не только инклюзивные политические и экономические институты. Неотъемлемым условием формирования конкурентоспособной экономики выступают эффективные социальные институты и разумная социальная политика. В центре национальной социально-экономической модели должен находиться человек труда и его насущные интересы, а диктуемое ею перераспределение общественных ресурсов обязано способствовать повышению трудовой и предпринимательской активности населения.

ГЛОССАРИЙ

Благосостояние населения – состояние обеспеченности населения необходимыми ресурсами для полноценной жизнедеятельности.

Бедность – характеристика экономического положения индивидов, при котором они находятся в состоянии нужды (нехватки необходимых ресурсов), не позволяющем удовлетворить минимальные человеческие потребности для поддержания жизнедеятельности, сохранения трудоспособности, продолжения рода.

Глобализация экономики – формирование глобального рынка товаров и услуг, обеспечивающего функционирование конкурентного механизма перераспределения созданной в мировом хозяйстве добавленной стоимости.

Дифференциация доходов населения – различия в уровне доходов индивидов, различных слоев и групп населения, формирующие экономическое неравенство.

Индикатор – показатель, используемый при выработке решений, определяющих социально-экономическую политику государства и инструменты ее реализации.

Инклюзивное развитие – создание благоприятных условий для устойчивого инновационного экономического роста, обеспечивающего повышение качества жизни всего населения и нивелирующего социальное неравенство.

Инклюзивные институты – институты, которые разрешают и стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, что позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки на базе свободы выбора того, где работать и что покупать.

Институты – правила и нормы, регулирующие общественные отношения и человеческую активность путем определения диапазона возможного поведения индивидов, их коллективов и хозяйствующих субъектов.

Институциональная среда – совокупность основополагающих политических, экономических, социальных и инновационно-технологических институтов.

Институциональная инфраструктура – совокупность организационных форм реализации институтов (органы управления, организационные структуры, коммуникации и других средства, объединенные в определенную качественную целостность на основе принципов функционального назначения и связи элементов).

Институциональный капитал – совокупность институтов, определяющих политическую, экономическую, социальную и технологическую платформу страны, и соответствующей им институциональной инфраструктуры.

Качество жизни населения – совокупность всех условий, определяющих физическое, умственное и социальное благополучие человека.

Мотивация – внутреннее побуждение человека к деятельности, обусловленное его стремлением удовлетворить материальные, духовные и социальные потребности.

Национальное богатство – совокупность активов страны, обеспечивающих функционирование системы общественного воспроизводства.

Национальная конкурентоспособность – способность страны в условиях глобальной конкуренции получать ренту (добавленную стоимость), обеспечивающую устойчивый рост уровня и качества жизни населения.

Природный капитал – совокупность следующих составляющих: природные ресурсы, географическое положение, природно-климатические условия.

Труд – целесообразная деятельность людей, направленная на создание материальных или духовных благ, способных удовлетворять определенные человеческие потребности.

Уровень жизни – уровень развития и степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

Факторы производства – экономические ресурсы, вовлеченные в общественное воспроизводство.

Физический (произведенный) капитал – искусственно созданные средства производства или капитальные активы (здания, сооружения, машины, оборудование, материальные запасы и т. д.).

Человеческий капитал – стоимостное выражение функциональной значимости работника для конкретной производственной системы, исходя из объема генерируемой ею добавленной стоимости.

Экстрактивные институты – институты, ограничивающие участие населения в экономическом кругообороте и не позволяющие продуктивно использовать имеющийся у человека потенциал.

ПЕРЕЧНИ МАТЕРИАЛОВ

Перечень рисунков

Рисунки к главе 1

Рис. 1.1. Технологические уклады С. Ю. Глазьева.....	14
Рис. 1.2. Пирамида различных форм капитала в мировом богатстве по исследованию Всемирного банка	33
Рис. 1.3. Концепция формирования национального человеческого капитала	40
Рис. 1.4. Структура общественно-экономической формации	51
Рис. 1.5. Классификационная структура цивилизации.....	52
Рис. 1.6. Сферы общественной жизни	55

Рисунки к главе 2

Рис. 2.1. Республика Беларусь и сопредельные страны Европы	71
Рис. 2.2. Динамика ВВП в Республике Беларусь	86
Рис. 2.3. Динамика численности и уровня занятости населения в Республике Беларусь.....	89
Рис. 2.4. Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения в Республике Беларусь.....	99

Рисунки к главе 3

Рис. 3.1. Структура национального богатства Республики Беларусь в сравнении с европейскими странами.....	146
Рис. 3.2. Институциональный профиль Республики Беларусь	204
Рис. 3.3. PEST-контуры институционального дизайна Республики Беларусь и сопредельных стран.....	206
Рис. 3.4. Институциональный профиль Польши	207

Перечень таблиц

Таблицы к главе 2

Таблица 2.1. Динамика потребительских цен и курса доллара США в Республике Беларусь	80
Таблица 2.2. Фрагмент панели показателей инклюзивного развития ВЭФ (2018 г.)	82
Таблица 2.3. Среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта в Республике Беларусь	87
Таблица 2.4. Динамика валового внутреннего продукта в Республике Беларусь	88
Таблица 2.5. Распределение численности занятого населения по формам собственности в Республике Беларусь	92
Таблица 2.6. Показатели безработицы в Республике Беларусь	93
Таблица 2.7. Динамика производительности труда в Республике Беларусь	96
Таблица 2.8. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Беларусь	97
Таблица 2.9. Индикаторы блока «рост и развитие» в Республики Беларусь	98
Таблица 2.10. Структура денежных доходов населения в Республике Беларусь	101
Таблица 2.11. Показатели дифференциации доходов населения в Республике Беларусь	102
Таблица 2.12. Доля населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже 4 долл. США (по ППС) в день в Республике Беларусь	108
Таблица 2.13. Доля населения с уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов ниже БПМ в Республике Беларусь	112
Таблица 2.14. Относительная и субъективная малообеспеченность населения в Республике Беларусь	114
Таблица 2.15. Доля расходов населения на питание в Республике Беларусь	116
Таблица 2.16. Калорийность потребленных в домашних хозяйствах продуктов питания в Республике Беларусь	117
Таблица 2.17. Индикаторы блоков «рост и развитие» и «инклюзивность» в Республики Беларусь	119
Таблица 2.18. Динамика валового сбережения и валового накопления основного капитала в Республике Беларусь	121

Таблица 2.19. Кредитная история Республики Беларусь за 2009–2017 гг.	124
Таблица 2.20. Государственный долг Республики Беларусь	126
Таблица 2.21. Показатели парниковой интенсивности производства в Республике Беларусь.....	128
Таблица 2.22. Динамика возрастной структуры населения Республики Беларусь	129
Таблица 2.23. Индикаторы инклюзивного развития в Республике Беларусь (в группировке по блокам)	130
Таблица 2.24. Индикаторы инклюзивного развития Республики Беларусь (в ранжированном виде)	131

Таблицы к главе 3

Таблица 3.1. Отдельные элементы национального богатства Республики Беларусь	133
Таблица 3.2. Структура основных средств в Республике Беларусь	135
Таблица 3.3. Износ основных средств в Республике Беларусь....	136
Таблица 3.4. Динамика изменения технологического уклада в отдельных странах и регионах мира в 1950–2015 гг.	136
Таблица 3.5. Финансовые активы и обязательства Республики Беларусь	141
Таблица 3.6. Национальное богатство и валовой внутренний продукт отдельных стран мира	143
Таблица 3.7. Показатели демографической динамики в Республике Беларусь	149
Таблица 3.8. Уровень образования занятого населения в Республике Беларусь	157
Таблица 3.9. Международные рейтинги, характеризующие качество политических институтов.....	169
Таблица 3.10. Международные рейтинги, характеризующие качество экономических институтов	179
Таблица 3.11. Международные рейтинги, характеризующие качество социальных институтов.....	186
Таблица 3.12. Международные рейтинги, характеризующие развитие инновационно-технологической платформы.....	195
Таблица 3.13. Показатели качества институтов Республики Беларусь и сопредельных стран.....	203

Перечень вставок

Вставки к главе

Гильдия чеканщиков по золоту.....	19
Техносфера.....	52
Уровень жизни $\neq$ качество жизни?.....	61
Циркуляр о кухаркиных детях (Российская империя, 1887 г.)	69

Вставки к главе 2

Белая Русь (конец IX – начало XXI в.)	72
Продуктовая корзина крепостных крестьян (Россия, 1846 г.)...	118

Вставки к главе 3

Исчезающая Болгария	147
Образ ученого	158
Белорус (Илья Репин, 1882 г.).....	161
Труд как источник богатства: общественное мнение (Республика Беларусь, 2014 г.).....	162
Belarus E-Government development	201
Социальная политика Великобритании (XX в.).....	218

ЛИТЕРАТУРА

1. Агабекова, Н. В. Методология экономико-статистической оценки эффективности жизнедеятельности человека: монография / Н. В. Агабекова. – Минск: БГАТУ, 2015. – 326 с.

2. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон; пер. с англ. – М.: АСТ, 2016. – 693 с.

3. Айвазов, А. Э. Периодическая система мирового капиталистического развития / А. Э. Айвазов // Развитие и экономика. – 2012. – № 2. – С. 140–147.

4. Алампиев, О. А. Особенности экономической дифференциации и традиционный эгалитаризм: вызовы модернизации для белорусского общества / О. А. Алампиев // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 90–100.

5. Алесина, А. Культура и институты / А. Алесина, П. Джулиано // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 24–56.

6. Аллен, Р. Глобальная экономическая история: краткое введение / Р. Аллен; пер. с англ. – М.: Изд-во института Гайдара, 2013. – 224 с.

7. Андрияшко, М. Направления программы демографической безопасности 2016–2020 / М. Андрияшко // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 11. – С. 25–30.

8. Антюшина, Н. Значение опыта североевропейских стран для экономической теории и политики / Н. Антюшина // Экономист. – 2015. – № 8. – С. 51–59.

9. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2006. – 472 с.

10. Аткинсон, Э. Б. Неравенство: как с ним быть? / Э. Б. Аткинсон; пер. с англ. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 536 с.

11. Афонцев, С. А. Мировая экономика в поисках новой модели роста / С. А. Афонцев // МЭиМО. – 2014. – № 2. – С. 3–12.

12. Бабосов, Е. Культурный код нации: сущность и особенности / Е. Бабосов // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – С. 48–50.
13. Базылева, М. Н. Человеческий капитал и трудовые отношения: монография / М. Н. Базылева, Н. И. Базылев. – Минск: Мисанта, 2011. – 303 с.
14. Байнев, В. Переход Беларуси к инновационной экономике: реформирование или модернизация? / В. Байнев // Наука и инновации. – 2016. – № 5. – С. 22–25.
15. Байнев, В. О системных препятствиях на пути новой индустриализации Беларуси / В. Байнев, В. Винник // Экономист. – 2018. – № 5. – С. 53–56.
16. Балацкий, Е. В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения / Е. В. Балацкий // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 143–155.
17. Барановский, С. И. Глобальный маркетинг [Электронный ресурс]: тексты лекций / С. И. Барановский, БГТУ. – Минск: БГТУ, 2017. – 187 с. (pdf).
18. Барбашин, М. Ю. Социальные свойства институтов / М. Ю. Барбашин // Социологическое исследование. – 2018. – № 2. – С. 25–33.
19. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. – Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2015. – 498 с.
20. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер с англ. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
21. Блэк, Дж. Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 840 с.
22. Богатырева, В. В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике: теория, методология, моделирование: монография / В. В. Богатырева. – Новополоцк: ПГУ, 2013. – 400 с.
23. Богданов, И. Я. Бедность как образ жизни в современной России: монография / И. Я. Богданов. – М.: Норма, 2015. – 224 с.
24. Богомоллов, Е. В. Дифференциация доходов как причина революции / Е. В. Богомоллов // Вопросы экономических наук. – 2018. – № 2. – С. 10–13.
25. Брегман, Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир / Р. Брегман. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 280 с.

26. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–75.
27. Буховец, О. Г. Обострение борьбы за ресурсы в мире и белорусский опыт законодательства о недрах / О. Г. Буховец // Белорусский экономический журнал. – 2014. – № 3. – С. 121–132.
28. Быков, А. Необходимо вкладывать ресурсы в экспортно ориентированные отрасли / А. Быков // Финансы, учет и аудит. – 2016. – № 1. – С. 36–38.
29. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
30. Валлерстайн, И. Провал неолиберальной глобализации / И. Валлерстайн // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 91–94.
31. Варвус, С. А. В поисках оптимального уровня дифференциации доходов населения России / С. А. Варвус // Мир новой экономики. – 2016. – № 2. – С. 95–102.
32. Вебер, А. Б. Исследование социального прогресса: глобальное измерение и вызовы для политики / А. Б. Вебер // Век глобализации. – 2016. – № 1–2. – С. 133–146.
33. Вебер, М. Протестанская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
34. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 368 с.
35. Вегера, С. Г. Земля в структуре национального богатства Республики Беларусь / С. Г. Вегера // Экономика и управление. – 2009. – № 4. – С. 14–19.
36. Вельцель, К. Рождение свободы / К. Вельцель. – М.: ВЦИОМ, 2017. – 404 с.
37. Войеков, М. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве / М. Войеков, Г. Анисимова // Общество и экономика. – 2015. – № 3. – С. 26–46.
38. Володько, В. Ф. Динамика развития технологий управления / В. Ф. Володько // Новости науки и технологий. – 2016. – № 2 (37). – С. 43–48.
39. Глазьев, С. Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2018. – Т. 54, № 3. – С. 17–30.

40. Глущенко, К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства / К. П. Глущенко // Вопросы статистики. – 2016. – № 2. – С. 71–80.

41. Григорьев, О. В. Эпоха роста. Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы / О. Григорьев. – М.: Карьера Пресс, 2016. – 448 с.

42. Громыко, Г. Л. Об использовании коэффициента Джини в экономико-статистических исследованиях / Г. Л. Громыко, И. Н. Матюхина // Вопросы статистики. – 2015. – № 9. – С. 56–65.

43. Губанов, С. Неиндустриализация России и нищета ее саботажной критики / С. Губанов // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 3–32.

44. Гусаков, Б. Поиски стратегии для белорусской экономики / Б. Гусаков // Главный экономист. – 2015. – № 4. – С. 65–73.

45. Давыдов, Д. А. Грядущее рентное общество / Д. А. Давыдов, Л. Г. Фишман // Свободная мысль. – 2015. – № 5 (1653). – С. 151–164.

46. Дайнеко, А. Е. Сущность белорусской экономической модели и оценка эффективности ее реализации / А. Е. Дайнеко, И. А. Грибоедова, О. И. Моторина // Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика / под общ. ред. В. Г. Гусакова; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 236–273.

47. Дзарасов, Р. С. Как оценивать национальное богатство / Р. С. Дзарасов // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 6. – С. 115–122.

48. Долговая проблема как феномен XXI века: монография / под ред. А. А. Пороховского. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

49. Долинина, Т. Н. Беларусь в кругу сопредельных стран: институциональные основы национальной конкурентоспособности / Т. Н. Долинина // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 114–128.

50. Долинина, Т. Н. Благосостояние для всех: развитие распределительных отношений в Беларуси / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. – 2016. – № 7 (189): Экономика и управление. – С. 14–18.

51. Долинина, Т. Н. Институциональная модель государственного регулирования оплаты труда / Т. Н. Долинина //

Труды БГТУ. – 2016.– № 7 (189): Экономика и управление. – С. 9–13.

52. Долинина, Т. Н. Институциональные проблемы оплаты труда в Республике Беларусь / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2018. – № 2 (214). – С. 9–15.

53. Долинина, Т. Н. Институциональный профиль конкурентоспособности Беларуси: взгляд сквозь призму мировых рейтингов / Т. Н. Долинина // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: экономические, юридические, философские и политические науки. – 2017. – Вып. 1 (201). – С. 48–62.

54. Долинина, Т. Н. Качество жизни населения в Республике Беларусь сквозь призму международных рейтингов / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2017. – № 2 (202). – С. 13–19.

55. Долинина, Т. Н. Национальное богатство Республики Беларусь: концептуальные подходы к оценке / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2017. – № 1 (196). – С. 20–28.

56. Долинина, Т. Н. На фоне китайского дракона: профиль конкурентоспособности экономики Республики Беларусь / Т. Н. Долинина // Новости науки и технологии. – 2017. – № 4. – С. 47–55.

57. Долинина, Т. Н. Оплата труда наемных работников: теоретико-методологические аспекты: монография / Т. Н. Долинина. – Минск: БГТУ, 2011. – 316 с.

58. Долинина, Т. Н. Профиль конкурентоспособности / Т. Н. Долинина // Финансы. Учет. Аудит. – 2017. – № 4. – С. 41–44.

59. Долинина, Т. Н. Рейтинг – инструмент «мягкой силы» или индикатор развития / Т. Н. Долинина // Мир перемен. – 2017. – № 2. – С. 148–160.

60. Долинина, Т. Н. Современные проблемы оплаты труда наемных работников: социальный ракурс / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. – 2015. – № 7 (180): Экономика и управление. – С. 13–18.

61. Долинина, Т. Н. Человеческий капитал в составе национального богатства Республики Беларусь / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2018. – № 1 (208). – С. 12–17.

62. Желиба, Б. Н. О необходимости структурных реформ в экономике Беларуси / Б. Н. Желиба // Интеллектуальный капитал в экономике знаний: сб. тр. к 110-летию Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 41–51.

63. Жуков, А. Л. Регулирование заработной платы: современные тенденции и пути реформирования: монография / А. Л. Жуков, Д. В. Хабарова. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 411 с.

64. Загорец, В. Стратегия Республики Беларусь в сфере внешней миграции: новые вызовы и возможности / В. Загорец, И. Загорец // Журнал международного права и международных отношений. – 2016. – № 1–2. – С. 131–143.

65. Заостровцев, А. Институциональная история России / А. Заостровцев // Вопросы экономики. – 2017. – № 5. – С. 136–147.

66. Ибрагимова, З. С. Бедность: вопросы методологии, анализа, оценки / З. С. Ибрагимова. – Уфа: УГАЭС, 2011. – 148 с.

67. Иванов, В. В. Инновационная парадигма XXI века / В. В. Иванов. – М.: Наука, 2015. – 383 с.

68. Иванов, В. Г. «ChartsPower» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия / В. Г. Иванов. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.

69. Иванов, Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – № 4. – С. 126–143.

70. Ильин, В. Н. Негуманитарная социология. Новый взгляд / В. Н. Ильин. – М.: URSS, 2017. – 304 с.

71. Индексы развития государств мира: справочник / О. Т. Гаспарян [и др.]; под ред. Ю. А. Нисневича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. – 247 с.

72. Истерли, У. В поисках роста: приключения и злключения экономистов в тропиках / У. Истерли; пер. с англ. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. – 352 с.

73. Кабанов, В. Н. Критерий для оценки уровня материального благосостояния населения / В. Н. Кабанов // Новая экономика. – 2016. – № 1 (67). – С. 13–19.

74. Канашевич, Н. М. Культурная среда хозяйственной деятельности как фактор социального развития / Н. М. Канашевич // Thesaurus. – 2015. – Вып. 1. – С. 82–85.

75. Кириченко, О. В. Советская модель конвертации богатства: 1920–1930-е годы / О. В. Кириченко // Традиции и современность. – 2015. – № 17. – С. 3–37.

76. Кларк, Д. Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / Д. Г. Кларк. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. – 544 с.

77. Ключня, В. Л. Нравственность и экономика счастья: содержание и показатели / В. Л. Ключня // Экономическая теория в XXI веке: поиск эффективных механизмов хозяйствования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Полоцк, 20–21 окт. 2016 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Полоцк: Полоцкий государственный университет, 2016. – С. 15–22.

78. Койл, Д. ВВП: Краткая история, рассказанная с пиететом / Д. Койл; пер. с англ. – М.: Высшая школа экономики Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации, 2016. – 176 с.

79. Колодко, Гж. Куда идет мир: политическая экономия будущего / Гж. Колодко; пер. с пол. Ю. Чайникова. – М.: Магистр, 2014. – 528 с.

80. Комарова, И. К. Аксиологические факторы развития Беларуси в эпоху глобальных перемен / И. К. Комарова // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2017. – № 3. – С. 4–13.

81. Кондратенко, С. А. Оценка качества жизни и питания населения Республики Беларусь / С. А. Кондратенко, О. В. Стешиц // Проблемы управления: сб. науч. тр. – 2015. – № 1. – С. 136–147.

82. Конкурентоспособность экономики: инновационный подход: монография / под общ. ред. В. И. Кудашова, А. С. Головачева. – Минск: Изд-во МИУ, 2012. – 484 с.

83. Корнеевец, И. В. Человеческий капитал: проблемы формирования, накопления и использования: монография / И. В. Корнеевец. – Минск: БГЭУ, 2008. – 223 с.

84. Костромичева, Э. В. Современное состояние и проблемы управления внешним долгом Республики Беларусь / Э. В. Костромичева // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 26–36.

85. Котляров, И. Евразийская интеграция в социологическом измерении / И. Котляров // Thesaurus. – 2016. – Вып. 3. – С. 12–21.

86. Кристиневич, С. А. Институциональные условия воспроизводства человеческого капитала в инновационной экономике: монография / С. А. Кристиневич, А. М. Омелянюк. – Брест: БрГТУ, 2008. – 151 с.

87. Крупейченко, О. Е. Особенности формирования демографической политики в Республике Беларусь в контексте воспроизводства населения страны и сбалансированности возрастной структуры / О. Е. Крупейченко // Новая экономика. – 2016. – № 1 (67). – С. 179–186.

88. Кузнецов, А. В. Институциональные монополии в международном разделении труда / А. В. Кузнецов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 9. – С. 37–46.

89. Кязимов, К. Г. Регулирование рынка труда и занятости населения: монография / К. Г. Кязимов. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 205 с.

90. Ларионов, И. К. Человек и труд в системе многоуровневого общественного воспроизводства: монография / И. К. Ларионов. – М.: Дашков и К, 2018. – 389 с.

91. Левко, А. Культура, инновации и рынок: духовно-нравственные и экономические составляющие / А. Левко // Наука и инновации. – 2016. – № 6. – С. 66–68.

92. Лемешевский, И. М. Национальная экономика Беларуси / И. М. Лемешевский, И. П. Дервяго. – Минск: БГТУ, 2012. – 188 с.

93. Лемещенко, П. С. Современная мир-экономика: некоторые уроки политэкономии / П. С. Лемещенко // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 27–28 сент. 2018 г.) / редкол.: В. В. Пузиков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 21–26.

94. «Ловушка среднего дохода»: междисциплинарная оценка выхода для Беларуси / К. В. Рудый [и др.] // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 3 (84). – С. 4–18.

95. Любимов, И. Л. Неравенство и экономический рост: вызовы для российской экономики / И. Л. Любимов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 1. – С. 11–22.

96. Махкамова, Ш. О методологии и практике оценки уровня жизни населения / Ш. Махкамова // Общество и экономика. – 2014. – № 2–3. – С. 228–240.

97. Мизес, Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М.: Экономика, 2000. – 878 с.
98. Морова, А. Качество экономического роста и его социальная составляющая / А. Морова, И. Михайлова-Станюта // Наука и инновации. – 2009. – № 4 (74). – С. 57–59.
99. Морова, А. П. Генезис и законодательное обеспечение социальной политики в Республике Беларусь / А. П. Морова // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 145–160.
100. Морозов, В. А. Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций / В. А. Морозов // Экономические стратегии. – 2018. – № 5. – С. 64–71.
101. Мотивация труда как базис конкурентоспособности / И. П. Воробьев [и др.] // Финансы. Учет. Аудит. – 2010. – № 3. – С. 36–38.
102. Моторина, О. И. Методические рекомендации по оценке страновой конкурентоспособности / О. И. Моторина // Научные труды, посвященные 85-летию Института экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2016. – С. 236–242.
103. Мэдиссон, Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / Э. Мэдиссон; пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 584 с.
104. Мясникович, М. В. Актуальные вопросы экономической теории и практики / М. В. Мясникович // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 4–8.
105. Национальная экономика Беларуси: учебник / В. Н. Шимов [и др.]; под ред. В. Н. Шимова. – Минск: БГЭУ, 2018. – 650 с.
106. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Д. Стиглиц [и др.]; пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 216 с.
107. Неверов, А. В. Эколого-экономическая оценка природных ресурсов / А. В. Неверов, И. В. Войтов, С. Б. Кочановский // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 2. – 47–55.
108. Неверов, А. В. Экономическая оценка природно-ресурсного потенциала региона: теория и практика применения / А. В. Неверов, Н. А. Масилевич, О. А. Воропаева // Труды БГТУ. – 2013. – № 7 (162): Экономика и управление. – С. 101–105.

109. Нехорошева, Л. Н. Глобальные вызовы в контексте четвертой промышленной революции: новые требования к национальной экономике и угроза возникновения «технологической пропасти» / Л. Н. Нехорошева // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст. В 4 ч. Ч. 1 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. – С. 95–109.

110. Никитенко, П. Г. Модель развития нового уклада экономики – инновационная созидательная стратегия устойчивой жизнедеятельности Беларуси в условиях глобализации / П. Г. Никитенко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2014. – № 1. – С. 119–125.

111. Новикова, И. В. Смена модели глобализации: от рыночной аналоговой к цифровой экономике / И. В. Новикова // Стратегические направления социально-экономического и финансового обеспечения развития национальной экономики: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 27–28 сент. 2018 г.) / редкол.: В. В. Пузиков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 27–30.

112. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития / Дж. Диксон [и др.]. – М.: Весь Мир, 2003. – 128 с.

113. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 189 с.

114. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 480 с.

115. Обзор международной практики методов оценки многомерной бедности // Статистика СНГ: стат. бюл. – 2017. – № 1. – С. 243–259.

116. Олсон, М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.

117. Онищенко, В. Ф. Социальные предпосылки экономического развития Украины / В. Ф. Онищенко // Экономика Украины. – 2017. – № 9 (662). – С. 19–36.

118. Осипов, Г. В. Глобальные модели развития человечества: учеб. пособие / Г. В. Осипов, В. А. Лисичкин; под. общ. ред. В. А. Садовниченко. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. – 256 с.
119. Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI в. / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2017. – 472 с.
120. Панков, Д. А. Учет человеческого капитала в экономике инновационного типа / Д. А. Панков, А. Н. Короб // Проблемы управления. – 2010. – № 3. – С. 77–81.
121. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти; пер. с англ. – М.: АД Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
122. Пилуй, М. П. Рынок труда Беларуси в рамках Союзного государства / М. П. Пилуй // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2014. – № 10. – С. 60.
123. Пилуй, М. П. Трудовой потенциал Беларуси: формирование и использование / М. П. Пилуй // Главный экономист. – 2015. – № 2. – С. 12–19.
124. «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск: Звезда, 2017. – 367 с.
125. Пушкарева, Е. А. Социальная структура, социальные институты и процессы (модернизация образования) / Е. А. Пушкарева // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 2. – С. 8–15.
126. Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – 384 с.
127. Ржаницына, Л. С. Стимулирование труда и его производительность / Л. С. Ржаницына // Уровень жизни регионов России. – 2014. – № 2 (192). – С. 37–43.
128. Римашевская, Н. М. Реформирование социальной политики в России / Н. М. Римашевская // Белорусский экономический журнал. – 2003. – № 1. – С. 106–119.
129. Родионов, В. К новой экономической модели: от рентной экономики к интенсивной / В. Родионов // Экономист. – 2015. – № 12. – С. 48–52.
130. Романова, Л. Страны Северной Европы: стратегия выживания и развития / Л. Романова // Обозреватель. – 2015. – № 4. – С. 103–106.

131. Рудый, К. Государственный капитализм в Беларуси / К. Рудый // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 4. – С. 77–85.

132. Рудый, К. В. Структурные экономические реформы: необходимость для Республики Беларусь и зарубежный опыт / К. В. Рудый // *Белорусский экономический журнал*. – 2015. – № 1. – С. 30–41.

133. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск: *Беларуская навука*, 2014. – 304 с.

134. Савченко, П. В. Очерки о социально-экономической системе России: человек как вектор развития: монография / П. В. Савченко. – М.: *Инфра-М*, 2017. – 263 с.

135. Седлов, А. Рынок труда стран СНГ в контексте глобализации / А. Седлов // *Общество и экономика*. – 2015. – № 8–9. – С. 105–120.

136. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. – М.: *Новое издательство*, 2004. – 432 с.

137. Сидорина, Т. Ю. Цивилизация труда: заметки социально-го теоретика / Т. Ю. Сидорина. – СПб.: *Алетейя*, 2014. – 400 с.

138. Система экономических институтов Республики Беларусь / А. Е. Дайнеко [и др.]; под общ. ред. А. Е. Дайнеко; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: *Беларуская навука*, 2015. – 279 с.

139. Соколинская, Т. В. Международные рейтинги как форма регулирования институционального развития страны (на примере Республики Беларусь) / Т. В. Соколинская // *Международная экономика*. – 2011. – № 1. – С. 29–37.

140. Соколова, Г. Н. Социальные аспекты вступления Республики Беларусь в Евразийский экономический союз / Г. Н. Соколова // *Социологический альманах*. – 2017. – № 8. – С. 32–48.

141. Сорокин, П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. Сорокин. – М.: *Наука*, 1994. – 356 с.

142. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц; пер. с англ. – М.: *Эксмо*, 2015. – 512 с.

143. Таранова, Е. В. Факторы трудовой мотивации белорусов / Е. В. Таранова // *Социологический альманах*. – 2015. – № 6. – С. 436–444.

144. Таранухо, Ю. Конкурентоспособность страны: зачем за нее бороться / Ю. Таранухо // Общество и экономика. – 2016. – № 5. – С. 72–85.

145. Тарасов, В. И. Макроэкономическая и монетарная политика Республики Беларусь на кризисных этапах развития экономики / В. И. Тарасов // Экономика, моделирование, прогнозирование: сб. науч. тр. / редкол.: М. К. Кравченко [и др.]; НИЭИ М-ва экономики Республики Беларусь. – Минск, 2015. – Вып. 9. – С. 21–29.

146. Тарасов, В. Сколько стоит Беларусь / В. Тарасов // Дело. – 2010. – № 9. – С. 26–30.

147. Тихомирова, Т. Количественные методы оценки состояния и потерь здоровья населения в регионах России / Т. Тихомирова // Федерализм. – 2016. – № 1. – С. 43–64.

148. Тихонова, Л. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Л. Тихонова, Е. Красинец // Журнал международного права и международных отношений. – 2015. – № 2. – С. 65–71.

149. Ткаченко, Ю. Л. Техносфера – главное достижение человечества / Ю. Л. Ткаченко, А. С. Керженцев // Энергия. Экономика. Техника. Технологии. – 2017. – № 8. – С. 22–28.

150. Фишер, С. Экономическая теория / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 420 с.

151. Форд, М. Технологии, которые изменят мир / М. Форд; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 268 с.

152. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2005. – 592 с.

153. Харитонова, Е. М. Эффективность «мягкой силы»: проблемы оценки / Е. М. Харитонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48–58.

154. Хелпман, Э. Загадка экономического роста / Э. Хелпман. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 240 с.

155. Цилибина, В. М. Методологические подходы к оценке национального богатства Республики Беларусь // Природопользование: экология, экономика, технологии: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 6–8 окт. 2010 г.). – Минск: Минсктиппроект, 2010. – С. 304–308.

156. Шавель, С. А. Сферный подход в теоретической социологии / С. А. Шавель // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. – 2014. – № 1. – С. 29–41.

157. Щербаков, И. В. Оценка влияния действующей структуры стимулов на экономическое развитие / И. В. Щербаков // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 1. – С. 8.

158. Шимов, В. Н. Инновационное развитие экономики Беларуси: движущие силы и национальные приоритеты: монография / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков. – Минск: БГЭУ, 2014. – 199 с.

159. Шимов, В. Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды / А. Н. Данилов [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БГУ, 2015. – С. 129–144.

160. Шимов, В. Н. Экономический конструктивизм и его роль в системе «ядро – периферия» / В. Н. Шимов, А. А. Быков // Экономист. – 2016. – № 10. – С. 67–78.

161. Шимова, О. С. Институциональная среда «зеленой» экономики для имплементации глобальных целей устойчивого развития на национальном уровне / О. С. Шимова // Научные труды БГЭУ. – 2018. – Вып. 11. – С. 477–484.

162. Шмарловская, Г. А. Конкурентоспособность Республики Беларусь в мировой экономике / Г. А. Шмарловская // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 22–41.

163. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

164. Шумская, С. С. Национальное богатство: методологические подходы и оценки по Украине: макроэкономика / С. С. Шумская. – Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, 2006. – 75 с.

165. Шурубович, А. В. Модернизация экономики Белоруссии: тенденции, проблемы, перспективы / А. В. Шурубович // Россия и современный мир. – 2015. – № 1 (86). – С. 124–140.

166. Шушкевич, А. М. Водные ресурсы – конкурентное преимущество Республики Беларусь / А. М. Шушкевич // Экономический бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 5. – С. 61–68.

167. Эльянов, А. Об основном локомотиве экономики / А. Эльянов // Общество и экономика. – 2014. – № 9. – С. 40–53.

168. Эрвудт, Р. Наследие советского патернализма в белорусской деревне: морализация и фольклоризация социального мира / Р. Эрвудт, А. Курило // Мир России. – 2016. – № 4. – С. 47–49.

169. Юдин, Н. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» / Н. Юдин // *Международная жизнь*. – 2018. – № 7. – С. 112–123.
170. Юлдашев, Р. Т. Перспективы развития прорывных технологий VI технологического уклада / Р. Т. Юлдашев, А. И. Воинов // *Финансовый бизнес*. – 2016. – № 1. – С. 3–7.
171. Янг, А. Э. Возрастающая отдача и экономический прогресс / А. Э. Янг // *Экономическая политика*. – 2014. – № 6. – С. 186–200.
172. Bauer, R. *Social Indicators* / R. Bauer. – Massachusetts: MIT Press, 1966. – 357 p.
173. *The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium* [Электронный ресурс] / Wash. World Bank. – 2011. – 221 p. – Режим доступа: <https://site-resources.worldbank.org/ENVIRONMENT/Resources/ChangingWealth-Nations.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2018.
174. *Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Sustainable Development* [Электронный ресурс] / A. Kunte [at al.] // Wash. World Bank. – 1998. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/555261468765258502/Expanding-the-measure-of-wealth-indicators-of-environmentally-sustainable-development>. – Дата доступа: 10.10.2018.
175. *Estimating National Wealth: Methodology and Results* [Электронный ресурс] / A. Kunte [et al.]; Wash. World Bank. – 1998. – 44 p. – Режим доступа: https://millenniumindicators.un.org/unsd/envAccounting/ceea/archive/Framework/Kunte_etal_1998.PDF. – Дата доступа: 01.03.2018.
176. Hamilton, K. *Sustaining Economic Welfare: Estimating Changes in Wealth Per Capita* [Электронный ресурс] / K. Hamilton. – 2000. – 28 p. – Режим доступа: [https:// http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/575961468739146017/pdf/multi-page.pdf](https://http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/575961468739146017/pdf/multi-page.pdf). – Дата обращения: 01.03.2018.
177. Merton, R. *Design of Financial Systems: Toward a Synthesis of Function and Structure* / R. Merton, Z. Bodie // *Journal of Investment Management*. – 2005. – Vol. 3, no. 1. – P. 60–69.
178. *Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century* / K. Hamilton [at al.]; Wash. World Bank. – 2006. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/287171468323724180/Where-is-the-wealth-of-nations-measuring-capital-for-the-21st-century>. – Дата доступа: 01.03.2018.

Научное издание

Долинина Татьяна Николаевна

**ДРАЙВЕРЫ
ИНКЛЮЗИВНОГО
РАЗВИТИЯ**

Монография

Редактор *О. П. Приходько*
Компьютерная верстка *Е. В. Ильченко*
Корректор *О. П. Приходько*

Подписано в печать 12.03.2019. Формат 60×84¹/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,3.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.